

★ ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! ★

Владимир БЕШАНОВ

Шапками закидаем!

ОТ КРАСНОГО БЛИЦКРИГА
ДО ТАНКОВОГО ПОГРОМА

1941 года

Владимир Бешанов

**Шапками закидаем! От
Красного блицкрига до
Танкового погрома 1941 года**

«Яуза»

Бешанов В.

Шапками закидаем! От Красного блицкрига до Танкового погрома 1941 года / В. Бешанов — «Яуза»,

ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Опровержение ключевых советских мифов о Второй Мировой. Сенсационное исследование начального периода войны – от «освободительного похода» Красной Армии в Европу до «ТАНКОВОГО ПОГРОМА» 1941 года. Хотя блицкриг заслуженно считается изобретением «сумрачного германского гения», в начале Второй Мировой Красная Армия доказала, что при благоприятных условиях также вполне способна вести «молниеносную войну» в лучших традициях Вермахта, устроив «КРАСНЫЙ БЛИЦКРИГ» в Польше, Прибалтике и Бессарабии. Именно после этого советская пропаганда ударилась в «шапкозакидательство»: мол, будем «бить врага на его территории!», «малой кровью, могучим ударом!», «чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя!». Однако на самом деле даже при незначительном сопротивлении противника далеко не все шло так гладко, как хотелось бы, – только во время Польского похода РККА потеряла от поломок и неисправностей до 500 танков... Но настоящий «танковый падеж» случился два года спустя, страшным летом 1941-го, когда, несмотря на абсолютное превосходство в количестве и качестве бронетехники, наши танковые войска были разгромлены за считанные недели, наглядно продемонстрировав, что численное и техническое преимущество еще не гарантирует победы – гораздо важнее уметь эту технику грамотно применять. Автор доказывает, что именно некомпетентность высшего командного состава Красной Армии привела к страшным поражениям начального периода войны и колоссальным жертвам с нашей стороны.

© Бешанов В.

© Яуза

Содержание

КРАСНЫЙ БЛИЦКРИГ	6
СГОВОР	9
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД	16
Спор славян между собою	16
Белоруссия родная...	47
Украина дорогая	66
Пир победителей	76
УКРЕПЛЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ	102
Прибалтика под дулом пистолета	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Владимир Васильевич Бешанов

Шапками закидаем! От Красного блицкрига до Танкового погрома 1941 года

КРАСНЫЙ БЛИЦКРИГ

«Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И, кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей».

В.М. Молотов

Одной фразой всесоюзный пенсионер В.М. Молотов, вспоминая дела давно минувших дней, охарактеризовал суть большевистской внутренней и внешней политики, неизменной целью которой являлось создание Всемирной Республики Советов. Этой цели великий диктатор XX века И.В. Сталин посвятил свою жизнь без остатка, к ней он последовательно и упорно двигался все годы. Ради нее творились беспредел коллективизации и чудеса индустриализации, грабились церкви и швырялся миллионами Коминтерн, продавалось масло и покупались пушки, проводились чистки и совершались рекорды, уничтожалась оппозиция и гнили на приисках «каэры», подписывались и разрывались союзы и договоры и, поскольку «свободное объединение наций в социализме» невозможно «без упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами», десятками тысяч производились танки и самолеты. Все остальное – призывы к миру, борьба за «коллективную безопасность», крики об обороне, – как говаривал Иосиф Виссарионович: «Вуаль, вуаль... Все государства маскируются».

Только через призму заветной Цели становится понятна логика предвоенных решений и поступков Вождя всех народов. В том числе смысл изменивших судьбу мира договоренностей с другим диктатором, злейшим врагом коммунизма – Адольфом Гитлером. Символом целого пакета документов, которые и сегодня не все доступны изучению, а возможно, уже и не существуют, стал советско-германский пакт о ненападении, подписанный 23 августа 1939 года.

Ученые мужи из Института всеобщей истории Академии наук СССР почти полвека восхваляли мудрость и дальновидность этого решения, позволившего, «опираясь на ленинские принципы внешней политики и используя межимпериалистические противоречия, сорвать коварные планы поджигателей войны». Подписание пакта о ненападении «обнажило глубокий раскол в капиталистическом мире», позволило отсрочить германское нашествие и значительно отодвинуть на запад советскую границу, отчего безопасность страны сильно «укрепилась».

Не надо быть академиком, чтобы разглядеть перепевы сталинской версии. 3 июля 1941 года, оправившись от первого потрясения, вызванного «вероломством» агрессора, И.В. Сталин оправдывался перед «братьями и сестрами» именно этими аргументами: «Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии – если мирное соглашение не

задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между СССР и Германией является именно таким пактом. Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии».

Как мы «подготовили свои силы для отпора» – это отдельная тема. Но Иосиф Виссарионович и вправду оказался в выигрыше, передвинув границы СССР на 300–350 километров, «никого не задев». Так ведь и Гитлер внакладе не остался.

Советско-германский «Договор о дружбе и границе», широко публиковавшийся в советской печати, после войны был изъят из оборота и ни в какие «истории» и энциклопедии не попал. К примеру, дипломатический словарь в подробностях описывает процедуру урегулирования конфликта, возникшего в 1924 году, «в связи с налетом германских полицейских на торгпредство СССР в Берлине», а договор о Дружбе не удостоился даже упоминания. Как и заявление Молотова о преступности войны с гитлеризмом. Существование тайных протоколов о разграничении сфер интересов между Третьим рейхом и «Родиной победившего пролетариата» нашими политиками, историками и дипломатами отрицалось категорически, с пеной у рта. Хотя на Западе о них знала каждая собака – американцы опубликовали архивы германского МИДа еще в 1946 году – и, «погрязнув в болоте фальсификации, распространили небывалые о договоре и целях Советского Союза». Какой академический, однако, стиль!

Одной из основных задач советской делегации на Нюрнбергском процессе, кроме разоблачения преступлений нацистов, было составление перечня тем, обсуждение которых «неприемлемо с точки зрения СССР» – дабы победители «не стали объектом критики со стороны подсудимых». Среди вопросов, «недопустимых для обсуждения в суде», выделялись следующие:

1. Отношение СССР к Версальскому мирному договору.
2. **Советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все вопросы, имеющие к нему отношение.**
3. **Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы.**
4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.
5. **Советские Прибалтийские республики.**
6. **Советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией.**
7. Внешняя политика Советского Союза, в частности вопросы о проливах, о якобы территориальных притязаниях СССР.
8. Балканский вопрос.
9. **Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии).**

То есть более половины запретных тем касались предвоенных договоренностей Сталина и Гитлера, которые коммунисты всех последующих поколений продолжали хранить «в строгом секрете».

«По теории психологической вероятности, – писал А. Авторханов, – преступник должен обходить то место, где он когда-то совершил памятное злодеяние. Так поступают и советские историки с «пактом Риббентропа – Молотова». Они его тщательно обходят, когда пишут о предпосылках нападения Германии на СССР. Обходят потому, что заключением этого пакта Сталин прямо-таки злодейски приглашал Гитлера напасть на СССР тем, что, во-первых, создал для Германии территориально-стратегические предпосылки, во-вторых, наперед снабдил Гитлера военно-стратегическим сырьем из запасов СССР, в-третьих, поссорил СССР с западными демократическими державами, желавшими заключить с СССР военный союз против развязки Гитлером Второй мировой войны. Пакт развязывал Гитлеру руки для ведения войны против

Запада, да еще обеспечивал его жизненно важным для ведения этой войны стратегическим сырьем. Молотов должен был под видом «нейтралитета» поддерживать Гитлера политически, а Микоян под видом «торговли» – экономически».

Именно тесное и взаимовыгодное сотрудничество большевиков «с извергами и людоедами», связанными борьбой на Западе, и позволило Советской стране «обеспечить мир в течение полутора годов». Когда все лимиты «дружбы» были исчерпаны, один подельник, заподозрив другого в неискренности, дал ему по голове, и никакие «мирные соглашения» не могли ему помешать. Но Сталин-то рассчитывал на что-то другое.

До самой могилы всесоюзный пенсионер Молотов «обходил место преступления», утверждая, что никаких тайных протоколов не было. И только под конец, за восемь месяцев до смерти, терзаемый неустанно Феликсом Чуевым, неохотно бросил: «Возможно».

В бурные годы перестройки и крушения Мировой системы социализма протоколы нашлись. Новое поколение специалистов все того же института выяснило, что Сталин в принципе выбрал политически наиболее верное решение, но, перекраивая и передвигая границы, «грубо нарушил ленинские принципы советской внешней политики и международно-правовые обязательства, взятые СССР перед третьими странами». Вот уж действительно: «От ленинской науки крепнут разум и руки». Дескать, тайные протоколы, решающие судьбу других народов за них, – конечно, плохо, но сам пакт – несомненно, хорошо. Забывая о том, что без этих протоколов пакт для Сталина не имел смысла. Без протоколов он его и подписывать не собирался.

Некоторые современные исследователи истолковывают договор с Германией как циничный, но сугубо прагматический документ, мол, все так делали, и Сталин с Молотовым ничем не хуже в ряду других политиков того времени: «Жизнь намного разнообразней старых юридических формул, а межгосударственные договоры действуют до тех пор, пока это выгодно». По сути, это то же оправдание вероломства и агрессивности советской внешней политики, только с «реалистической» точки зрения и, кстати, ставящее знак равенства между нацистскими и большевистскими методами. А новым патриотам это ужасно не нравится.

Если помнить о Цели, Сталин все сделал правильно и первую партию с Гитлером разыграл безупречно. А неудобство все равно чувствуется. Суть его сформулировал Д. Кеннан: **«Она (Россия) пыталась остаться вне войны на основании сделки с теми, кто, прежде всего, ее вызвал, сделки, которая фактически ускорила и обеспечила ее начало и предусматривала дележ добычи с агрессором как награду за благосклонное согласие в агрессии».**

Ощущение, как будто во что-то вляпались. И запах неприятный остался, он до сих пор отравляет атмосферу отношений России с некоторыми из соседей.

СГОВОР

Крах Версальской системы, ознаменовавшийся подписанием Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 года, предвещал неизбежность очередного военного столкновения между великими державами, а также державами, исполнившимися решимости стать великими. Слишком многие из борцов за мир на самом деле страстно войны хотели: Германия, Италия, Япония, Соединенные Штаты и, несомненно, Советский Союз. Фюрер германской нации А. Гитлер, уверовав в стратегию «блицкрига», рассчитывал разбить своих противников поодиночке и обеспечить на тысячу лет гегемонию Третьего рейха. Скромный советский генсек И.В. Сталин и американский президент Ф. Рузвельт, которых война в Европе устраивала как нельзя более, – выбрать выгодный для себя момент и решить спор о влиянии в мире в свою пользу. Собственные планы имелись у японского микадо и итальянского дуче. Мир был обречен.

Категорически не желали воевать лишь Англия и Франция, рассчитывавшие политическими и экономическими уступками умиротворить Гитлера и канализировать германскую агрессию на Восток – и пусть арийцы до посинения сражаются с большевиками. Беда в том, что в интересы Адольфа Алоизовича не входило оказывать услуги западным демократиям. После оккупации Чехословакии на очереди стоял польский вопрос, да и позор Версаля можно было смыть только в Компьенском лесу, хранившем мемориальную плиту с вызывающе наглой надписью: «Здесь 11 ноября 1918 года была побеждена преступная гордость Германской империи...»

В результате к началу 1939 года в Европе сложились два военно-политических блока: англо-французский и итало-германский, каждый из которых оказался заинтересован в соглашении с Советским Союзом, стремление которого играть хоть какую-нибудь роль в европейских делах ранее демонстративно игнорировалось. Официальная советская пропаганда того периода все капиталистическое окружение традиционно клеймила как лютых врагов «родины победившего пролетариата», а главные державы подразделяла на агрессоров (Германия, Италия, Япония) и пособников агрессии (Англия, Франция, США). Однако в Кремле быстро сориентировались в изменившейся обстановке, и 10 марта 1939 года (через пять дней германские войска займут Прагу) Сталин с трибуны XVIII съезда партии недвусмысленно указал, что «Антикоминтерновский пакт» на самом деле направлен не против СССР, а против Англии, Франции и Соединенных Штатов. Из контекста его речи следовало, что эти же страны, проводящие политику невмешательства, и являются истинными «поджигателями войны», мечтающими ослабить своих соперников, а затем «выступить на сцену со свежими силами». Отсюда – политика Советского Союза должна состоять в том, чтобы и впредь укреплять деловые связи со всеми государствами, «соблюдать осторожность и **не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками**». Таким образом, было положено начало советско-германскому сближению.

В апреле 1939 года с различными лестными предложениями к Москве обратились одновременно Германия, Англия и Франция. Иосиф Виссарионович не торопился. Он получил возможность выбирать, с кем и о чем ему договариваться, поскольку теперь в переговорах с СССР оказались заинтересованы все «игроки». Назревавшая война открывала новые перспективы для усиления влияния Страны Советов в Европе. Поэтому нарком иностранных дел М.М. Литвинов, ориентируя 4 апреля советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, отмечал, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже заплатят».

Наступил период активных дипломатических игр.

11 апреля 1939 года Германия предприняла зондаж позиции СССР на предмет улучшения отношений – именно в этот день Гитлер утвердил «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.». Советская сторона продолжала выжидать. В тот же день Лондон запросил Москву, чем она при необходимости сможет помочь Румынии. 14 апреля Франция предложила СССР обменяться письмами о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Польшу и Румынию и сообщила о готовности обсудить собственные предложения советского руководства. Тогда же Англия предприняла попытку убедить Москву сделать заявление о поддержке своих западных соседей в случае нападения на них. В ответ 17 апреля Советский Союз предложил англо-французам заключить договор о взаимопомощи. Впрочем, одновременно полпред в Берлине А.Ф. Мерекалов посетил статс-секретаря Министерства иностранных дел Эрнста фон Вайцзеккера и между делом заявил: «Идеологические расхождения... не должны стать камнем преткновения в отношении Германии... С точки зрения России нет причин, могущих помешать нормальным взаимоотношениям с нами. А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше».

29 апреля Париж выдвинул идею о взаимных обязательствах трех стран на случай войны против Германии. Но в Кремле все больше теряли интерес к этим никакой конкретной выгоды не сулящим предложениям. Тем более что цель «приостановить агрессию в Европе» никоим образом не соответствовала большевистской доктрине, не для того товарищ Сталин тяжело трудился, превращая страну в «базу пролетарской революции». Он хорошо усвоил заветы Ильича: «Окончательно победить можно только в мировом масштабе... Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит». Сам Иосиф Виссарионович прекрасно понимал, что Марксов «социализм» в отдельно взятой стране без наличия «международной революционной перспективы» обречен, и «в случае оттяжки победы социализма в других странах... советская власть разложится, партия переродится». Как раз в апреле 1939-го начальник Политуправления Красной Армии комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис растолковывал пропагандистам Киевского военного округа основы «мирной политики» партии: «Если попытаться кратко, но доходчиво, чтобы поняли широкие массы, сформулировать суть сталинской теории социалистического государства, то надо сказать, что **это есть теория ликвидации капиталистического окружения, то есть теория победы мировой пролетарской революции**... Рабоче-Крестьянская Красная Армия, интернациональная армия по господствующей в ней идеологии поможет рабочим стран-агрессоров освободиться от ига фашизма и ликвидирует капиталистическое окружение...»

Тем более глубокими становились реверансы Москвы в адрес Берлина.

3 мая неожиданно для всего дипломатического корпуса Сталин сместил увлеченного переговорами с британцами наркома иностранных дел М.М. Литвинова по его «собственной просьбе». Назначение на этот пост члена Политбюро ЦК ВКП(б) и председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотова, «наиболее близкого друга и ближайшего соратника вождя» (не еврея – акцентировал германский посол граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург), немцы однозначно трактовали как признак смены внешнеполитического курса. Тем более что советские полпреды невзначай интересовались у германских коллег, «приведет ли это событие к изменению нашей позиции в отношении Советского Союза». 17 мая советник посольства в Берлине Г.А. Астахов в интимной беседе с заведующим Восточно-Европейской реферантурой Юргеном Шнурре заметил, что «в вопросах международной политики у Германии и Советской России нет никаких причин для трений между двумя странами». Он также «коснулся советско-германских переговоров в том смысле, что при нынешних условиях желательные для Англии результаты вряд ли будут достигнуты».

И в самом деле, переговоры Англии и Франции с СССР, длившиеся пять месяцев, закономерно зашли в тупик. Обе стороны патологически не доверяли другу и не желали связывать себя конкретными обязательствами, погрязнув в тонкостях протокола и толкованиях норм международного права. Одновременно они втайне зондировали Берлин на предмет улучшения отношений, раздела «сфер интересов» и невмешательства в дела. К тому же западные партнеры не слишком опасались Вермахта и были невысокого мнения о боевой мощи РККА. Еще одним камнем преткновения стала Польша, которая громогласно отвергала любой союз с Москвой, требовала гарантий от Запада, проводила частичную мобилизацию и при этом тайно льстилась к Берлину.

«Как проститутка – да извинят меня присутствующие здесь женщины, – иронизировал с трибуны проводник сталинских мыслей в массы Мехлис, – переходит из рук в руки, так Польша отдавалась то Франции, то завязывала серьезный роман с Берлином. Сейчас польская мадам объявила, что она заняла твердую позицию и ищет серьезного партнера, обязательно со средствами. Посмотрим, что выйдет из этого».

Англичане бомбардировали Берлин предложениями о сотрудничестве и разделе «сфер интересов», обещая прекратить переговоры с СССР и в то же время шантажируя немцев самым фактом переговоров – все в духе традиционной британской политики вечных интересов. «Англия – это профессиональный поджигатель войны, но двурушник, но ловкий двурушник, – вещал Мехлис. – Ее политика проста – уничтожать своих вероятных противников чужими руками, втягивая их в войну с кем угодно, особенно с Советами, а я приду к концу самым сильным и буду диктовать».

Фюрер уже твердо решил, что частные английские уступки в принципе проблемы не решают и для завоевания гегемонии в Европе нужна небольшая победоносная война: «Необходимо применение вооруженной силы прежде, чем произойдет последнее крупное столкновение с Западом. Нужно испытать инструмент войны». На майском совещании с руководителями Вермахта Гитлер предупредил генералитет: «Национальное объединение немцев, за немногими исключениями, осуществлено. Дальнейшие успехи без кровопролития достигнуты быть не могут».

Но для претворения немецкой мечты – разгрома Франции и «расплаты с пожинаателями плодов Версальского диктата» – требовалась покладистая Польша, которая, однако, не изъявила желания поступиться своим суверенитетом и пристегиваться к германской упряжке (нет, поделить с немцами Советскую Украину в Варшаве были бы и не против, но на условиях равноправного партнерства; только зачем Рейху под боком еще польская империя). Поэтому с нее и решили начать. «Польша всегда будет стоять на стороне наших врагов, – убедился Гитлер. – Несмотря на соглашение о дружбе, в Польше всегда существовало намерение использовать против нас любую возможность... Первоначально я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы потом начать борьбу против Запада. Однако этот импонирующий мне план оказался неосуществимым, поскольку изменились существенные обстоятельства. Мне стало ясно: при столкновении с Западом Польша нападет на нас в неблагоприятный для нас момент». Чтобы обеспечить успех задуманной акции, следовало Польшу политически изолировать, обеспечить невмешательство в германо-польский конфликт Англии и Франции, а на случай их выступления обеспечить себе тыл и снизить угрозу экономической блокады договором с Советским Союзом. В общем, нужно было сговариваться с «послезавтрашним врагом», со Сталиным.

29 июля 1939 года Берлин предложил Москве учесть советские интересы в Прибалтике и Восточной Европе в обмен на отказ от договора с Францией и Англией. Ну, ей-богу, что они могут реально обещать: «Самое большое – участие в европейской войне, вражду с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели. С другой стороны, что можем предложить мы? Ней-

тралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт и, если Москва этого пожелает, германо-русское понимание относительно взаимных интересов, благодаря которому, как и в былые времена, обе страны получают выгоду». Ежедневно в Кремле читали донесения Астахова (кстати, оказался мерзавцем и польским шпионом, пришлось стереть в лагерную пыль): «Конфликт с Польшей назревает в усиливающемся темпе; решающие события могут разразиться в самый короткий срок... Германское правительство, исходя из нашего согласия вести переговоры об улучшении отношений, хотело бы приступить к ним возможно скорее».

Сталин, опасавшийся англо-германского сговора, весьма заинтересовался этой идеей. Он трезво оценивал обстановку и считал более выгодным подписать соглашение с Германией, чтобы выторговать свою долю, обеспечить Гитлеру «зеленый свет» в войне с Западом и самому «прийти к концу самым сильным».

В самом деле, вариантов было не так уж много и выбор был ясен. Либо защищать идеологически чуждые парламентские демократии и откровенно враждебную Польшу, ничего не получая взамен. Либо договориться с Германией и в союзе с ней запустить процесс «отпадения от империализма ряда новых стран», для начала ближайших соседей. (Собственно говоря, решение созрело еще во время Чехословацкого кризиса, когда «вождю народов» ясно дали понять, что ему отводится лишь роль статиста на подмостках большой европейской политики. Так, 4 октября 1938 года заместитель наркома внутренних дел В.П. Потемкин в беседе с французским послом в Берлине обронил, что в сложившейся ситуации единственным выходом для СССР может оказаться раздел Польши во взаимодействии с Германией.)

19 августа Берлин получил текст советского проекта будущего соглашения. С постскриптомом: «Настоящий договор вступает в силу только в случае одновременного подписания специального протокола по внешнеполитическим вопросам, представляющим интерес для Высоких Договаривающихся Сторон».

Через четыре дня в Москву прилетел «супердипломат» Иоахим фон Риббентроп, и в ходе переговоров со Сталиным и Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны стандартный пакт о ненападении (хотя достаточно курьезен сам факт подписания договора о «неагрессии» между государствами, не имеющими общей границы, – пока) сроком на десять лет (в Лондоне в этот же день безуспешно ждали прилета Германа Геринга с аналогичной миссией) и, самое главное, дополнительный протокол к нему, определивший советскую часть «пирога»:

«При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы интересов Германии и СССР. При этом заинтересованность Литвы в районе Вильно признается обеими Сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, является ли желательным в обоюдных интересах сохранение Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. Германская сторона ясно заявляет о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Данный протокол будет сохраняться обеими Сторонами в строгом секрете».

Военные делегации Англии и Франции покинули Москву ни с чем.

По мнению Троцкого, кроме всего прочего: «Союз с Гитлером давал Сталину удовлетворение того чувства, которое господствует у него над всеми другими: чувства мести. Вести военные переговоры с наци во время присутствия в Москве дружественных военных миссий Франции и Англии, обмануть Лондон и Париж, возвестить неожиданно пакт с Гитлером – во всем этом ясно видно желание унижить правительство Англии, отомстить Англии за те унижения, которым оно подвергло Кремль в период, когда Чемберлен развивал свой неудачный роман с Гитлером».

Да что говорить, Адольф Алоизович и в самом деле человек был симпатичный, понятный, не то что всякие Даладье. И какая близость мировоззрения: «Те, кто утверждает, что революция не закончена, – дураки. К сожалению, у нас в движении есть люди, которые понимают под революцией постоянный хаос... Главное – подбор людей способных и со слепым повиновением претворяющих в жизнь правительственные распоряжения. **Партия – это своего рода орден**... Фюрер должен быть один... Сплоченность внутри движения должна быть небывало крепкой. Мы не имеем права вести борьбу между собой... Поэтому никаких ненужных дискуссий!» А как лихо фюрер организовал своим «старым борцам» «ночь длинных ножей»! Что ни говорите, Гитлер – «великий стратег революции». Риббентроп позднее вспоминал, что среди кремлевских большевиков чувствовал себя, как в кругу старых партийных товарищей.

Неудивительно, что западные политики тем более не видели особой разницы между германским фюрером и советским Генеральным секретарем. На их взгляд, «Россия Сталина никогда не была подходящим партнером для Запада в деле сопротивления фашизму. В эти годы Россия сама являлась местом кошмарных оргий современного тоталитаризма... Ее цели не соответствовали целям западной демократии».

Оба диктатора остались довольны собой и друг другом. Весьма.

«Теперь весь мир у меня в кармане!» – стучал кулаком по столу Гитлер. Он уже отдал приказ о нападении на Польшу.

«Кажется, нам удалось провести их», – удовлетворенно произнес Сталин. Он уже подсчитывал политические барыши.

Советскому Союзу удалось остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Европе, широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах и возможность при этом свалить вину за срыв переговоров на Лондон и Париж. Кроме того, удалось посеять серьезные сомнения относительно германской политики у японцев, которых ошарашил сам факт заключения договора без консультаций с участниками Антикоминтерновского пакта. И самое главное – «одна из ведущих держав мира признавала международные интересы Советского Союза и его естественное желание расширять свои границы». Ради этого «интереса» все и затевалось.

Сегодня говорят, что текст секретного протокола формально не содержит каких-либо агрессивных намерений – совершенно безобидный документ. Дескать, Сталин не мог знать, что Гитлер нападет на Польшу, фюрер и сам этого не знал, надеясь урегулировать конфликт мирным путем. Оно, конечно, так. Всегда предпочтительнее получить желаемое даром, к примеру, как в Мюнхене. Если бы поляки пошли на уступки, возможно, немцы на них и не напали бы. Но британские гарантии сделали невозможным мирное урегулирование, а соглашение с СССР было заключено именно на случай войны, с целью обеспечить Третьему рейху благоприятные условия для достижения победы. Риббентроп еще собирал чемоданы, а Гитлер уже объявил на совещании высших чинов Вермахта: «Противник все еще надеялся, что после завоевания Польши Россия выступит как наш враг. Но противники не учли моей способности принимать нестандартные решения... Я был убежден, что Россия никогда не пойдет на английское пред-

ложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши... Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что она готова на заключение пакта. Таким образом, я выбил из рук западных господ их оружие. Польшу мы завели в положение, наиболее удобное для достижения военного успеха... Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк. Боюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь свинья не подсунула мне свой план посредничества... На первом плане – уничтожение Польши».

В письме от 25 августа фюрер, не скрывая облегчения, сообщал Муссолини: «Могу сказать Вам, Дуче, что благодаря этим соглашениям гарантируется **благожелательное отношение России на случай любого конфликта** и то, что уже более не существует возможности участия в подобном конфликте Румынии!.. Я уверен, что могу сообщить Вам, Дуче, что благодаря переговорам с Советской Россией в международных отношениях возникло совершенно новое положение, которое должно принести «Оси» величайший из возможных выигрышей».

Так что Гитлер знал, что делал, заключая «пакт с сатаной». И товарищ Сталин был ничуть не дурнее, все прекрасно понимал. Это подтверждает, в частности, Н.С. Хрущев: «Тут же Сталин рассказал, что согласно договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территории, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу».

О том, что подписан был не рядовой документ, свидетельствует и тот факт, что Сталин, не занимавший официально никаких государственных постов, впервые лично вел переговоры с иностранными дипломатами. Собственно говоря, это и был его личный договор с Гитлером: дополнительный протокол был изъят из процедур ратификации, о его существовании не были информированы ни правительство, ни Верховный Совет СССР, ни ЦК ВКП(б).

Прошла всего неделя, и в Польше начались территориальные и политические «преобразования».

В качестве последнего аргумента Англия 25 августа подписала с Польшей договор о взаимопомощи. Как все приличные страны, с тайным протоколом, определявшим общего противника – Германию, и с обозначенными «сферами влияния». Дальнейшие уступки означали для Лондона и Парижа добровольный отказ от статуса великих держав. Гитлера это не остановило, он полагался на собственный, как всегда, гениальный анализ ситуации: «Стало ясно, что богатые государства от войны мало выигрывают, но могут потерять очень многое, что каждому государству придется нести потери, что даже в случае выигранной войны силы победителя иссякают... В целом Англия находится на той же стадии развития, на какой мы были в 1934 году. Франция подобна слабосильному человеку, который, однако, несет на спине и пулемет, и пушку. Малы контингенты призывников; уже давно срок службы – только один год. Вооружение также не в идеальном состоянии. Военный потенциал в целом ограничен». Вывод: при любом раскладе «немедленная помощь Восточному фронту путем англо-французских мероприятий невозможна». В конце концов, заявил фюрер на совещании в Оберзальцберге, кто не рискует, тот не пьет шампанского: «Не существует ни политического, ни военного успеха без риска». Ко всему прочему, на случай конфликта с Англией, «нейтральный» Сталин пообещал ему укрыть в северных портах СССР находящиеся в Атлантике германские суда.

1 сентября 1939 года Вермахт вторгся в Польшу. Через пару дней выступили Англия и Франция.

Вторая империалистическая война началась. Все шло по сталинскому плану. В беседе с руководством Коминтерна 7 сентября Вождь так оценил сложившуюся обстановку: «...война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над

миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран. Гитлер, сам этого не понимая и не желая, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону». Что касается Польши, то «...уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население». Понятно, что подобные цели советской внешней политики не афишировались, наоборот, было сделано все, чтобы убедить мировое общественное мнение в том, что Советский Союз строго придерживается позиций нейтралитета и только сильно озабочен собственной безопасностью.

Таким образом, складывалась ситуация, о которой с 1917 года мечтали большевики. Пусть они «хорошенько подерутся». А дальше: «На стальных штыках и ворошиловских залпах, на могучих крыльях Советов мы понесем освобождение рабочему классу капиталистических стран и водрузим знамя коммунизма на остальных пяти шестых земного шара!»

Коммунистам жизненного пространства требовалось намного больше, чем нацистам.

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД

Спор славян между собою

Между поляками и русскими издавна существовала традиция взаимного недоверия. «Для поляков было всегда невозможно добиться политических гарантий от любых своих соседей, – указывает А. Кларк, – потому что все они домогались польских земель и предпочитали присваивать ее, вместо того чтобы защищать».

Большевикам независимая Польша тоже никогда «не нравилась». Причем активно не нравилась. Сразу же после Октябрьского переворота, объявив о праве наций на самоопределение, ленинское правительство приступило к советизации всех территорий, входящих прежде в состав Российской империи. Польские патриоты, стремившиеся на обломках рухнувшей державы возродить национальное государство, прекратившее существование после насильственного раздела 1795 года, сразу же были зачислены в «контру».

Уже с января 1918 года ВЧК начало целенаправленно проводить против них политику террора. При Ставке была учреждена особая Комиссия «по борьбе с польскими контрреволюционными войсками», основной задачей которой являлось «истребление контрреволюционных зачинщиков среди польских войск». Даже из этой коротенькой выдержки следует, что «зачинщиками» оказалось большинство поляков. Поэтому «комиссия признала возможным объявить все польские войска вне закона».

28 января военная контрразведка доносила Ф.Э. Дзержинскому: «В действующих против контрреволюционеров фронтовых войсках выделено для борьбы с поляками и румынами несколько батальонов. Платим 12 рублей в день при усиленном питании. Из **нанятых частей**, посланных против легионеров, выделены два отряда: один из лучших стрелков **для расстрела офицеров-поляков**, другой из литовцев и латышей для порчи запасов продовольствия в Витебской, Минской и Могилевской губ., в местах сосредоточения польских войск. Некоторые местные крестьяне также согласны нападать на поляков и **истреблять их**».

Речь в данном случае идет не о польской армии, которой еще не существовало, а о «мятежном» корпусе генерала И. Довбор-Мусницкого, препятствовавшем «осуществлению революционных преобразований в местах своей дислокации». Заодно большевики распустили созданные после Февральской революции белорусские воинские формирования и разогнали созванный Великой белорусской радой съезд, отказавшийся признать власть Совнаркома Западной области (в составе которого не оказалось ни одного белоруса) и решивший создать свой национальный орган – Всебелорусский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Еще бы, ведь в принятой съездом резолюции подчеркивалось, что в пределах Белорусского края устанавливается республиканско-демократическая форма правления, «что означало ликвидацию Советской власти и замену ее буржуазной парламентской республикой». Самых буйных депутатов, числом 27, пришлось арестовать.

На Украине, в Киеве, Центральная Рада объявила об образовании Украинской Народной Республики. Москва признала УНР, но одновременно (спустя восемь дней) организовала провозглашение Украинской Советской Республики со столицей в Харькове. Причем обе республики официально входили в состав общероссийской Федерации.

«Триумфальному продвижению» Советской власти на запад в 1918 году помешали кайзеровские войска. В.И. Ленину пришлось дорого заплатить за проезд в запломбированном вагоне и финансовую поддержку германского Имперского банка. Согласно заключенному 3 марта Брест-Литовскому мирному договору, от России были отторгнуты территории площадью около 800 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек, РСФСР признала

независимость Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Провозглашенную в феврале вышедшими из подполья членами исполкома Всебелорусского съезда Белорусскую Народную Республику никто признавать не собирался, белорусскую делегацию на брестские переговоры не допустили. Для белорусов, чаяния которых мало интересовали договаривающиеся стороны, Брестский мир означал лишь очередной раздел их земли между Германией, Россией и Украиной.

Утрата Россией польских земель, декрет советского правительства об аннулировании всех царских трактатов о разделе, поражение Германской и Австро-Венгерской империй создали предпосылки для того, чтобы на карте Европы вновь появилось Польское государство. 10 ноября 1918 года в оставленном австрийцами Люблине Регентский совет назначил «начальником государства» выпущенного немцами из заключения Юзефа Пилсудского. Главной целью поляков стало восстановление исторической справедливости и возрождение независимой и сильной Речи Посполитой в границах 1792 года. Антанта оказывала им энергичную помощь в создании национальных вооруженных сил. По всей стране началось разоружение и изгнание немцев.

С востока, вслед за уходящими кайзеровскими войсками, перейдя демаркационную линию, на запад и на юг двинулись части Красной Армии, дабы обеспечить «революционно-пролетарское единство» и оказать помощь «международной пролетарской революции». Согласно секретной резолюции VIII съезда РКП(б), только победа мировой революции являлась «надежнейшей гарантией закрепления социалистической революции, победившей в России». Спешно созданное в Москве Центральное бюро большевистских организаций оккупированных областей выпустило воззвание: «Мы не можем допустить организацию контрреволюционных элементов и захват власти...» То есть любое буржуазное правительство, образовавшееся на постимперском пространстве, с точки зрения большевиков, являлось «незаконным».

К середине февраля 1919 года Западная армия установила Советскую власть почти на всей территории Белоруссии. На очереди были Венгрия, Германия и, конечно, Польша. Минск стал местом сбора польских коммунистов. Сюда из Москвы переехал Центральный Исполнительный комитет польских коммунистических групп во главе с Дзержинским и Уншлихтом, был переведен штаб Западной дивизии, состоявший из поляков, учреждена школа польских красных командиров. В саму Польшу для подготовки вооруженного восстания отправили большую группу военных во главе с политкомиссаром Стефаном Жбитковским. Сценарий польской революции намечался стандартный – провозгласить в какой-нибудь деревне советское правительство и призвать на помощь красные части.

Вот толькопольский народ в основной своей массе оказался иммунным к «бациллам большевизма», а польские национальные лидеры не пожелали вести его строем в коммунистические казармы. На фоне советизации и антибольшевистских мятежей, политических и территориальных разногласий и разгоравшейся в России Гражданской войны с весны 1919 года в Белоруссии начались острые конфликты, переросшие затем в вооруженные столкновения между Советской Россией и Польским государством. Правительство Пилсудского, поставив себе целью сделать поляков «большим народом», ибо «между чрезвычайно сильным немецким народом и народом русским нет места маленькому народу», и пользуясь очередной российской смутой, стремилось отхватить как можно больше земель на востоке. Так ведь и большевики, никем, кроме кайзера Вильгельма II, не признанные путчисты, по их собственному утверждению, в это время «завоевывали Россию» и в приказах на проведение военных операций где-нибудь в Донской области или в Тамбовской губернии частенько употребляли термин «оккупация». Как писал «вождь мирового пролетариата»: «Мы хотим как можно более крупного государства... Мы хотим революционного единства, соединения, а не разъединения».

Попытка прорыва в Европу на помощь венгерской и баварской революциям сорвалась ввиду активного противодействия польской армии, разгромившей войска Западно-Украинской Народной Республики, и начавшегося летом наступления «белогвардейцев» генерала А.И. Деникина.

Пока народные комиссары умирляли «внутреннюю контрреволюцию», бросая все силы то на борьбу с Колчаком, то на борьбу с Деникиным, поляки, кстати, «болевшие» за большевиков и желавшие им победы в Гражданской войне, заняли почти всю территорию Белоруссии и часть Украины.

Летом 1920 года Красная Армия повернула штыки на запад, и фронт покатился обратно. В июле, когда рвавшиеся «через труп белой Польши» в Германию войска М.Н. Тухачевского достигли Вислы и обошли Варшаву, которую главком С.С. Каменев приказал занять не позднее 12 августа, вопрос о советизации Польши казался В.И. Ленину вполне решенным и не самым существенным, ему мерещились красные знамена по всей Европе. В эти дни «вождь мирового пролетариата» телеграфировал Сталину: «Зиновьев, Каменев, а также и я думаю, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию».

Однако и этот поход за мировой революцией с треском провалился. Польские пролетарии «братьев по классу» не признали. «Ревкомы приволжских и донских дивизий прокламировали советскую власть по-русски и на жаргоне... Для большинства поляков вопрос выглядел просто: сначала Польша, а потом посмотрим какая», – вспоминал участник событий. «Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революций, а получили шовинизм и тупую ненависть к «русским», – с разочарованием писал К.Е. Ворошилов.

Западный фронт Тухачевского потерпел сокрушительное поражение.

18 марта 1921 года в Риге был подписан мирный договор между РСФСР и «буржуазно-помещичьей Польшей», согласно которому объявившие себя победителями большевики признали границу значительно восточнее линии Керзона и обязались выплатить 10 миллионов золотых рублей контрибуции. Конечно, граница 1921 года была начертана штыком. И, как резонно указывают российские историки, «рижская граница» привела к искусственному разделению украинского и белорусского народов. Непонятно только, отчего они полагают, что воссоединение этих народов должно было произойти непременно в границах, отведенных для них кремлевскими мечтателями. Почему не в границах Речи Посполитой или в своих собственных? Территории Западной Белоруссии и Западной Украины входили в состав Речи Посполитой 220 лет (а в состав Великого Княжества Литовского, было такое государство, – все 400), в состав Российской и Австро-Венгерской империй – 120 лет, в состав СССР – ни одного дня. Кстати, юридически Польша вела войну не с Советской Россией, а с некой «независимой» буферной Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республикой, которая в перспективе должна была превратиться в Польско-Литовско-Белорусскую. Из внешнеполитических соображений Ленину хотелось представить дело таким образом, что имеет место не спор между Россией и Польшей за обладание белорусскими землями, которые каждая сторона считала своими, а «преступная агрессия на суверенитет и независимость белорусского народа». Когда «необходимость отпала», в соответствии с рекомендациями Москвы, исчезло и государство ЛитБел и «суверенитет белорусского народа».

Спрашивается, а что мешало большевикам остановиться на пресловутой «линии Керзона» в июле 1920 года вместо того, чтобы «поощрять» революцию в Италии? Ведь их уговаривали, но Ленин отклонил ноту Керзона и потребовал «бешеного усиления наступления», чтобы как можно скорее «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться от их помещиков и капиталистов». Останавливаться красные полки не собирались. «Вопроса о том, где остановиться, в ЦК даже и не было», – подтвердил Л.Д. Троцкий.

Получив по шапке под Варшавой, только и осталось – кричать об исторической справедливости. Ленин, кстати, все понимал, и судьба белорусов и украинцев после поражения Красной Армии его абсолютно перестала волновать, он умел моментально менять политические лозунги, порой на прямо противоположные, в зависимости от конкретной политической обстановки. Польша получила западнобелорусские земли с населением чуть менее 4 миллионов человек, из которых около 3 миллионов составляли белорусы, и западноукраинские территории с 10-миллионным населением, из которых почти половина были украинцами.

В Риге обе стороны постановили взаимно уважать государственный суверенитет, воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга, от враждебной пропаганды и «всякого рода интервенций», а также не создавать и не поддерживать на своей территории **организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной**.

Без преувеличения можно сказать, что все Советское государство создавалось именно как такого рода «организация», в составе которой функционировали другие «организации» – Коминтерн, ОГПУ, Разведывательное управление, Нелегальная военная организация при Штабе Красной Армии, Части особого назначения... Не успели, фигурально выражаясь, просохнуть чернила под этим договором, как Реввоенсовет Республики начал разрабатывать план вторжения на приграничные польские территории «партизанских отрядов» для осуществления там террористических акций против мирного населения. Ильич пришел от этой идеи в восторг. «Прекрасный план! – писал он Э.М. Скиянскому. – Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем на 10–20 верст и перевешиваем кулаков, попов и помещиков. Премия: 100 000 р. за повешенного...»

План активно проводился в жизнь до середины 20-х годов. Руководили «краснопартизанскими» бандами на территории страны, с которой имелся договор о мире и добрососедских отношениях, кадровые офицеры РККА, стреляли и вешали ясно кого – «белополяков». Один из таких героев «невидимого фронта» К.П. Орловский в автобиографии писал о своей «боевой работе»: «С 1920 по 1925 год по заданию Разведупра работал в тылу белополяков, на территории Западной Белоруссии, в качестве начальника участка, вернее, был организатором и командиром краснопартизанских отрядов и диверсионных групп, где за пять лет мною было сделано несколько десятков боевых операций, а именно: 1. Было остановлено три пассажирских поезда. 2. Взорван один Жел. Дор. Мост... 6. За один только 1924 год по моей инициативе и лично мной было убито больше 100 чел. жандармов и помещиков».

Как свидетельствует доклад 2-го отдела Главного штаба польской армии, только в 1925 году в Западной Белоруссии в результате поджогов сгорело более 500 домов и хозяйственных построек, 125 сараев с необмолоченным зерном, 350 навесов с сеном и скирд хлеба, 3 конюшни, 14 скотных дворов, 21 склад, 127 предприятий – пилорам, мельниц, спиртзаводов.

Несмотря на старательно раздуваемый «народный гнев», революции в Польше так и не случилось. Оплачивать сдельную работу диверсантов и палачей было дороговато, Польское государство укреплялось, и Корпус охраны пограничья успешно партизан отлавливал, к тому же СССР добивался признания на международной арене. «Орловских» и «ваупшасовых» пришлось отозвать. Гимны этим героям поют до сих пор. Оказывается, «это не был бандитизм, как пытались представить партизанское движение польские власти. Партизаны-добровольцы, перейдя навязанную путем насилия несправедливую границу, вступали на землю своего народа и боролись за нее». Более того, эти офицеры иностранной разведки, получавшие премии за каждого убитого, «...имели на нее (белорусскую землю) гораздо больше моральных прав, чем завоеватели из Польши».

В ноябре 1925 года Дзержинский подписал проект решения Специальной комиссии Политбюро: «Агентурную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжение и руководство диверсионными отрядами на территории Польской республики) – ликвидировать. Ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты

и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство... Зона границы на нашей стороне должна быть целиком очищена от активных партизан, которые самостоятельно переходят границу для боевой работы. Их надо эвакуировать, никоим образом, однако, не озлобляя их, но, наоборот, оказывая им, как и перешедшим на нашу сторону или эвакуированным с той стороны партизанам, помощь. Их в общем (кроме ненадежных) не надо распылять, а сводить в военные единицы или другие группы с тем, чтобы в случае войны или другой необходимости использовать их как ценнейший материал».

Взрывы, поджоги и налеты прекратились как по мановению руки. «К концу 1925 года, – сообщает учебник истории, – партизанское движение в Западной Белоруссии было прекращено». Кроме коммунистических, на территории «Крэсов Восточных» действовали повстанческие отряды партии белорусских эсеров, Союза крестьянской самообороны, литовских националистов.

Бесспорно, что, став на путь инкорпорации присоединенных земель, основатели Польского государства породили межнациональный конфликт. «Отношения между государством и его непольскими жителями, – писал историк А. Хойновский, – с самого начала характеризовались конфликтом. Большинство украинцев, белорусов... оказались под польской властью против своей воли». Национальные меньшинства в составе новой Речи Посполитой составляли не менее 36 процентов от общего количества населения. Однако, отвергнув принцип конфедерации, поляки приступили к созданию национального государства, взяв курс на усмирение и полонизацию национальных меньшинств и в конечном счете поглощение их польским этническим элементом. «Граница политическая должна стать границей этнической», – говорил министр просвещения Станислав Грабский; система образования, наряду с колонизационной политикой, была одним из главных инструментов полонизации – начальное обучение в сельской местности велось только на польском языке и исключительно польскими учителями. Отсюда – социальное, экономическое и культурное подавление белорусского и украинского народов, переселение на их земли поляков, так называемых осадников, как правило, отставных военных, получавших лучшие наделы и одновременно исполнявших полицейские функции, что еще более обостряло межнациональные отношения. Национальный гнет в восточных воеводствах вел лишь к росту национального самосознания местного населения, ожесточенному сопротивлению полонизации, доходившему до актов насилия с обеих сторон, росла популярность радикально настроенных групп, в том числе прокоммунистических. На западноукраинских землях заметной силой в 30-е годы стала Организация украинских националистов, осуществившая целый ряд террористических акций, в том числе убийство министра внутренних дел Б. Перацкого, руководившего «пацификациями» на Галичине и Волыни. Украинцы, по мнению С. Хорака, «считали себя в состоянии постоянной войны с поляками».

Согласно опросу, проведенному среди жителей Полесья, поляки, по их мнению, жили богаче, одевались лучше, отличались «высокомерностью характера и очень не любили евреев».

«Они считали польскими Вильно, Пинск, Тарнополь, Львов и прилегающие к ним районы, – вспоминал бывший французский посол в Варшаве. – Однако достаточно было посетить эти территории, чтобы убедиться, что они таковыми не являются. Здесь не чувствовалось, что находишься в Польше. Впрочем, и сами польские власти, несмотря на все их уверения, чувствовали себя здесь почти что за границей. Местных жителей они не считали настоящими поляками».

Белорусские и украинские националисты искали поддержки у правительств Германии, Англии и Франции. Простой люд, особенно молодежь, с одобрением и симпатией взирал на соседние БССР и УССР. Там, за советским забором, гремели фанфары, парадировали стахановцы и физкультурники, рупора вещали о счастливой жизни свергнувших эксплуататоров трудящихся в единой «семье народов», где таквольно дышит человек. Оттуда доносилось нескончаемое хоровое пение и заывание акынов: «Мне Ленин любимый, мне солнечный Ста-

лин и сердце, и жизнь, и дыхание дали...» (М. Горькой перед смертью горько пошутил: «У нас поют даже камни».)

Правда, через забор не разглядеть было, как под победные марши войска Красной Армии и ОГПУ не успевали подавлять вспыхивавшие то там, то здесь восстания разных народов, которые уже вдоволь «надышались». В Армении, Грузии, Чечне, Дагестане, Туркестане, Казахстане, Калмыкии... Усмирение производилось с применением артиллерии, бронепоездов и аэропланов, сопровождалось разрушением селений, показательными расстрелами «порочного(?) и бандитского элемента», порой поголовным уничтожением мужского населения, по уровню оси буденновской тачанки. «Пацификаторы» Перацкого в подметки не годились карателям С.М. Буденного, И.П. Уборевича, И.П. Белова, П.Е. Дыбенко.

Нередки были случаи, когда жители приграничных районов Польши перебежали в СССР, но вместо грезившегося рая обычно оказывались в узилище, как вражеские шпионы и диверсанты. «Наш дальний родственник Иван Мацкевич ночью тайно перешел границу, и о нем долгие годы ничего не было известно, – вспоминала жительница Молодеченского повета Е.П. Шнейдер. – Только после Великой Отечественной войны он объявился в деревне больным, изможденным, беззубым стариком – после десяти лет каторжных работ на Колыме». Любопытно, сколько «карацуп» с верными «мухтарами» на этих бедолагах карьеру сделали и сколько орденов заработали? (Пограничник-следопыт Никита Карацупа с детства поражал мое воображение богатырскими подвигами: официально он «задержал 388 нарушителей границы, проявив героизм, уничтожил 129 шпионов и диверсантов, не сложивших оружия».)

Одним словом, между двумя государствами с момента их возникновения существовала глубокая пропасть.

В 1932 году Советский Союз заключил с Польшей (а также с Финляндией, Эстонией и Латвией) договор о ненападении, который в мае 1934-го был пролонгирован еще на десять лет. Как показало время, в глазах кремлевского руководства он стоил дешевле бумаги, на которой писался. Ну не любил Сталин «фашистскую Польшу» и гонористых поляков. В этом его чувства абсолютно совпадали с чувствами Гитлера.

В советском военном планировании Польша рассматривалась как наиболее вероятный противник, союзник Германии и первая преграда на пути «красных полков» в Европу. Так, в 1937 году, уже находясь в тюремной камере, маршал М.Н. Тухачевский не переставал грезить о новом походе на Вислу: «На ближайший отрезок времени «бить противника на его территории» означает бить польско-германские силы на польской территории». Главный удар Красной Армии, обеспеченный внезапным вступлением в Западную Белоруссию и Украину «армий вторжения», маршал предлагал наносить из района южнее Полесья «в центр Польши», где и должно, по его расчетам, произойти решающее столкновение.

Польское правительство отвечало большевикам взаимностью, предпочитало дружить с нацистами, самозабвенно рвалось делить с ними несчастную Чехословакию, тешилось иллюзией своей «великодержавности» (Польша – «основной фактор европейского равновесия») и делало все, чтобы не допустить Советский Союз к участию в европейской политике. При обсуждении договора о коллективной безопасности польское правительство категорически отказывалось от любой комбинации, где одной из сторон были бы Советы. Как доказывал специалист по международному праву Юлиан Маковский, «СССР не принадлежит к сообществу цивилизованных стран, поскольку не имеет общих с ними понятий общественных, религиозных, этических и правовых. В этом смысле он находится в том положении, в каком были до него Китай, Турция, Япония до их принятия в сообщество».

Польские генералы до конца 1938 года основное внимание уделяли разработке военных планов против Советов. Лишь когда фюрер потребовал вернуть немцам немецкий город Дан-

циг, разорвал пакт о ненападении и предложил «глобально урегулировать» отношения, поляки конкретно задумались о войне с Германией, до последнего рассчитывая, что Англия и Франция «не допустят», а Гитлер «не решится» – надо с ним только быть построже. «Не немцы, а поляки ворвутся в глубь Германии в первые же дни войны!» – бравировал посол в Париже Ю. Лукасевич.

В отношении Советского Союза польские политики продолжали демонстрировать совершенно замечательную твердость, временами переходящую в необъяснимую слепоту и даже глупость, про мнению Эдуарда Даладье, «величайшую глупость». На все предложения союзников заручиться военной поддержкой восточного соседа министр иностранных дел Юзеф Бек неизменно отвечал высокомерным отказом. В августе 1939 года, утомившись уговаривать поляков хоть что-нибудь сделать для обеспечения безопасности своей страны, министр иностранных дел Франции Боннэ инструктировал своего посла в Варшаве: «Мы в качестве союзников имеем все основания просить уточнить, каким образом они собираются без помощи русских организовать вооруженное сопротивление в случае возможной германской агрессии. Ввиду принятых на себя обязательств, мы имеем полное право получить исчерпывающий ответ на этот вопрос». И получил 19 августа исчерпывающий ответ полковника Бека: «Это для нас вопрос принципа. Мы не имеем военного соглашения с СССР, и мы не желаем его иметь».

В Варшаве полагали, что, если Красная Армия придет на помощь, выдворить ее обратно будет невозможно. «Коммунизации» страны польское руководство боялось больше любого нашествия. «Независимо от последствий, – заявил главный инспектор вооруженных сил маршал Эдвард Рыдз по кличке Смиглы, – ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам. Это привело бы к оккупации части страны и нашей полной зависимости от Советов».

Поэтому, когда фюрер предложил Кремлю произвести четвертый раздел Польши, советский Генсек с радостью утвердил пакт с Германией. В беседе с Георгием Димитровым Сталин разъяснил свою позицию: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население». Какие могут быть сомнения? Польша была государством враждебным, «панским» и «фашистским», соответственно уничтожение его – делом прогрессивным и полезным для пролетариата.

Невероятно, но факт подписания советско-германского соглашения ни о чем не заставил задуматься польское руководство, ну хотя бы: против кого собираются дружить два тоталитарных режима? В договоре с британцами возможность войны Польши на два фронта даже не рассматривалась.

Утром 31 августа 1939 года Гитлер подписал директиву № 1, согласно которой нападение на Польшу должно было начаться 1 сентября в 4.45 утра.

В тот же день В.М. Молотов сделал доклад на внеочередной сессии Верховного Совета СССР. Под бурные овации в честь мудрого Вождя, аплодисменты и смех депутатов нарком объяснил суть советско-германского пакта:

«Нам всем известно, что с тех пор, как нацисты пришли к власти, отношения между Советским Союзом и Германией были напряженными... Но, как сказал 10 марта товарищ Сталин, «мы за деловые отношения со всеми странами». Кажется, что в Германии правильно поняли заявление товарища Сталина и сделали правильные выводы. 23 августа следует рассматривать как дату великой исторической важности. Это поворотный пункт в истории Европы, и не только Европы. Совсем недавно германские нацисты проводили внешнюю политику, которая была весьма враждебной по отношению к Советскому Союзу. Но теперь ситуация изменилась, и мы перестали быть врагами...

По советско-германскому соглашению Советский Союз не обязан воевать ни на стороне британцев, ни на стороне германцев. СССР проводит свою собственную политику, которую определяют интересы народов СССР, и больше никто...

Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией, между прочим, в силу того обстоятельства, что переговоры с Францией и Англией натолкнулись на непреодолимые разногласия и кончились неудачей по вине англо-французских правящих кругов. Эти люди требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны?... Если эти господа имеют такое страстное желание воевать – пусть воюют сами, без Советского Союза. А мы посмотрим, что они за вояки».

Вечером случилась провокация в Гляйвице.

«Нестерпимые польские акции» вынудили миролюбивую Германию действовать.

В соответствии с планом «Вейсс» немцы сосредоточили против Польши основные силы Вермахта – 42 кадровые дивизии, в том числе 6 танковых и 4 моторизованные. Еще 15 дивизий находились во втором эшелоне.

Группа армий «Север» – 3-я и 4-я армии – под командованием генерал-полковника Теодора фон Бока наносила удар по «Польскому коридору» из Померании и Восточной Пруссии. Разгромив находившиеся там войска противника, ее основные силы должны были продвигаться к реке Нарев. Трем армиям группы «Юг» генерал-полковника Герда фон Рундштедта, наступавшим из Силезии и Словакии, предстояло разгромить польскую группировку в Галиции и большой излучине Вислы и развивать наступление на Варшаву, отрезая пути отхода противнику из Познаньского выступа. Моторизованные дивизии должны были захватить ключевые переправы на Висле. Таким образом, немцы, используя выгодное географическое начертание польских границ и идеи «молниеносной войны», намечали совершить прорыв обороны с двух направлений, в темпе осуществить охватывающий маневр в глубину и окружение основных польских сил западнее Варшавы.

«Необходимо достигнуть решающего успеха за короткое время, – внушал Гитлер главнокомандующему сухопутных войск генерал-полковнику Вальтеру фон Браухичу. – В течение 8–14 дней должно стать ясно, что Польша погибнет».

Силы вторжения насчитывали около 1,5 миллиона человек, 2379 танков и 9824 орудия и миномета. Их поддерживало более 2000 самолетов 1-го и 4-го воздушных флотов.

На западной границе против возможного французского наступления были развернуты 11 кадровых дивизий группы армий «Ц», не имевших никаких планов, кроме указания соседей не раздражать. Допускались исключительно ответные меры, причем не вызывающие противника на активность.

Польский план «Z» предусматривал оборону всего периметра границы силами семи армий и трех оперативных групп до того момента, когда в дело вступят войска Англии и Франции, с последующим переходом в контрнаступление. Польский генералитет, учившийся у французских стратегов, как и они, мыслявший категориями времен Первой мировой войны, равномерно растянул войска вдоль почти 1900-километровой границы. Причем слабая пропускная способность железнодорожной сети практически не позволяла внести изменения в эту диспозицию и совершить своевременную переброску сил на угрожающее направление по внутренним операционным линиям. Немцы, и без того обладавшие значительным численным превосходством, за счет сосредоточения мощных «кулаков» на направлениях главных ударов достигли подавляющего перевеса. Местность на театре военных действий прекрасно подходила для массированного применения бронетехники. Польская армия, уступавшая противнику по всем параметрам, изначально находилась в огромном котле и обречена была на поражение. Так ведь и продержаться планировалось всего ничего – каких-то две недели. Хотя преемник Пил-

судского маршал Рыдз-Смиглы, который в случае войны автоматически становился Верховным главнокомандующим, уверенно утверждал, что Польша устоит как минимум несколько месяцев. Затем, на 15-й день мобилизации, перейдет в наступление мощнейшая в мире французская армия, и Гитлер – капут. На этот случай польское командование готовило «корпус вторжения».

«Пожалуй, трудно установить, в чем состоял оперативный замысел, положенный в основу плана развертывания польской армии, – недоумевал фельдмаршал Эрих фон Манштейн, – если только это не было желанием «прикрыть все» или, может быть, правильнее будет сказать, ничего не отдавать добровольно. Это желание в случае его осуществления приводит слабейшую сторону, как правило, к поражению... Вообще говоря, польскому темпераменту больше соответствовала идея наступления, чем обороны. Романтические представления минувших времен, по крайней мере, подсознательно, еще сохраняли свою силу в головах польских солдат... Таким образом, возможно, что в основе плана развертывания польской армии, кроме желания «ничего не отдавать», вообще не было никакой ясной оперативной идеи; существовал лишь компромисс между необходимостью обороняться от превосходящих сил противника и прежними заносчивыми планами наступления. При этом одновременно впадали в заблуждение, считая, что немцы будут вести наступление по французскому образцу и что оно скоро примет застывшие формы позиционной войны».

Единственно верным решением с оперативной точки зрения мог бы стать отвод основных частей Войска Польского на заранее подготовленный 600-километровый рубеж по берегам рек Бобр, Нарев, Висла и Сан. Однако это было признано невозможным, исходя из политических, экономических (на западе страны располагались основные промышленные объекты) и психологических соображений. А пожалуй, правильнее всего было бы реально оценить свои возможности и отдать Гитлеру «вольный город» Данциг.

Ранним утром 1 сентября германские моторизованные и танковые соединения, сбив части прикрытия, завязали бои с главными силами польской армии. Немецкая авиация, имевшая качественное и пятикратное численное превосходство, быстро завоевала господство в воздухе. Ее массированные налеты на административные центры, железнодорожные станции, основные транспортные магистрали и узлы связи затрудняли окончание мобилизации, срывали военные перевозки, лишали польское командование средств управления войсками. Оборона вдоль границы начала трещать и разваливаться уже на третий день войны.

На Северном фронте 4-я армия генерала Ганса фон Клюге рассекла армию «Поморье» генерала Владислава Бортновского на две части, и 4 сентября передовые части 19-го танкового корпуса Гейнца Гудериана достигли Вислы, захватив переправы у города Быдгощ. На следующий день левый фланг Клюге сомкнулся с правым флангом 3-й армии генерала Георга Кюхлера, наступавшей из Восточной Пруссии, и тем самым перерезал «польский коридор»; в образовавшемся котле армия «Поморье» потеряла треть своих сил, в плен попали 16 тысяч польских солдат. На направлении главного удара войска Кюхлера после ожесточенных боев захватили Млаву и проломили 30-километровую брешь в обороне армии «Модлин» генерала Пшездзмирского. Поляки начали отход за Вислу, пытаясь оторваться от преследования.

Стремительно развивались события на юго-западе Польши. На правом крыле группы армий «Юг» наступала 14-я армия генерала Вильгельма Листа, наносившая удар из Верхней Силезии в направлении Кракова. И здесь после прорыва танковых частей в ночь со 2 на 3 сентября армия «Краков» генерала Антония Шиллинга перешла в отступление на линию рек Нида и Дунаец, то есть на 100–170 километров, оставляя немцам Силезию и Краков.

На главном направлении 10-я армия генерала Вальтера фон Рейхенау ударила в стык между армиями «Краков» и армией «Лодзь», которой командовал генерал Юлиуш Руммель, и прорвала польскую оборону в районе Ченстоховы. В образовавшуюся брешь устремились германские подвижные соединения. Еще севернее позиции армии «Лодзь» взламывали соеди-

нения 8-й армии генерала Бласковица. Вечером 2 сентября Руммель приказал начать отход на запасные оборонительные рубежи. Однако немецкие танкисты успевали занимать их раньше, а массированные удары авиации завершали дезорганизацию обороны.

В то время как армия «Лодзь» вела тяжелые бои, армия «Познань» генерала Тадеуша Кутшебы практически бездействовала, если не считать лихого кавалерийского рейда «Великопольской бригады» на территорию Германии. Вдохновленный командарм собрался уже перейти в решительное наступление, но тут ситуация кардинально изменилась, и им был получен приказ на скорейший отвод своих войск.

Начиная с 3 сентября вся польская армия совершала ретирату к так называемой «главной позиции». Единственной приятной новостью в этот воскресный день стало предъявление Англией и Францией ультиматума правительству Третьего рейха, в котором от германской стороны требовалось в течение двух часов прекратить боевые действия против Польши и отвести войска к линии германо-польской границы. Немцы ультиматум проигнорировали. В Москве в это время состоялся интересный разговор между Вячеславом Молотовым и польским послом Вацлавом Гжибовским, имевшим указание официально проинформировать советское руководство о немецкой агрессии. «3 сентября я был принят Председателем Совета Народных Комиссаров господином Молотовым, – вспоминал Гжибовский. – Наша формулировка неспровоцированной агрессии, совершенной без объявления войны и во время проведения переговоров, не вызвала возражений с его стороны. Он признал, что немцы показали себя агрессорами, и спросил, рассчитываем ли мы на выступление Англии и Франции и когда мы его ожидаем. Я ответил, что не располагаю официальной информацией, однако предвижу объявление войны утром 4 сентября. Господин Молотов скептически усмехнулся и сказал: «Еще поглядим, господин посол...»

Союзники объявили войну Германии в 17.00 по берлинскому времени.

Французский главнокомандующий генерал Морис Гамелен прислал маршалу Рыдз-Смиглы телеграмму, в которой сообщал, что 4 сентября он начнет боевые действия на суше. Это внушало польскому командованию уверенность, что наступление союзников резко изменит стратегическую обстановку.

Гитлер, де-юре получивший таки войну на два фронта, немедленно заинтересовался вопросом: когда же в Польшу вступят советские войска? Он полагал, что эта акция автоматически сделает СССР его союзником, так как Англия и Франция будут вынуждены объявить войну и Советскому Союзу. Из Берлина в Москву полетела телеграмма с пометкой «Очень срочно!», подписанная Риббентропом:

«Мы безусловно надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было установлено в Москве, входят в германскую сферу влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую зону влияния.

...не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и со своей стороны оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах».

Сталин на эту удочку не попался. Он предпочитал помогать нацистам «подрывать капиталистическую систему», оставаясь «нейтральным», ни в коем случае это сотрудничество не афишируя. Согласно тайным договоренностям по радиосигналам из Минска самолеты Люфтваффе наводились на польские военно-промышленные объекты, германские суда находили убежище в мурманском порту, бесперебойно поступали в Германию из Советского Союза стратегическое сырье и материалы, в том числе закупленные в Англии и США (германская промышлен-

ность на треть зависела от заграничных поставок сырья, причем по таким материалам, как медь, олово, каучук, алюминий, зависимость от импорта составляла от 70 до 99 процентов). Однако вступать открыто в мировую войну пока было не в интересах «народов СССР», ведь у Кремля имелась еще возможность «маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались».

Ответ Молотова, датированный 5 сентября, гласил: «Советское правительство абсолютно согласно, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия». Но пока время для этого «неподходящее», а чрезмерная поспешность «может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов».

Кстати, немцы предлагали отщипнуть кусочек Украины венграм, но Будапешт выразил твердое нежелание участвовать в «военных акциях против Польши». Тогда Германия пригласила Литву вернуть себе Вильно, но и литовская сторона предпочла сохранять нейтралитет.

Французские обещания нисколько не помешали генералам Рейхенау и Бласковицу 4–6 сентября, разбив армию «Лодзь», преодолеть «главную позицию» на реках Варта и Видавка, нанести поражение пытавшейся прикрыть брешь резервной армии «Пруссы», открыв тем самым дорогу к столице Польши. 14-я немецкая армия 6 сентября заняла оставленный поляками Краков. На севере войска Кюхлера форсировали Нарев.

Мобильность немецких частей приводила к тому, что практически все контрмеры польского командования запаздывали. Ход кампании показал, что перед лицом массированной атаки бронетанковых частей линейная оборона устарела. Когда немецкие танки прорывали оборонительную полосу, ее защитники, растянутые по фронту, не могли сосредоточить свои силы для контратаки. Отлично обеспеченное современными средствами связи, данными разведки и службы радиоперехвата, германское командование могло своевременно отреагировать на любое изменение обстановки, в то время как польские штабы зачастую не располагали сведениями не только о противнике, но и о собственных войсках.

Офицеры польского Генерального штаба лишь с началом войны узнали, что все средства управления, имеющиеся в их распоряжении, состоят из нескольких телефонов, одного телеграфного аппарата и одной радиостанции. Причем передатчик радиостанции находился на другом конце Варшавы, а приемник – в личном бункере Рыдз-Смиглы, так маршалу было удобнее. Правда, имелась еще одна радиостанция, но без передатчика – его «сломали» немцы. Поэтому надежной связи Генштаб не имел, ему никак не удавалось наладить взаимодействия даже крупных воинских объединений. Путаница с приказами, которая возникала из-за стремления угнаться за быстро развивающимися событиями, приводила к хаосу и падению боевого духа солдат, а длительные и порой бессмысленные марши утомляли войска.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, маршал Рыдз-Смиглы принял решение прекратить оборону западных воеводств и вечером 5 сентября отдал директиву об общем отступлении польских войск для создания нового фронта по рекам Нарев, Висла и Сан. Армии «Пруссы» генерала Стефана Доб-Бернацкого предписывалось отходить в районы среднего течения Вислы, армии «Лодзь» и армии «Познань» – к Варшаве, армии «Поморье» – через Сохачев к Варшаве. Переправы через Вислу должна была защищать импровизированная армия «Люблин» генерала Тадеуша Пискора. Армии «Краков» и «Карпаты» планировалось объединить под общим командованием генерала Фабрицы в армию «Малопольска», которой предстояло оборонять линию реки Сан.

Несмотря на нанесенный полякам тяжелый урон, германское командование было вынуждено признать, что основной замысел плана «Вейсс» – окружить и уничтожить польскую армию западнее Варшавы – не выполняется. Значительные по численности соединения противника выскользнули из клещей и откатывались на восток. 6 сентября главнокомандующий сухопутных сил генерал-полковник Вальтер фон Браухич отдал директиву об увеличении глубины

охватывающих фланговых ударов. Перед войсками Вермахта ставилась новая стратегическая цель – обеспечить окружение основных польских сил восточнее Вислы. Через три дня Браухич уточнил задачи. «Войска противника, отходящие за Вислу и Нарев, – говорилось в директиве ОКХ, – должны быть уничтожены двойным охватом восточнее Вислы». Группа армий «Север» получила приказ прорвать оборону на реке Нарев и развивать наступление в направлении Седльце, Брест, обходя Варшаву с востока. Группа армий «Юг», продолжая операцию по уничтожению польских сил между Саном и Вислой, должна была правофланговой 14-й армией нанести удар на Люблин и наступать в северном направлении на соединение с войсками группы армий «Север».

Между тем, выражаясь языком газеты «Правда», нарастал процесс «дезорганизации всей польской государственной машины». Первым в первый же день войны покинул столицу президент Польши 72-летний Игнатий Мосцицкий. 4 сентября началась эвакуация учреждений, на следующий день из Варшавы в Луцк, что на Волыни, вывезли золотой запас, дипломатический корпус и правительство, которое, отдавшись во власть военных, уже ничего не контролировало. Причем в бессмысленное с политической точки зрения двухнедельное путешествие по «безопасным местам» чиновники отправились в полном составе, парализовав тем самым работу всей административной системы и деморализуя население.

Верховный главнокомандующий тоже решил «отступить» на 180 километров. Как отмечает польский автор, взявший огромную власть Рыдз-Смиглы ощущал себя скорее неким вождем нации, чем военным руководителем, непосредственно отвечающим за оборону страны. К сожалению, он не был Пилсудским и «не мог с ним равняться ни моральным авторитетом, ни политическим талантом». Добавим, что полководческими талантами выпускник философского факультета также не блеснул. Вместо того чтобы избрать своей Ставкой штаб наиболее мощной группировки польских войск или, по крайней мере, место, откуда можно было бы реально руководить вооруженными силами, маршал 7 сентября перебрался в Брест. За ним, непонятно из каких соображений, отдельно от правительства и послов последовал министр иностранных дел с важнейшими отделами. Для прикрытия нового командного пункта драгоценного главкома была снята обеспечивавшая воздушное прикрытие столицы авиационная истребительная бригада.

С этого момента Рыдз-Смиглы военными действиями фактически не руководил. Как внезапно выяснилось, Брестская крепость оказалась совершенно не приспособлена к работе Главной квартиры. Во-первых, в честь прибытия высокого начальства немецкие летчики разбомбили городскую гостиницу, а в казематах пятого форта не оказалось совершенно никаких удобств для польских стратегов, во-вторых, в Бресте не было связи. Ни с кем. Привезенную радиостанцию использовать было нельзя, поскольку шифры и коды для переговоров с войсками забыли в Варшаве. Через двенадцать часов удалось установить телефонную связь с армией «Люблин» и недолго поговорить со штабом оперативной группы «Нарев». Наконец, по железной дороге доставили шифры, но к этому времени радиостанция работала только на прием.

Соответственно, и управляло польское Верховное командование методом «ступенчатой аппроксимации». Оставшийся в Варшаве с группой операторов начальник Главного штаба генерал бригады Вацлав Стахевич получал от войск донесения, периодически теряя и восстанавливая с ними ненадежную связь, и по забитым беженцами дорогам посылал курьеров в Брест. Здесь Рыдз-Смиглы принимал решение, которое по телефону передавалось в штаб Пинской флотилии. Моряки, имевшие коротковолновую радиостанцию, связывались со штабом польского флота в Варшаве, и уже оттуда руководящие указания доводились до Стахевича. Принимаемые решения безнадежно устаревали, а зачастую вовсе не доходили до исполнителей. Министр Бек советовал как можно скорее перебраться во Львов, имевший неплохую систему

ПВО, развитую сеть коммуникаций, мощную радиостанцию и связь с границей через Румынию, но маршалу, стремившемуся быть поближе не к войскам, а к правительству, идея не понравилась. Французский представитель при польской Ставке сообщал: «Здесь царит полнейший хаос. Главное польское командование почти не имеет связи с воюющими армиями и крупными частями... Не имеет ровно никакой информации о продвижении неприятеля, и даже о положении своих собственных войск очень неполно или вовсе не информировано. Генеральный штаб распался на две части».

Все это подрывало обороноспособность польских войск. Командиры соединений вынуждены были принимать самостоятельные решения, не зная намерений соседей и высшего командования. Как отмечал Мюллер-Гиллебранд, поляки сражались «храбро и ожесточенно», однако «немецкое командование в результате применения новой тактики массированного использования танковых и моторизованных соединений часто ставило польское командование перед такими трудностями, с которыми последнее не в состоянии было справиться». Фронт распался.

На юге 8-я германская армия развивала наступление через Лодзь на Варшаву, ее 10-й армейский корпус вышел к реке Бзура.

14-я армия широким фронтом двинулась к Сану. Ее левофланговый 8-й армейский корпус форсировал Вислу у Опатовица. 22-й моторизованный корпус через Тарнов двигался на Ярослав. На правом фланге армии 18-й армейский корпус форсировал Сан у Санока и приближался к верховьям Днестра.

На главном направлении моторизованные части 10-й армии несколькими гигантскими клещами наступали на Варшаву, Пулавы, Сандомир. В районе Радома 9 сентября ее 15-му и 14-му механизированным корпусам удалось окружить пять польских дивизий. При ликвидации котла в плен было взято 65 тысяч польских солдат и захвачено 145 орудий. Армия «Пруссы» перестала существовать. 1-я танковая дивизия захватила мосты у Гура Кальвария и создала плацдарм на восточном берегу Вислы. Правофланговый 7-й армейский корпус устремился к Сандомиру. 4-я танковая дивизия генерала Рейнгардта, не встречая сопротивления и далеко оторвавшись от основных сил, достигла предместий Варшавы. Однако попытки с ходу захватить город были отбиты с большими для немцев потерями. Экипажи отдельных боевых машин, прорвавшихся на улицы столицы, варшавяне разорвали буквально голыми руками. Несмотря на эти успехи, польская оборона не смогла бы выстоять перед натиском основных сил 10-й армии, которая быстрыми темпами продвигалась к Висле. Но удар так и не был нанесен в связи с неожиданным развитием событий на реке Бзура, которые вынудили германское командование перебросить туда все танковые и моторизованные дивизии, имевшиеся у Рейхенау. 9 сентября стремившиеся к Варшаве соединения армий «Познань» и «Поморье» из района Кутно внезапно нанесли сильный удар по обнаженному северному флангу 8-й армии Бласковица. Немцы несли большие потери. Польские дивизии форсировали Бзуру, создавая угрозу тыловым коммуникациям противника. По свидетельству Манштейна, «обстановка для немецких войск в этом районе приняла характер кризиса. Попытки 8-й армии восстановить положение контратаками не принесли успеха». Пришлось осуществлять перегруппировку сил. Два корпуса 8-й армии были повернуты фронтом на север. На север и северо-восток повернули наступавшие на Варшаву соединения левого фланга 10-й армии. Подтягивались резервы группы армий «Юг». Правофланговые соединения 4-й армии переправились на левый берег Вислы и создали фронт окружения армии «Познань» с востока.

На севере 3-я армия, усиленная переброшенным в полосу ее наступления 19-м танковым корпусом Гудериана, 9 сентября прорвала оборону на реке Нарев в районе Ломжи и своими подвижными частями устремилась на юг, глубоко охватывая польские войска с востока. 10 сентября войска армии форсировали Буг и вышли на железную дорогу Варшава – Брест. С северо-запада к Варшаве приближались части 4-й армии, вышедшие к Модлину.

«Успехи войск баснословны», – писал в дневнике начальник штаба ОКХ генерал Франц Гальдер.

В связи с угрозой глубокого обхода всей северной группировки войск польское командование решило сосредоточить максимально возможное количество сил в юго-восточных районах страны вблизи границы с Румынией и здесь организовать упорное сопротивление до начала наступления французской армии. 10 сентября Главный штаб передал директиву о создании за счет отходивших войск и резервных формирований нового фронта обороны на линии рек Сан – Висла – Нижний Вепш – Припять. «Главной моей целью, – разъяснял маршал, – является возможное стягивание всех войск в направлении на Восточную Польшу и обеспечение соединения с Румынией». Части, отступавшие с Буга и Нарева, и войска армии «Люблин» объединялись в Северный фронт под командованием генерала Доб-Бернацкого, одного из главных виновников разгрома армии «Пруссы». Им ставилась задача оторваться от противника и как можно быстрее достичь района Коцк – Брест. Южный фронт, в состав которого должны были войти армии «Малопольска» и «Краков», возглавил генерал бригады Казимир Соснковский. Генерал Руммель принял командование армией «Варшава», создававшейся для обороны столицы. Группа генерала Кутшеба – армии «Познань» и «Поморье» – должна была пробиваться через Радом на Красник. Армия «Люблин» – любой ценой удерживать позиции по Висле от Сандомира до устья Вепша.

Вслед за этим, промаявшись в «брестском балагане» четыре дня и получив известие о приближении к Бресту танков Гудериана, Рыдз-Смиглы рванул во Владимир-Волынский, заодно «конфисковав» у гарнизона большую часть батарей 9-го дивизиона зенитной артиллерии. Бек со своими сотрудниками отправился в Кременец, где находился весь дипломатический корпус.

Очень скоро выяснилось, что решения маршала, запоздавшие суток на трое и не дошедшие до многих штабов, выполнить не представляется возможным. Впрочем, план с самого начала был обречен на провал из-за своей полной нереальности, так как, чтобы создать юго-восточную группировку, польским войскам, в отличие от своего моторизованного главнокомандующего, передвигавшимся в основном пешим ходом, нужно было «оторваться» от танковых частей Вермахта, прошагать 200–300 километров и успеть закрепиться до подхода противника. Немцы, как правило, успевали это сделать первыми. К тому же штаб Северного фронта просто не мог установить связи со своими частями, к примеру, понятия не имел, что оперативная группа «Нарев» как боевая единица уже не существует. На юге немцы форсировали Сан, генерал Фабрицы самоустранился от командования армией «Малопольска» и вместе с офицерами штаба (!) сбежал во Львов, свежеепеченный командующий фронтом генерал Соснковский штаба вообще не имел, а заодно тыловых служб и необходимых средств связи, что исключало возможность координировать действия боевых частей.

К 12 сентября германские войска на ряде участков вышли к среднему течению Вислы, перешли линию Буг – Нарев, охватив Варшаву с востока, и выдвинулись к Сану, форсировав его верховья. Внешние клещи достигли Бреста и Львова.

Ввиду бездействия Красной Армии, немцам пришлось вторгнуться в советскую «сферу влияния». Само собой, в Москве не собирались безучастно взирать на развитие ситуации в Польше, просто нужный Сталину, пардон, «народам СССР», момент еще не наступил. Военные приготовления начались еще в августе, без всяких напоминаний из Берлина.

С 20 часов 2 сентября на советско-польской границе был введен режим усиленной охраны. Согласно указаниям начальника Пограничных войск Белорусского округа, все погранотряды были приведены в боевую походную готовность. 3 сентября маршал К.Е. Ворошилов предложил ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердить задержку увольнения красноармейцев и младших командиров на один месяц в войсках Ленинградского, Московского, Калининского, Бело-

русского особого и Киевского особого военных округов (всего 310 632 человека) и призыв на учебные сборы приписного состава воинских частей ПВО (всего 26 014 человек). Правительство, естественно, согласилось, и 4 сентября нарком обороны отдал соответствующий приказ.

6 сентября в семи военных округах была получена директива о проведении скрытной мобилизации под видом «Больших учебных сборов» согласно плану № 22. В этот же день решением Совнаркома был введен в действие мобилизационный план по продфуражному обеспечению РККА по ЛВО, МВО, КалВО, БОВО, ХВО и Орловскому военному округу и план доснабжения РККА вещевым имуществом. Предполагалось разбронировать запасы продовольствия. Первым днем сборов назначалось 7 сентября 1939 года. Извещение о подъеме войск по литеру «Б» за подписью Молотова было доведено телеграммой до Председателей СНК союзных и автономных республик и облисполкомов. В телеграмме сообщалось, что приказами названных округов на учебные сборы привлекаются приписной состав, автотранспорт, лошади и обоз. Вызов производился строго по повесткам без опубликования приказа. Местным органам предписывалось оказывать всемерное содействие военным учреждениям.

В БУС приняли участие управления 22 стрелковых, 5 кавалерийских, 3 танковых корпуса, 98 стрелковых и 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых, 3 мотострелковые и 1 воздушно-десантная бригада. Всего было призвано 2,6 миллиона человек, 634 тысячи лошадей, 117 300 автомашин и 18 900 тракторов.

8 сентября германские СМИ объявили о падении Варшавы. Всех ввел в заблуждение генерал Рейнгардт, который, едва его «панцеры» ворвались в предместье, поспешил доложить о взятии польской столицы. Немецкие танки варшавяне из города вышибли, однако «утка» разлетелась по всему свету. В тот же день германское посольство в Москве получило подписанную Молотовым телефонограмму: «Я получил ваше сообщение о вступлении германских войск в Варшаву. Прошу передать мои поздравления и приветствия правительству Германской Империи».

Ночью 9 сентября Риббентроп поручил Шуленбургу неотложно возобновить беседы с Молотовым «относительно советской военной интервенции» в Польшу. Днем Молотов дал конкретный ответ на германский зондаж: «...советские военные действия начнутся в течение ближайших дней... будут также призваны многочисленные резервисты». По всему выходило, что Красной Армии действительно пора выступать.

Нарком обороны и начальник Генерального штаба командарм 1 ранга Б.М. Шапошников 9 сентября подписали приказы № 16633 Военному совету БОВО и № 16634 Военному совету КОВО, согласно которым следовало «к исходу 11 сентября 1939 г. скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника».

Войска Белорусского особого округа получили следующие задачи. Витебская армейская группа должна была, «отбрасывая противостоящие войска противника от латвийской границы, действовать в общем направлении на Свенцяны», которой следовало овладеть к исходу 13 сентября, и «в дальнейшем иметь в виду овладение Вильно». Минской армейской группе следовало «мощным ударом прорвать фронт противника и наступать в направлении на Ошмяны, Лида и к исходу 13 сентября выйти на фронт Молодечно, Воложин, к исходу 14 сентября овладеть районом Ошмяны, Ивье». В дальнейшем иметь в виду оказать содействие в овладении Вильно, а остальными силами наступать на Гродно. Конно-механизированная группа получила задачу «мощным ударом по войскам противника разгромить их и решительно наступать в направлении на Новогрудок, Волковыск и к исходу 13 сентября выйти на фронт Делятичи, Турец; к исходу 14 сентября выйти на р. Молчадь на участке от ее устья до м. Молчадь. В дальнейшем иметь в виду наступление на Волковыск с заслоном против г. Барановичи». Бобруйской армейской группе следовало «действовать в направлении на г. Барановичи и к исходу 13 сентября выйти на фронт Снов, Жиличи».

Войска Киевского округа должны были действовать не менее решительно и молниеносно. Житомирской армейской группе следовало «наступать в направлении на Ровно, Луцк и к исходу 14 сентября овладеть районом Ровно, Дубно; к исходу 14 сентября овладеть районом Луцк, имея в виду дальнейшее наступление на Владимир-Волынский». Винницкой АГ предстояло «нанести мощный и решительный удар по польским войскам и быстро наступать на м. Трембовля, г. Тарнополь, г. Львов и к исходу 13 сентября выйти в район Езерна; к исходу 14 сентября овладеть районом Буск, Перемышляны, Бобрка, имея дальнейшей задачей овладение г. Львов». Кавалерийской армейской группе предписывалось «нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам, надежно прикрывая свой левый фланг и отрезая польские войска от румынской границы, решительно и быстро наступать в направлении на Чортков, Станиславов и к исходу 13 сентября выйти на р. Стрыпа; к исходу 14 сентября овладеть районом Станиславов, имея дальнейшей задачей действия в направлении Стрый, Дрогобыч».

Советским войскам не следовало «ввязываться во фронтальные бои на укрепленных позициях противника, а, оставляя заслоны с фронта, обходить фланги и заходить в тыл, продолжая выполнять поставленную задачу». Глубина действий войск фронта устанавливалась по линии латвийской, литовской и германской границ, далее по рекам Писса, Нарев, Висла и Сан и по венгерской и румынской границам.

Таким образом, днем «Х» было установлено **13 сентября**.

Однако приказы так и не были переданы в округа, поскольку вдруг обнаружилось, что гарнизон Варшавы успешно отражает все немецкие атаки, а на франко-германской границе началось продвижение французских войск к линии Зигфрида.

Поэтому 10 сентября Молотов пригласил к себе Шуленбурга и, вопреки своему вчерашнему заявлению, сказал, что Красная Армия застигнута врасплох столь быстрыми успехами Вермахта и пока не готова к действиям. Для развертывания ей необходимо еще две-три недели. К тому же из сообщения германского агентства ДНД складывается впечатление о возможном германо-польском перемирии, а в такой ситуации Советский Союз не может начать «новую войну». Коснувшись политической стороны вопроса, Молотов заявил, что «советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия. Этот предлог представит **интервенцию Советского Союза** благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором».

(Вячеслав Михайлович знал, о чем говорил. 9 февраля 1929 года в Москве представителями правительств СССР, Польши, Эстонии, Латвии и Румынии был подписан протокол о признании и присоединении к Парижской декларации об отказе от применения силы в международных отношениях. Еще через четыре года по инициативе Москвы, неустанно боровшейся за дело мира, были проведены многосторонние переговоры, целью которых было «определить возможно более точным образом понятие агрессии, **дабы предупредить всякий повод к ее оправданию**». Итогом стала подписанная в Лондоне 3 июля 1933 года конвенция между Советским Союзом, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном, «воодушевленных желанием, в интересах всеобщего мира, обеспечить всем народам неприкосновенность территории своей страны».

Статьей второй этого документа любое государство признавалось нападающим, если оно «первое совершит одно из следующих действий»:

- «1. Объявление войны другому Государству.*
- 2. Вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого Государства.*
- 3. Нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, на суда или на воздушные суда другого Государства.*

4. *Морскую блокаду берегов или портов другого Государства.*

5. *Поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого Государства, или отказ, несмотря на требование Государства, подвергшегося вторжению, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства».*

Между прочим, у правительств Великобритании и Франции идеалистическая конвенция одобрения не получила. Ясное дело – «империалистические хищники», поджигатели войны.

Теперь Сталин и Молотов, планируя совершить «одно из следующих действий», ломали голову над ребусом, как агрессию совершить, но агрессорами не выглядеть. И придумали: «благовидность» вмешательству в германо-польскую войну должны были придать идеи обеспечения государственных интересов СССР и защиты украинского и белорусского народов в условиях распада Польши. Это был чисто пропагандистский трюк, поскольку до этого «страдания» белорусских и украинских «братьев» большевиков никогда не интересовали, а с точки зрения международного права и третьей статьи все той же лоббированной Кремлем конвенции:

«Никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить извинением или оправданием агрессии, предусмотренной в статье II».)

Шуленбург пообещал сделать запрос относительно возможности перемирия и сказал, что действия Красной Армии в данной ситуации очень важны. Естественно, вопрос о перемирии с поляками не ставился, о чем Риббентроп и сообщил в Москву.

11 сентября на базе БОВО и КОВО были сформированы и развернуты полевые управления округов, позднее переименованные в управления Белорусского и Украинского фронтов. Командовали фронтами сделавший стремительную карьеру на волне репрессий командарм 2 ранга М.П. Ковалев (путь бывшего штабс-капитана от должности коменданта Забайкальского укрепленного района до командующего округом занял пятнадцать месяцев) и продубленный первокозник командарм 1 ранга С.К. Тимошенко. С 18 часов 12 сентября на железных дорогах европейской части страны был введен в действие воинский график. Сокращались гражданские перевозки, железные дороги получили 500 тысяч тонн мобилизационного запаса угля, на ряд железных дорог были назначены уполномоченные СНК по выгрузке грузов.

Германское командование пока еще не имело точных данных о том, последует ли советское вмешательство, и продолжало действовать по собственным планам. 12 сентября в ОКВ рассматривались варианты окончательного решения польской проблемы. Вариант III предусматривал, среди прочего, передачу Литве района Вильно и создание независимого государства на территории Галиции и Польской Украины. Начальник абвера адмирал Канарис получил указание подготовить мятежи националистов в украинских районах, «провоцируя восставших на уничтожение евреев и поляков».

Военные приготовления СССР скрыть было невозможно. Тем не менее у польского руководства они никакой тревоги не вызывали. Ни у кого не возникло мысли продумать и подготовить возможные политические и военные шаги на случай вторжения с востока Красной Армии. Сведения, поступавшие 1–5 сентября, воспринимались как закономерная и понятная реакция на начало войны в Европе. Не насторожили ни сообщение ТАСС от 7 сентября о начале частичной мобилизации РККА «в интересах дальнейшего укрепления обороны страны», ни разворачивавшаяся в советской прессе антипольская кампания, ни нарушения границы красноречивыми самолетами-разведчиками, ни донесения из Москвы.

Так, польский военный атташе генерал Стефан Бжештшинский вспоминает о происшествии, случившемся во время посещения иностранными дипломатами массового митинга в парке Горького, посвященного событиям в Польше: «Речь была неприязненной по отношению к полякам, и собрание принимало ее довольно холодно. До тех пор, пока под конец оратор

повышенным голосом не прокричал: «Что ж мы, советский народ и правительство, должны, сложив руки, смотреть, как по вине панской Польши страдают наши братья белорусы и украинцы?» Настроение толпы резко изменилось. Правда, оратор не дал ответа на поставленный вопрос, однако собрание поняло его по-своему, то есть что советские войска пойдут на помощь Польше! Все кричали: «В поход, в поход против проклятых немцев!» Когда мы шли к машинам, британский атташе поинтересовался моим мнением о последнем вопросе оратора. Я ответил не задумываясь: «Царица Екатерина послала когда-то свои войска против поляков под предлогом защиты инсургентов, а теперь Сталин направит свои под предлогом защиты братьев». Возвратившись в посольство, я проинформировал Гжибовского о разговоре в парке Горького, обратив особое внимание на риторический вопрос оратора, на который он не дал ответа, но из которого мы должны себе уяснить: Советы ударят на Польшу в удобную для них минуту». Посол не отмахнулся от этой новости, а известил радиограммой Бека и Рыдз-Смиглы. А вот о чем думали странствующий маршал и министр иностранных дел – тайна сия велика есть.

Новую угрозу Польше различали в Лондоне. Один из высших функционеров Форин Офис Лоуренс Цоллер в донесении о мобилизации Красной Армии написал: «Не могу удержаться от того, чтобы не связать этот факт с присутствием советских генералов в Берлине, хотя не рискну сказать точно, в чем конкретно заключается эта связь». Посол Великобритании 10 сентября сообщал из Москвы, что последние советские решения наводят на предположение о том, что СССР намеревается силой занять часть польских земель. Британская пресса писала о развертывании 80 советских дивизий и призыве в Красную Армию 4 миллионов человек, а «Дейли телеграф» прямо указывала, что эти мероприятия проводятся с целью занятия восточных польских земель, «которые Гитлер предложил Москве».

«На украинских землях, где мы сейчас пребываем, – сообщал 11 сентября в Париж французский посол Леон Ноэль, – различными агентами распространяются слухи о тайной договоренности между Германией и СССР, на основе которой немецкие отряды не пересекут Буга, оставив эту часть Польши советским войскам. Будучи спрошенным по поводу этих слухов одним из наших коллег, советский посол, ничего категорично не отрицая, сказал, что в этих краях ходит множество баек. И добавил: «Жители этого региона – наши родственники». Население, среди которого поляки составляют решительное меньшинство, настроено по отношению к Польше враждебно и не намерено ей оказывать никакой помощи. Евреи и многие украинцы либо ждут советские войска, либо живут надеждой, что Украину освободит германская армия». Предупреждения Парижа о возможном выступлении СССР польское правительство также не приняло всерьез.

Еще одним неслышанным «звонок» стал отъезд из Кременца советских дипломатов. Николай Шаронов навестил министра Бека и осведомил его, что, ввиду неудовлетворительной телефонной связи, необходимо лично съездить в Москву, дабы непосредственно там обговорить возможности поставок медикаментов и других материалов для нужд польской армии. С тем посол СССР откланялся, пообещал вернуться не позднее чем через неделю и с рассветом 12 сентября убыл вместе с военным атташе и несколькими сотрудниками. В действительности ни о какой помощи Польше не могло быть и речи. Сразу после беседы с «отцом народов» Георгий Димитров разослал зарубежным компартиям директиву Исполкома Коминтерна: «Международный пролетариат не может защищать фашистскую Польшу, отвергающую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности». Резко отрицательную позицию занял Секретариат ИККИ «к добровольному вступлению коммунистов и революционных элементов в национальные легионы» по примеру Испании. Так что у Шаронова была совсем другая причина для того, чтобы покинуть территорию Польши, возможно, он знал про день «Х» – 13 сентября.

Бек тем временем собрал в Кременце конференцию, на которой присутствовали 7 послов и 17 полномочных представителей иностранных держав. В своем выступлении министр выразил разочарование польского правительства по поводу отсутствия эффективной помощи со стороны союзников, однако выразил уверенность, что война не может продлиться долго. Внутреннее положение Германии исключает длительную борьбу, людских ресурсов и стратегических материалов у Рейха значительно меньше, чем в 1914 году, а интенсивные бомбардировки вразумят немецкое общественное мнение. Речь Бека явственно продемонстрировала «трезвость» польских политиков, не желавших считаться с реальностью. Отдельный разговор состоялся у министра с французским послом, еще 9 сентября предложившим правительству Польши обосноваться во Франции, «согласно с прецедентом бельгийского правительства в 1914 году».

Вечером 12 сентября в местечке Олиц состоялось совместное заседание правительства и высшего военного руководства Речи Посполитой, на котором догнавший таки президента и разместивший свою штаб-квартиру в Млынове Рыдз-Смиглы путано, теряясь в ненужных подробностях и не внося никаких предложений, обрисовал общую ситуацию на фронте. «Вынужден он был ограничиться общей декларацией, что нам не удастся провести в жизнь кардинальные решения по удержанию позиций в стране, – писал разочарованный поведением маршала Бек. – Озвучил французское предложение и пообещал вернуться к нему позже. Ни профессор Мосцицкий, ни Верховный главнокомандующий не проявили желания обсудить глубже эти проблемы». Желания обсудить «глубже» не высказал никто другой. Судя по всему, внутренне решение спасти свои бесценные для народа жизни уже было принято. Что характерно для большинства политиков, уверяющих и оправдывающих себя тем, что ничего дороже у населения быть не может и какое им дело до «ответственности перед Историей». Ответственный политик в любые времена – такая редкость (вот Гитлер хоть и нехороший был человек, однако в 1945 году вел себя не в пример достойнее шляхтичей, хотя имел возможность смыться даже и в Антарктиду). Наверное, по той же причине не прозвучало в благородном собрании ни одного слова по поводу возможного вторжения СССР и какие меры необходимо предусмотреть на этот случай.

А союзники действительно подкачали. Кстати, Гитлер был в них вполне уверен, когда сказал: «Если они объявили нам войну, то это для того, чтобы сохранить свое лицо, к тому же это еще не значит, что они будут воевать... За союзника не умирают!» Как и предсказывал фюрер, на Западном фронте ничего не менялось: немцы дисциплинированно не лезли на рожон, французским солдатам просто на всякий случай не выдавали боевых патронов, да они и сами не изъявляли желания «умирать за Данциг». Супротивники ходили друг к другу в гости, обменивались выпивкой и угощались сигаретами. Генерал Гамелен, уверявший Рыдз-Смиглы в своем благорасположении, уже 5 сентября утвердился в мнении, что у Польши шансов нет и данный печальный факт «является очередным поводом для сохранения наших сил». 7 сентября польский военный атташе во Франции констатировал: «На Западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно так же нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битв в Польше». И надо сказать, «результаты» не радовали. Аналогично вели себя англичане, чьи ВВС отбомбились по территории Германии 18 миллионами пацифистских листовок, взывавших «к нравственности немцев».

9 сентября девять французских дивизий на фронте 32 километра к востоку от Саарбрюкена без единого выстрела проникли в предполье линии Зигфрида и продвинулись на вражескую территорию на глубину 3–8 километров. Германские части, которым было приказано уклоняться от боя, отступили на основные позиции. Совершив этот героический прорыв и, как трубили газеты, поставив перед Гитлером «труднейшую стратегическую дилемму», французы 12 сентября прекратили наступление, «ввиду быстрого развития событий в Польше», а

еще через неделю начали организованный отход на исходные позиции. Все это время генерал Гамелен кормил польское руководство байками о небывалых по масштабам сражениях, которые ведет французская армия: «Больше половины наших активных дивизий Северо-Восточного фронта ведут бои. После перехода нами границы немцы оказали сильное сопротивление. Тем не менее мы продвинулись вперед. Но мы завязли в позиционной войне, имея против себя подготовившегося к обороне противника... С самого начала брошены военно-воздушные силы для участия в позиционных операциях. Мы полагаем, что имеем против себя значительную часть немецкой авиации. Поэтому я раньше срока выполнил свое обещание начать наступление мощными силами на пятнадцатый день после объявления французской мобилизации».

Решение списать со счетов явно проигрывавшую войну Польшу было принято на первом же заседании Верховного совета союзников в Абвилле, хотя генерал Гамелен продолжал твердить польским представителям о непреклонной решимости Франции и Англии оказать всю возможную помощь. Как отметил французский историк Ж. Мордаль: «Решение, принятое в Абвилле 12 сентября 1939 г. Верховным советом союзников, было не только отказом от данного слова, это была настоящая капитуляция без боя». «Не подлежит сомнению, – утверждал Манштейн, – что события могли развиваться совсем иначе, если бы западные державы начали наступление на Западе как можно раньше. Правда, польское командование должно было учесть этот факт и, проявив немного больше здравого смысла, не растрачивать с самого начала свои силы, стремясь удержать то, что нельзя было удержать. Оно должно было, наоборот, с самого начала кампании сосредоточивать свои силы на решающих участках, систематически преследовать цель выиграть время, ввергнуть немцев в настоящую войну на два фронта».

Все немецкие генералы единодушны в мнении, что, если бы союзники в сентябре 1939 года, не раскачиваясь и не выгадывая, перешли к активным боевым действиям и предприняли крупное наступление, поражение Германии, причем достаточно быстрое, стало бы неизбежным.

Однако французы, развернувшие армию численностью в 5 миллионов человек, были настроены на долгую, вдумчивую войну на истощение противника. А в общем, Рыдз-Смиглы и Гамелен стояли друг друга. Последнего в мае 1940 года арестуют, а затем отдадут под суд за развал французской армии.

В ночь на 14 сентября в Млынов пришла весть, что передовые немецкие подразделения переправились через Буг под Грубешовым, а ранним утром Бек получил от премьер-министра Фелициана Славой-Складовского известие, что президент, правительство и Верховное командование в спешном порядке переезжают в район Коломыя, Косов, Куты, поближе к румынской границе. Еще интереснее, что к Беку явился представитель Главного штаба и сообщил, что «полководцы» уже сорвались с места и ожидают того же от Министерства иностранных дел. «Наверное, в военной истории это был первый случай отступления Верховного командования в отдаленный от фронта район, прежде чем это успели сделать гражданские власти», – иронизирует польский историк. Этот факт подтверждает дневник премьер-министра, который записал, что в 4 часа утра к нему в луцкую гостиницу «Полония» прибыл генерал Малиновский, доставивший устный «приказ об эвакуации». Характерно, что Складовскому даже в голову не пришло поинтересоваться, а кто, собственно, и на каком основании отдает приказы премьер-министру страны. Маршал Рыдз воспринимал Складовского, имевшего всего лишь генеральское звание, как фигуру низестоящую. Никаких вопросов не задавал и формально ответственный за судьбу государства президент Мосцицкий («Был старым человеком, но тем более должен был подумать о том, с какой репутацией сойдет он с политической сцены и какую память оставит о себе в истории Польши»), как и все члены правительства, превратившиеся в стадо баранов на поводу у отдававшего распоряжения Рыдз-Смиглы.

14 сентября Главная квартира разместилась в Коломые, президент – в местечке Залучье под Святыном, Министерство иностранных дел – в Кутах, остальные правительственные учреждения – в Косове. Опять же – не во Львове, до которого можно было добраться без особого труда и риска, за исключением одного – пришлось бы пожертвовать шансом эвакуации в Румынию. Оставив Луцк, польское правительство окончательно потеряло связь со своими представительствами за границей, а Верховное командование – какое-либо влияние на ход кампании.

Прекращение французского наступления в Сааре и завершение скрытной мобилизации в СССР привело к тому, что вечером 14 сентября Молотов заявил Шуленбургу, что «Красная Армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. (*Совсем по Жванецкому: «Раньше мы хронически отставали, теперь – хронически опережаем».*) Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного им во время последней беседы срока. Учитывая политическую мотивацию советской акции, было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши – Варшава». Поэтому Молотов настоятельно просил сообщить, когда можно ожидать ее падения.

14 сентября газета «Правда» опубликовала подготовленную членом Политбюро А.А. Ждановым статью, в которой утверждалось, что Польша потерпела полный военный разгром, польское государство «рассыпается», а польская армия не оказала «сколько-нибудь серьезного сопротивления германскому наступлению».

Между тем не прекращались упорные бои в районе военно-морской базы Гдыня и на полуострове Хель. На весь мир гремела битва на Бзуре, которую даже нацистская «Фёлькишер Беобахтер» назвала «наиболее ожесточенной в истории». Держались Брестская крепость, Львов, Модлин и героическая Варшава. Оборона осажденной столицы приняла всенародный характер, стала делом национальной чести; выдающуюся роль, как доказывали послевоенные сочинители истории из Института марксизма-ленинизма, сыграли коммунисты, сражавшиеся на самых трудных участках: «Они показывали пример беззаветного служения народу, мужества и самоотверженности в борьбе. В тех районах, где обороной руководили (?) коммунисты и левые социалисты, защитники держались наиболее стойко». Прибывший лично под стены города Гитлер потребовал подвергнуть Варшаву беспощадной бомбардировке и артиллерийскому обстрелу и велел взять ее не позднее 30 сентября, чем, кстати, изумил генерала Манштейна: «То, что политическое руководство требует от генералов достижения победы, это понятно. Но то, что оно устанавливает и срок, когда победа должна быть одержана, это, безусловно, нечто необычное». Нам остается только удивляться удивлению немецкого полководца.

Обрисовав катастрофическое положение на всех фронтах, Андрей Александрович отыскал «корень слабости» Польского государства и назвал главную причину его военного поражения – угнетение поляками украинского и белорусского национальных меньшинств, которые «являются объектами самой грубой, беззастенчивой эксплуатации со стороны польских помещиков», а потому не могут «быть оплотом государственного режима».

Йозеф Геббельс, имперский министр пропаганды, прочел сочинение коллеги с искренним удовольствием, приказал сделать переводы на разные языки и распространить по всему миру.

Статья стала программным документом советской пропаганды по обоснованию действий СССР в отношении Польши, ее идеи были положены в основу политработы в Красной Армии, как и идея социальных движений в Польше.

В тот же день советские войска получили долгожданный приказ о наступлении с соответствующими изменениями по срокам выполнения задач, а Военным советам ЛВО, КалВО, КОВО, БОВО и начальникам Ленинградского, Белорусского и Киевского пограничных округов НКВД была отправлена совместная директива наркомов обороны и внутренних дел о порядке

взаимодействия пограничных войск и Красной Армии. Согласно ей «с момента вступления полевых войск из районов сосредоточения с целью перехода государственной границы для действий на территории противника» и до перехода войсками «государственной границы на глубину, равную расположению войскового тыла (30–0 км)», пограничные войска, «оставаясь на своих местах, переходят в оперативное подчинение Военным советам соответствующих фронтов и армий» до их особого распоряжения.

Ранним утром 15 сентября Военный совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, из которого следовало, что «белорусский, украинский и польский народы истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичье-капиталистической кликой Польши с Германией. Рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековыми врагами помещиками и капиталистами. Главным силам польской армии германскими войсками нанесено тяжелое поражение. Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей – содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Ближайшая задача фронта – **уничтожить и пленить** вооруженные силы Польши, действующие восточнее литовской границы и линии Гродно – Кобрин». Конкретные задачи войскам совпадали с приказом наркома обороны от 14 сентября.

Витебская, Бобруйская и Минская армейские группы Белорусского округа 15 сентября были развернуты соответственно в 3-ю армию под командованием комкора В.И. Кузнецова, 4-ю армию комдива В.И. Чуйкова и 11-ю армию комдива Н.В. Медведева. Кроме того, из управления Московского округа согласно приказу Генштаба от 9 сентября выделялось управление 10-й армии во главе с комкором И.Г. Захаркиным, передававшееся в состав Белорусского фронта. Из войск Калининского округа формировалась конно-механизированная группа под командованием комкора В.И. Болдина.

Житомирская, Винницкая и Кавалерийская армейские группы Киевского округа с 16 сентября были переименованы соответственно в Шепетовскую под командованием комкора И.Г. Советникова, Волочискую во главе с комкором Ф.И. Голиковым и Каменец-Подольскую командарма 2 ранга И.В. Тюленева. Позднее после ряда переименований они были преобразованы в 5, 6 и 12-ю армии.

Вечером командующий Белорусским округом пограничных войск НКВД отдал приказ № 1, определявший основные задачи погранвойск: а) с началом боевых действий – уничтожение польской пограничной охраны на тех участках, где не будут наступать части РККА; б) с продвижением войск армии – не допускать перехода гражданского населения с нашей территории и кого бы то ни было с польской территории через существующую границу СССР. Части, подразделения и отдельных военнослужащих РККА пропускать через существующую границу СССР беспрепятственно. До 5.00 17 сентября 1939 года пограничники должны были нести службу по охране госграницы в обычном режиме.

Одновременно были поставлены задачи сформированным в ведомстве Л.П. Берии девяти оперативно-чекистским группам численностью от 40 до 70 человек. Каждой группе придавался батальон бойцов из состава пограничных войск. На эти группы возлагалась организация временных управлений в занятых городах и создание аппаратов НКВД на местах с целью «подавления контрреволюционной деятельности». На «освобожденных» от угнетателей территориях следовало немедленно взять под контроль пункты связи, хранилища денег и ценностей, архивы и типографии. Само собой, провести аресты правительственных чиновников, руководителей всех партий и прочих реакционных элементов; обеспечить революционный порядок, не допустить диверсий, саботажа, грабежей.

К исходу 15 сентября войска двух фронтов в основном завершили мобилизацию и сосредоточились в исходных районах у границы с Польшей.

На ночь глядя Риббентроп отправил телеграмму в Москву, в которой сообщил, что падение Варшавы – вопрос нескольких дней, еще раз подтвердил нерушимость разграничительных линий в Польше, согласованных в Москве, приветствовал планируемое вступление Красной Армии в Польшу, что освобождало Вермахт от необходимости преследовать поляков до самой советской границы, просил сообщить день и час начала «русской интервенции», для координации действий войск предлагал провести встречу советских и германских офицеров в Белостоке. На всякий случай имперский министр предупреждал, что поскольку немцы не собираются оккупировать восточные польские земли, то в случае отказа СССР от «интервенции» здесь могут создаться условия для возникновения новых государств. В самом деле, в ОКВ рассматривались варианты создания независимых государств в Галиции и Польской Украине.

В связи с предстоящими событиями Риббентроп, буквально влюбленный в Сталина, но не понявший его гениального хода, предложил опубликовать совместное коммюнике, в котором основной причиной вступления войск Германии и СССР в Польшу назывался «полный распад существовавшей ранее формы правления» и горячее желание установить «спокойствие и новый порядок» на территориях, представляющих «взаимный интерес» для обоих миротворцев – то бишь Гитлера и Сталина. Стремление Москвы объяснить свое вмешательство германской угрозой белорусскому и украинскому населению у Берлина, мягко говоря, энтузиазма не вызывало. Во-первых, обидно и неправда. Какая угроза, если мы по-хорошему договорились, что белорусы и украинцы – ваши новые подданные. А во-вторых, такая мотивировка может создать ложное впечатление и «представит всему миру оба государства как врагов».

В этот день пал Белосток, а командование группы армий «Север», не рассчитывая на русских, отдало приказ передовым частям 19-го танкового корпуса выйти в район Барановичи – Слоним.

Маршал Рыдз-Смиглы сидел в Коломые, отдав очередной иллюзорный приказ о создании укрепленного района на подступах к польско-румынской границе и перечитывая телеграммы Гамелена в предвкушении, что немцы со дня на день сами выдохнутся, а союзники добьют их сокрушительными ударами. По свидетельству Бека, главнокомандующий был весьма оптимистично настроен, объясняя это тем, что темпы германского наступления явно замедляются, польская оборона крепнет, лишь бы не подвел командующий Южным фронтом генерал Сосновский. Бек плюнул и отправился искать румынского посла.

Конечно, допускать формирование у себя под боком каких-то «новых государств» Сталин не собирался. И черт с ней, с Варшавой, – ждать больше было нельзя.

16 сентября советские штабы ставили задачи войскам.

Военный совет Белорусского фронта отдал приказ № 005, в котором отмечалось, что «польские помещики и капиталисты поработили трудовой народ Западной Белоруссии и Западной Украины...насаждают национальный гнет и эксплуатацию...бросили наших белорусских и украинских братьев в мясорубку второй империалистической войны. Национальный гнет и порабощение трудящихся привели Польшу к военному разгрому. Перед угнетенными народами Польши встала угроза полного разорения и избиения со стороны врагов. В Западной Украине и Белоруссии разворачивается революционное движение. Начались выступления и восстания белорусского и украинского крестьянства в Польше. Рабочий класс и крестьянство Польши объединяют свои силы, чтобы свернуть шею своим кровавым угнетателям... Приказываю: 1. Частям Белорусского фронта решительно выступить на помощь трудящимся Западной Белоруссии и Западной Украины, перейдя по всему фронту в решительное наступление. 2. Молниеносным, сокрушительным ударом разгромить панско-буржуазные польские войска и освободить рабочих, крестьян и трудящихся Западной Белоруссии».

На совещании высшего начсостава командарм 2 ранга Ковалев объявил, что настала пора «исправить историческую несправедливость».

В том же ключе директивой №А0084 поставил подчиненным войскам боевые задачи Военный совет Украинского фронта: «Мы идем в Западную Украину не как завоеватели, а как освободители наших украинских и белорусских братьев. Мы освободим украинцев и белорусов от всякого гнета и эксплуатации, от власти помещиков и капиталистов».

В приказах подчеркивалась необходимость разъяснить личному составу, что «мы вступаем на захваченную польскими панамы землю как освободители, что воин Красной Армии должен показать образец братского отношения к трудящимся, которые много лет находились под чужеземным гнетом, с тем чтобы во время похода в частях сохранялась высокая дисциплина и организованность и каждый боец ясно представлял себе свою миссию воина-освободителя». Войскам запрещалось производить артиллерийский обстрел и авиационные бомбардировки городов и других населенных пунктов. Требовалось также демонстрировать «лояльное отношение» к польским военнослужащим, конечно, при условии, что они не окажут сопротивления.

Начальник Политуправления 3-й армии Белорусского фронта комиссар Шулин в директиве № 8499сс от 16 сентября отмечал, что белорусский и украинский народы, подвергшиеся в Польше национальному и социальному гнету, «восстали на борьбу со своими вековыми врагами помещиками и капиталистами. Народы Советского Союза не могут быть безразличными к революционно-освободительной борьбе трудящихся Польши... Бойцам, командирам и политработникам 3-й армии посчастливилось первым оказать военную помощь народам Польши в их освободительной борьбе против помещиков и капиталистов. Части РККА вступают на земли Западной Белоруссии и Западной Украины не как завоеватели, а как революционеры-освободители, выпестованные великой партией Ленина – Сталина».

Директива Военного совета и Политуправления 12-й армии указывала, что «наша борьба с польскими помещиками и капиталистами есть война революционная и справедливая. Мы вступаем на свою землю, идем и освобождаем трудящихся от ига польского капитализма». Задача предстоящего похода, как было объяснено командному составу, состояла в том, что «панская Польша должна стать Советской».

В частях, как водится, провели митинги и собрания, на которых бойцы били себя в грудь, одобряли решение советского правительства, клялись выполнить свой интернациональный долг, умножить количество советских республик и бить врага так, «как уничтожали его в годы Гражданской войны». Но были и другие, нездоровые, мнения. Их не высказывали на комсомольских собраниях, их старательно фиксировали сексоты: «Советский Союз стал фактически помогать Гитлеру в захвате Польши. Пишут о мире, а на самом деле стали агрессорами. Население Западной Украины и Белоруссии не нуждается в нашей помощи, а мы ее захватываем и только формально сообщаем, что не воюем, а становимся на их защиту». Отдельные красноармейцы, вроде бойца Харченко, проявляли незаурядную проницательность: «СССР и Германия при заключении договора, очевидно, договорились между собой о разделе Польши и теперь это практически осуществляют». Но не о них писали республиканские и армейские газеты, а о тех, у кого «сердце горит пламенем под ленинским знаменем». Газеты писали о красноармейце товарище Дьячкове: «С радостью иду на помощь белорусскому народу. Мы победим, ибо нас ведет партия большевиков. Прошу принять меня в партию».

К этому времени соединения 3-й германской армии, наступавшие с севера, соединились в районе Влодавы с войсками 10-й армии. Кольцо окружения польских сил восточнее Варшавы сомкнулось.

В Коломые маршал Рыдз-Смиглы ожидал нового «чуда на Висле». Юзеф Бек выяснил наконец, что посла Григореску отозвали в Бухарест, и теперь министр гадал относительно намерений Румынии. Польское правительство продолжало пребывать в счастливом неведении относительно намерений Сталина, вернее, просто старалось об этом не думать. На «румынском

плацдарме» принимали гитлеровскую радиостанцию Бреслау, вещавшую на польском языке и трубившую о концентрации значительных советских сил на границе: «Понятно, какие выводы следует сделать из этой новости». Правительство Мосцицкого не сделало никаких.

Между тем союзники считали выступление Советского Союза против Польши делом ближайших дней, если не часов, и вели оживленное обсуждение данного вопроса с целью выработки согласованной позиции. Причем прожженные колонизаторы прекрасно понимали смысл сталинской игры. Французский посол в Великобритании Андрэ Корбин 16 сентября писал премьеру Даладье: «Как Вы и предполагали, ограниченная акция, которую СССР может предпринять против части территории Польши, находящейся под угрозой немецкого вторжения, не должна, конечно, повлечь за собой немедленной дипломатической реакции с нашей стороны. Подобный автоматизм был бы на руку только Германии, заинтересованной в углублении пропасти между СССР и западными союзниками. Пока для СССР существует возможность маневрировать между двумя группировками государств, мы должны позволить ему воспользоваться этой возможностью. Может случиться так, что однажды мы сумеем использовать неоднозначность и настороженность СССР в отношении Германии... Важно не отвергать ни одного из путей, который Россия оставит открытым, даже самых запутанных, не разорвать ни одного из существующих контактов до тех пор, пока СССР не окажется определенно в противоположном лагере».

В 18 часов Молотов встретился с Шуленбургом и заявил ему, что советское правительство решило вмешаться в польские дела завтра или послезавтра и вскоре он уже сможет точно назвать день и час. Нарком отклонил предложение Риббентропа о публикации совместного коммюнике и сообщил мотивировку действий СССР. Вячеслав Михайлович согласился, что предлог для вторжения несколько обиден для немецких чувств, но ничего лучше придумать не удалось: «Советское правительство, к сожалению, не видело какого-либо другого предлога, поскольку до сих пор Советский Союз не беспокоился о своих меньшинствах в Польше и должен был, так или иначе, оправдать за границей свое теперешнее вмешательство».

В 2 часа ночи 17 сентября германского посла принял Сталин и, в присутствии Молотова и Ворошилова, сообщил, что Красная Армия в 6 утра перейдет границу с Польшей. Генсек просил Шуленбурга передать в Берлин, чтобы немецкие самолеты не залетали восточнее линии Белосток – Брест – Львов, и зачитал ноту, подготовленную для передачи польскому послу в Москве. После уточнения текста, сделанного по предложению Шуленбурга, германский посол покинул Кремль.

В 2.15 зазвонил телефон в польском посольстве, господина Гжибовского просили срочно прибыть для вручения важного заявления советского правительства. Вспоминая эту ночь, бывший посол бывшей страны писал: «Внутренне я был готов к плохим новостям. Предполагал, что Советы под каким-нибудь предлогом денонсируют пакт о ненападении. Но то, что случилось, оказалось намного хуже».

В три часа ночи В.П. Потемкин с каменным лицом зачитал послу знаменитую «неприятную» ноту:

«Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать... Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная сама себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам...

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на про-

извол судьбы, остались беззащитными. Ввиду такой обстановки, советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить новой жизнью».

Ошарашенный Гжибовский, объявленный послом «переставшего существовать» государства, заявил категорический протест по поводу содержания и формы состряпанного в Кремле документа. По его разумению, правительство находилось на территории Польши, вооруженные силы давали немцам организованный отпор, а военные неудачи соседа – не повод для отказа от своих международных обязательств. Гжибовский наотрез отказался принимать ноту, пообещав просто известить свое правительство о факте советской агрессии. Такая нестандартная реакция озадачила заместителя наркома, и он отправился консультироваться с Молотовым. После совещания с начальством Василий Петрович вновь безрезультатно пытался вручить ноту, а под конец объяснил строптивому послу, что поскольку отныне Москва не признает существования Польского государства, постольку Гжибовский со товарищи уже не являются ничьими представителями и теряют дипломатическую неприкосновенность. Они теперь – просто группа «лиц польской национальности», проживающая на территории СССР и подпадающая под юрисдикцию советских законов со всеми вытекающими последствиями. В ответ Гжибовский пообещал внести протест на рассмотрение старшины дипломатического корпуса в Москве. Пикантность ситуации состояла в том, что дуайеном значился посол Германской империи 64-летний граф Шуленбург, а его заместителем сам Гжибовский.

Нота осталась на столе Потемкина, когда в 4.30 польский дипломат покинул его кабинет. Однако, вернувшись в посольство, он снова увидел злосчастный текст, доставленный нарочным. Посол приказал отвезти документ обратно, но в наркомате иностранных дел его принять отказались. Тогда поляки положили ноту в конверт, наклеили марки, написали адрес советского НКИДа и бросили конверт в ближайший почтовый ящик.

Текст этой ноты был передан всем государствам, которые имели дипломатические отношения с Советским Союзом, с уведомлением, что СССР будет продолжать придерживаться нейтралитета в отношении этих стран.

Аргументация советского вмешательства была повторена в радиовыступлении Молотова 17 сентября: Польша распалась, правительства у нее нет. На месте признанного всем миром государства образовались «дикие территории», на которых обитают неприкаянные беззащитные народы. Мы дадим им защиту, мирную жизнь и самое мудрое правительство. (То самое, о котором в 1941 году Сталин скажет: «Ленин нам доверил первое в мире социалистическое государство, а мы его просрали». И о нем же в 1945-м, подводя итоги: «Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство...»)

Приложение к статье III уже упоминавшейся конвенции утверждало, что и это не повод, ибо никакой акт агрессии не может быть оправдан, между прочим, одним из следующих обстоятельств:

«А. Внутренне положение государства, например, его политический, экономический или социальный строй; недостатки, приписываемые его управлению; беспорядки, протекающие от забастовок, революций, контрреволюций или гражданской войны.

Б. Международное поведение Государства, например, нарушение или опасность нарушения материальных или моральных прав или интересов иностранного Государства или его граждан, разрыв дипломатических отношений; меры экономического или финансового бойкота; споры, относящиеся к экономическим, финансовым или другим обязательствам перед

иностранными Государствами; пограничные инциденты, не подходящие ни под один из случаев агрессии, указанных в Статье II».

В 5 часов утра Гжибовский открытым текстом дал своему правительству радиограмму, извещающую о советской агрессии.

Командование Вермахта приказало своим войскам не пересекать линии Сколе – Львов – Владимир-Волынский – Брест – Белосток.

Армии Белорусского и Украинского фронтов развернулись в исходных районах для наступления. Советская группировка объединяла 8 стрелковых, 5 кавалерийских и 2 танковых корпуса, 21 стрелковую и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и 2 мотострелковые бригады, а также Днепровскую военную флотилию, всего – 617 588 бойцов и командиров, 4959 орудий и минометов, 4733 танка, 3298 самолетов. Кроме того, на границе несли службу около 16,5 тысячи бойцов НКВД Белорусского и Киевского пограничных округов.

Польша для войны с Германией сумела выставить около миллиона человек, примерно 900 единиц бронетехники, в том числе 315 танков (из них 102 архаичных «Рено» FT-17), 4300 артиллерийских орудий и 407 боевых самолетов. Все эти силы были брошены на Запад.

К моменту советского вторжения Войско Польское уже потерпело сокрушительное поражение, утратив в ожесточенных боях значительную часть боевой техники. Фронт фактически рухнул, остатки наиболее крупных группировок были окружены и методично уничтожались немцами. Германские войска штурмовали Львов и Брестскую крепость. Первый опыт блицкрига, несмотря на отдельные неувязки, оказался удачным. Но еще гремела битва на Бзуре, держались Варшава и Модлин, готовилась новая линия обороны на «румынском плацдарме», польская армия продолжала сражаться, надеясь на помощь союзников и стремясь нанести противнику возможно больший ущерб.

На восточной границе Польши протяженностью 1500 километров, кроме 25 батальонов и 7 эскадронов Корпуса Охраны Пограничья (КОП) общей численностью 12 тысяч человек, других войск практически не имелось. К тому же лучшие части пограничников тоже дрались на западе, в то время как подразделения на восточной границе в значительной степени были укомплектованы резервистами. К примеру, по данным штаба 4-й армии, «погранполоса до р. Щара полевыми войсками не занята, а батальоны КОП по своей боевой выучке и боеспособности слабы... Серьезного сопротивления со стороны польской армии до р. Щара ожидать от поляков маловероятно».

Советские стратеги получили идеальные условия для проведения своего, «красного блицкрига»: бить предстояло уже измороженного противника, имея многократное превосходство в силах и средствах, причем бить в спину.

Как бы ни называла наша пропаганда и историография операцию по присоединению Западной Украины и Западной Белоруссии, какие бы ярлыки ни клеила – это была война, с убитыми, ранеными, пленными, схватками и обороной городов, жертвами среди мирного населения и военными преступлениями. Недаром Сталин говорил о советско-германском братстве, скрепленном кровью.

Утром 17 сентября начался Освободительный поход – Советский Союз вступил во Вторую мировую войну с самыми гуманными намерениями – защитить славян «единокровных» и подарить «новую жизнь» полякам, имевшим несколько другую группу крови.

В воскресное утро, без объявления войны, как принято у всех агрессоров.

В 5 часов утра, «в точно установленный правительством срок», передовые штурмовые отряды советских армий и пограничных войск перешли границу и разгромили польскую пограничную охрану.

Для польского руководства вмешательство СССР (или, по определению самого Молотова, интервенция под благовидным предлогом) оказалось совершенно неожиданным. А ведь еще в июне 1939 года Рыдз-Смиглы «допускал возможность вооруженного выступления Советов против Польши, но лишь в заключительный период войны и только тогда, когда под воздействием неблагоприятного для нас развития событий российское правительство будет уверено, что поляки кампанию, безусловно, проиграли». Что же тогда маршала так удивило? Другое дело, что значительная часть польских политиков, военных и населения верила в нерушимость польско-советского договора о ненападении и вообще пребывала в заблуждении, что «Россия – большая, ей больше земли не надо».

«В любом случае, – утверждает историк Кароль Лисневский, – весть о советской агрессии прозвучала как гром с ясного неба».

В ночь на 17 сентября в штаб главнокомандующего стали поступать тревожные донесения с восточной границы. Начальник разведки корпуса пограничной охраны майор Я. Гурбский сообщил о том, что польский пассажирский поезд не был пропущен до Киева и вернулся в Здолбунов. В 6.45 майор Ю. Беньковский из 5-го представительства 2-го отдела Генштаба в Чорткове донес, что «с 5 часов в районах Подволочиска, Гусятина и Залуче какие-то неопознанные из-за темноты части пытаются перейти границу. В данную минуту там ведут бой части КОП». Около 7 часов капитан Е. Фризендорф из разведки КОП сообщил: «В 6.20 опознано, что это большевистские регулярные части. За ними слышен шум моторов. В районе Подволочиск, Точиск и Секержинец части КОП отступают под напором противника».

Командир полка КОП «Подолье» подполковник Марсель Котарба докладывал, что «части Советской армии перешли границу и заняли Подволочиск, Гусятин и Скала-Подольска. На Борщев движется кавалерия», пограничники ведут бой. От командира гарнизона в Луцке генерала бригады Петра Скуратовича была получена телеграмма: «Сегодня в 6 часов границу перешли три советские колонны – одна бронетанковая под Корцем, другая бронетанковая под Острогом, третья кавалерии с артиллерией под Дедеркалами. Большевики едут с открытыми люками танков, улыбаются и машут шлемами. Около 10 часов первая колонна достигла Гощи. Спрашиваю, как мы должны поступить?»

Поведение советских войск выглядело странным и непонятным. Они, как правило, не открывали огня первыми, порой размахивали белыми флагами, к польским войскам относились с демонстративной доброжелательностью, угощали папиросами, поздравляли, говорили, что пришли на помощь полякам в борьбе против немцев (и, все так же улыбаясь, отнимали оружие). Летчики, на учебных машинах вылетающие с подвильского аэродрома к границе, по возвращении сообщили, что русские боевые самолеты пристраивались к ним в воздухе, а их пилоты подавали знаки руками и не стреляли. В условиях дефицита информации польское военное и административное руководство оказалось дезориентировано, жители, питаемые слухами и надеждами, готовы были скорее поверить в советскую помощь, чем в свершившийся факт четвертого раздела Речи Посполитой. На местах ждали указаний главкома. Командовавший обороной Варшавы генерал Руммель предложил не вести боевые действия на два фронта и относиться к СССР, как к союзнику. Свою оценку ситуации он довел до Верховного командования и, чего никак не имел права делать, до руководства оперативной группы «Полесье». Некоторые войсковые командиры самостоятельно приняли решение не стрелять по советским войскам. Так, в Дубно командир зенитной батареи, открывшей стрельбу по приближающейся к городу группе самолетов, немедленно приказал прекратить огонь, опознав советские машины. Донесения, поступающие в Главную квартиру, свидетельствовали, что армия новому противнику сопротивления практически не оказывает: «Поручик Трибулец, следуя из Чорткова в Городенку, встретил около 80 советских танков. Разговаривал с советскими солдатами, которые утверждали, что сегодня ночью Советы объявили войну Третьему рейху... На въезде в Городенку он встретил незнакомого майора, который на вопрос о советских танках

ответил, что в каком-то штабе видел переданный по телефону приказ о том, чтобы не препятствовать продвижению советских подразделений».

Совершенно замечателен факт, что польский генералитет, которому по долгу службы и задумываться на эту тему не положено, ломал головы над политическими проблемами, рассуждал о намерениях вторгнувшихся на территорию страны иностранных войск и, вместо того чтобы думать об организации сопротивления (хотя бы подготовить к подрыву мосты через Прут и Днестр), с пристрастием выяснял по телефону, стреляют ли красноармейцы или угощают папиросами, и приказывал высылать навстречу советским войскам парламентариев с дурацким вопросом – в каком качестве Красная Армия перешла границу Польши? Верно уж, нам помочь? Назначенные офицеры выехали «к большевикам», да так и не вернулись.

Польское руководство, не получившее еще донесение Гжибовского и поставленное перед свершившимся фактом, решило, что Красная Армия вводится с целью ограничить зону германской оккупации. А ведь достаточно было настроиться на московское радио, которое передавало речь Молотова. Однако никто в Коломые и Кутах советского радио не слушал, ничего не было предпринято для того, чтобы на весь мир объявить о своем «местонахождении» и зафиксировать тот факт, что Польское государство существует, его правительство находится на польской территории, а его армия продолжает сражаться.

Заседание правительства состоялось в Коломые около полудня. Предстояло неотложно решить ряд самых важнейших вопросов: принять политическую декларацию и оповестить весь мир о советском вторжении, потребовать от Англии и Франции признать Советский Союз агрессором и союзником Гитлера, объявить войну СССР (страну, находящуюся в состоянии войны с вторгнувшимся на его территорию соседом, было бы трудно признать «несуществующим государством»), дать четкие директивы армии, всеми имеющимися силами организовать оборону «румынского плацдарма» и удерживать его до последней возможности, подготовить обращение к народу. Словом, «подать признаки жизни», на деле доказать, что товарищ Молотов в корне не прав.

Практически ни одна из этих проблем «незадачливыми правителями» не рассматривалась. (Кстати, в июне 1936 года Польша препятствовала принятию международных санкций против Италии, захватившей территорию Абиссинии, именно ввиду того, что последняя, по словам Бека, «как государство перестала существовать».

«Чехословацкую республику мы считаем искусственным образованием... противоречащим действительным потребностям и правам народов Центральной Европы» – это инструкция Бека послу в Берлине. Добалансировался... Бог шельму метит.)

Основной темой обсуждения стал вопрос об эвакуации «отцов отечества» через Румынию во Францию с целью там «продолжить борьбу». Из всех членов правительства один только премьер Складовский, считавшийся человеком недалеким и, как писал Бек, «не понимавший роли правительства», засомневался, имеет ли уважаемое собрание право в такой момент бросать на произвол судьбы свой народ и полумиллионную армию. «Мы должны удерживать отдельные пункты, – утверждал генерал, – такие, как Хель, Варшава, Модлин, Львов, чтобы Гитлер не мог объявить миру, что польское сопротивление закончилось, что государствам Запада не для чего теперь сражаться. Мы должны продолжать нашу борьбу с политическими целями». Однако поддержки идея не получила.

Войну Советскому Союзу решили не объявлять, посчитав, что это облегчит судьбу военнопленных и населения. В итоге все граждане Польши, проживавшие на территории «Крэсов Восточных», оказались бывшими жителями бывшего государства, абсолютно бесправными во всех отношениях, взятые в плен солдаты и офицеры – не военнопленными, а обычными антисоветчиками и уголовниками. По этим статьям им лепили потом «пять лет без права переписки». Заодно было принято легкомысленное решение освободить от союзнических обяза-

тельств Румынию, с которой имелся договор о взаимопомощи, заключенный именно на случай войны с СССР.

Верховный главнокомандующий наконец-таки выразил твердое намерение отправиться в действующую армию, к генералу Соснковскому, но потом заявил, что задержится в Коломые до наступления темноты – поразмышлять над столь ответственным решением. Еще через полтора часа маршал выехал в Куты, к самой румынской границе, вновь опередив гражданские власти.

Впавший в прострацию президент на совещание, решившее судьбу Речи Посполитой, вовсе не приехал.

Министр Бек сразу после собрания встретился с румынским послом и обговорил с ним условия транзита польского правительства.

В 16 часов в Кутах состоялось еще одно совещание, на этот раз собрались все. Верховный главнокомандующий доложил президенту Мосцицкому, что военная ситуация безнадежна, никаких сил для обороны «румынского плацдарма» у него не имеется и что правительству придется оставить территорию страны в ближайшие часы. Сигналом к эвакуации должно стать пересечение советскими отрядами линии Днестра. О дальнейших планах Главного штаба пан маршал промолчал. Его никто и не спрашивал. Куда больше участников занимал вопрос, успеют ли они в короткий срок собрать все необходимое для «продолжения борьбы». Начальник канцелярии Станислав Лепковский быстренько набросал обращение к народу, в котором Мосцицкий «с тяжелым сердцем» оный народ уведомлял, что «постановил перенести место пребывания президента Речи Посполитой и высших органов государственной власти на территорию одного из наших союзников».

В это же время Главный штаб начал передавать в войска общую директиву маршала Рыдз-Смиглы, утвержденную им, как утверждают польские авторы, без ведома занятого упаковкой чемоданов правительства: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае атаки с их стороны либо попытки разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию». Продолжать сопротивление было приказано лишь частям КОП, отступавшим от Збруча к Днестру, и частям, прикрывавшим «румынское предместье».

Генерал Стахевич, из Коломыи связавшись по телефону со Станиславом, так разъяснял смысл этого уникального документа: «Большевики, как докладывают, нас не атакуют, утверждая, что идут против немцев. В это, конечно, поверить невозможно, однако Верховный главнокомандующий хочет воспользоваться тем обстоятельством, что они не атакуют, и вывести как можно больше войск и боевой техники в Румынию».

Теоретически данный приказ могли выполнить только те польские подразделения, которые находились на юге, в Львовском и Станиславском воеводствах. Как должны были поступить почти 200 тысяч солдат и офицеров севернее? Сражаться дальше? Сдаваться в плен? Кто будет вести «переговоры с Советами»? Для чего спасать боевую технику? Для продолжения борьбы на Западе? Так ведь любому должно быть ясно, что и Венгрия, и освобожденная от союзнических обязательств, а значит, ставшая нейтралом Румыния просто будут обязаны, согласно нормам международного права, польские войска разоружить и интернировать.

Наступление Красной Армии поставило польские вооруженные силы в безвыходное положение. Директива о «непротивлении» окончательно их деморализовала. Дальнейшее сопротивление теряло всякий смысл. Хотя довольно быстро выяснилось, что Советы – не союзники полякам, Советы пришли «взять свое».

Отдав последние распоряжения, генерал Стахевич начал «выводить» к румынской границе Главный штаб. Вечером распространилось известие, что советские танки уже совсем близко. С 20 часов началось бегство. Дорога от Косова до Кут вмиг оказалась плотно забита

автомобилями всех марок и типов. В ту ночь по мосту в румынскую Вижницу перебрались 23 000 поляков. Всеобщее изумление вызвало появление на румынском берегу в 2 часа ночи маршала Рыдза-Смиглы и его Главного штаба в полном составе. Все члены правительства отчего-то были уверены, что Верховный главнокомандующий до конца останется с армией.

Однако идея фикс о своем высоком предназначении мешала Эдварду Рыдзу «примитивно» исполнить свой воинский долг. «Не было для меня более легкого дела, чем найти смерть по пути от Косова до границы, – писал он в декабре 1939 года. – Не было ничего легче, как присоединиться к ближайшему отряду либо самолетом добраться до осажденной Варшавы или группы «Кутно». Однако когда я отбросил мысли о своей особе и подумал о том, кто же будет дальше вести эту войну и защищать польские интересы не только перед неприятелем, но и перед союзниками, то решил не поддаваться личным желаниям, не искать легкого пути – но продолжать борьбу дальше».

Но кому нужны политики и полководцы, приведшие к катастрофе собственную страну и сбежавшие, как нашкодившие коты? Через мост в Вижницах проследовали в эмиграцию политические трупы. Как и следовало ожидать, румыны объявили об интернировании и посадили «продолжателей борьбы» под замок. В новом польском правительстве будут совсем другие люди.

Коммунистическая литература постоянно акцентировала внимание на том аспекте, что «верное своему интернациональному долгу» советское правительство вынуждено было «осуществить дипломатические и военные акции, чтобы защитить население Западной Украины и Западной Белоруссии от фашистского порабощения», по причине и именно «после бегства польского правительства в Румынию», бросившего народ и страну «на произвол судьбы», полагая это веским доводом в оправдание интервенции. Не случайно «История Второй мировой войны», изданная под эгидой четырех институтов, утверждает, что вышеозначенное «бегство» состоялось 16 сентября. А генерал армии С.М. Штеменко, направленный из Академии Генштаба в Киев, сообщает, что ему чуть ли не 13–14 сентября «стало известно, что правительство Польши нашло приют в боярской Румынии».

Хотя прослеживается скорее обратная связь. Польское правительство и военное командование перешли румынскую границу в ночь на 18 сентября. Через двенадцать часов в Коломью ворвались «бэтушки» 23-й танковой бригады.

Польские послы в Великобритании и Франции 17 сентября уведомили союзные правительства о том, что Советский Союз «предпринял нападение на Польшу... польское правительство заявило протест в Москве и дало указание своему послу потребовать паспорта». Они просили союзников также выразить «решительный протест» и констатировать, что СССР совершил явную агрессию. Однако ни посол Рачиньский, ни посол Лукасевич не могли внятно объяснить собеседникам, считает ли Польша себя находящейся в состоянии войны с Советским Союзом. Если нет, на каком основании альянс должен выражать Москве «решительный протест» и какого рожна правительство оставило страну, не объявив войну?

«Не вижу, какую пользу могла бы принести нам война с Советским Союзом, – высказывал свое мнение из Москвы посол Сидс, – хотя лично я был бы весьма рад уведомить о ней господина Молотова». На заседании британского кабинета было решено, что Англия «подписывалась» защищать Польшу только в случае агрессии со стороны Германии. И в Париже, и в Лондоне единодушно пришли к выводу, что полезней будет ограничиться протестом не слишком «решительным», поддержать поляков морально, но отношений с Советским Союзом не обострять. Польша уже выбыла из числа активных игроков на международной арене, а способствовать укреплению германо-советского союза враждебными действиями невыгодно для Запада.

19 сентября британское правительство заявило, что выражает свое «глубокое несогласие с утверждением, что «польское государство и его правительство фактически перестали суще-

ствовать», а также приведенными советским правительством доводами в пользу подобного толкования вопроса. Со своей стороны правительство Великобритании признает правительство Польши законной властью и поэтому не может одобрить точку зрения, согласно которой нынешние обстоятельства могли оправдать разрыв советским правительством его договоров с Польшей и вытекающее из этого вторжение советских вооруженных сил на территорию Польши».

Французы также приняли советскую ноту к сведению и 20 сентября дали свой ответ, в котором, в частности, говорилось: «Вводя свои вооруженные силы на территорию государства, в данное время находящееся в состоянии войны на стороне Франции и без согласия этого государства, советское правительство совершает действия, которые сами по себе трудно согласуются с понятием нейтралитета, который, как декларируется, он хочет сохранить в отношениях с Францией. Учитывая эти два разных факта и желая достоверно убедиться, какие отношения советское правительство хочет сохранить, французское правительство любезно просит объяснить причины, приведшие к решению предпринять действия против Польши, а также характер, размах и продолжительность операции, масштабы которой мы пока не в состоянии оценить».

Англо-французские дипломаты и эти заявления считали излишне резкими, сделанными в угоду общественному мнению, требовавшему чуть не объявления войны СССР.

В Москве Вацлав Гжибовский обратился к британскому послу с просьбой взять под свою опеку польских граждан на территории СССР. Проконсультировавшись с Лондоном, сэр Сидс согласился. Сначала польские дипломаты хотели направиться в Румынию, но под влиянием слухов, что и туда может вскоре вторгнуться армия-освободительница, решили направиться через Финляндию в Швецию. Но тут товарищ Молотов заявил, что никуда они вовсе не уедут до тех пор, пока не будут «освобождены» поляками советские сотрудники, оставшиеся в осажденной немцами Варшаве. В сложившейся ситуации неоценимую помощь коллегам оказал Шуленбург, потребовавший соблюдения международных правил. Он же связался с командованием Вермахта и организовал эвакуацию из Варшавы советского персонала. Одновременно власти прибирали к рукам «бесхозную» собственность – здания и имущество польских представительств в Москве, Ленинграде и Киеве. Ночью 30 сентября был вызван в представительство наркомата иностранных дел и бесследно исчез Генеральный консул в Киеве Ежи Матушинский вместе с двумя своими сотрудниками. На все запросы поляков об их судьбе Молотов разводил руками – наверное, куда-то сбежали (через два года у Сталина поинтересуются: куда пропали тысячи пленных офицеров? – «убежали в Китай»). Наконец, 10 октября польские дипломаты и их семьи смогли покинуть СССР: вместе с Гжибовским в запломбированном поезде выехало 115 человек.

Пока дипломаты обменивались нотами, советские войска стремительно развивали наступление.

Начиная с вечера 17 сентября агентство ТАСС ежедневно озвучивало «оперативные сводки Генштаба» ни с кем не воюющей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Преследуя собственные цели, в сговоре с Берлином, Москва объективно помогала Гитлеру добить противника, ускорить окончание войны в Польше (кстати, фюрер, планируя «убедительный» разгром Польши, тем не менее предполагал, что боевые действия могут занять от шести до восьми недель), чтобы с 20 сентября начать переброску войск на Запад.

Белоруссия родная...

На правом фланге Белорусского фронта от латвийской границы до Бегомля развернулась 3-я армия, нацеленная на Вильно. Главный удар наносили 4-й стрелковый корпус (50-я и 27-я стрелковые дивизии) и подвижная группа в составе 24-й кавалерийской дивизии и 22-й

танковой бригады (219 танков Т-26) под общим командованием командира дивизии комбрига П. Ахлюстина. Советские подразделения быстро разгромили польскую пограничную стражу, убив 21 и пленив 102 человека, и уже к 8 часам утра 17 сентября подвижная группа заняла Докшицы, к 18 часам – Дуниловичи. Здесь танки остановились по причине отсутствия горючего: храбрый комдив-кавалерист отказался пропустить впереди славных конников тыловую колонну танковой бригады. Значительно отстала пехота: 27-я Омская имени Итальянского пролетариата стрелковая дивизия заняла в 12 часов Парафианово и подходила к реке Сервечь, 50-я стрелковая дивизия заняла Крулевщизну.

С неба «сталинские соколы» пачками разбрасывали «Обращение командующего Белорусским фронтом». Листовки носили ярко выраженный антипольский и антигерманский характер, Риббентропу они бы определенно не понравились:

«Братья Белорусы!

Почти двадцать лет вы находитесь под гнетом польских панов, помещиков и капиталистов. Они забрали у вас землю и обрекли на нищету и голод. Земли белорусских и украинских крестьян заселяются польскими помещиками, осадниками, военными колонистами. Вас душили большими налогами, сборами и повинностями. Помещики делали все, чтобы вас, честных тружеников белорусов, сделать нищими. Паны и помещики высасывают из вас последнюю кровь...

Польское правительство втянулось в ненужную народу войну с Германией, позорно провалилось, оказалось неспособным защитить страну и населяющие ее народы. Польская армия потерпела в войне суровое поражение, от которого она не в силах оправиться. Вам, белорусам, вашим женам, отцам, матерям, братьям и сестрам грозит разорение, побои и новые издевательства со стороны врагов. Министры и генералы прихватили золото, позорно убежали, бросили землю и народ на произвол судьбы, поставили вас перед угрозой полного разорения и уничтожения.

В эти смертельные дни для вас, братья белорусы, великий Советский народ протягивает вам руку помощи. К вам идет непобедимая Рабоче-Крестьянская Красная Армия, чтобы навсегда избавить вас от кабалы панов, помещиков и капиталистов, чтобы навсегда освободить вас и ваши семьи от угрозы уничтожения со стороны врагов белорусского народа.

Братья белорусы! Помогайте частям Красной Армии, которая несет вам освобождение от тяжелого ярма панов, помещиков и капиталистов. Уничтожайте наших врагов, выступающих с оружием против частей Красной Армии.

Братский привет вам от счастливого народа цветущей Советской Белоруссии».

Тем временем наступавшие от Витрино 5-я Краснознаменная имени Чехословацкого пролетариата стрелковая дивизия и 25-я танковая бригада (251 танк Т-26 и 27 бронеавтомобилей) к вечеру через Плису вышли к северной окраине Глубокого, где разоружили 3 офицеров и 175 солдат. Это направление охранял польский полк пограничной стражи «Глубокое», однако еще до советского нападения он был переименован в 3-й пехотный и практически в полном составе убыл на запад.

Советские потери в первый день похода составили 3 человека убитыми, 24 ранеными, и 12 красноармейцев утонули.

Отметим, что в армии комкора Кузнецова насчитывалось почти 122 тысячи человек, 752 орудия и 743 танка. Переход границы подтвердил данные советской разведки об отсутствии значительных группировок войск противника.

Все польские силы в Западной Белоруссии были представлены 45 тысячами солдат и офицеров, половина из них не была вооружена и организована. Границу Польши от Латвии до Украины охраняли полк КОР «Глубокое» (батальоны «Лужки» и «Подсви́ле») под общим командованием подполковника Яна Свентковского, полк «Вилейка» (батальоны «Будслав» и «Красное», кавалерийские эскадроны «Красное» и «Ивенец») подполковника Юзефа

Крамчиньского, полк «Барановичи» (батальоны «Столбцы» и «Клецк») подполковника Яцека Юры, бригада «Полесье» (батальоны «Людвиково», «Сенкевичи», «Давид-Городок», саперная команда «Столин») подполковника Тадеуша Ружицкого-Колодейчика.

С утра 18 сентября наши войска продолжили победоносное наступление. Для ускорения процесса 25-я танковая бригада была включена в состав подвижной группы, получившей приказ продвигаться к Свенцянам.

В 7 часов разведывательный отряд 22-й танковой бригады занял Поставы, а в 14 часов достиг Свенцяна, куда в 15.30 подошли разведывательные группы 25-й танковой бригады и 24-й кавдивизии. При приближении советских танков к аэродрому в Кобыльниках оттуда улетело 38 польских самолетов, две машины поляки сожгли. Основные силы подвижной группы еще были на подходе, причем Ахлюстин вновь отказался пропустить вперед тыловые части танкистов, и 22-я бригада, дотянув до Свенцяна, снова оказалась без топлива. В 22 часа Ахлюстин получил из штаба армии приказ на взятие Вильно.

Для выполнения поставленной задачи была сформирована подвижная группа из 10-го танкового полка 25-й бригады и разведывательного батальона 27-й стрелковой дивизии (в советском «пехотном» разведбате имелось 28–35 танков типа Т-26 и Т-38, в кавалерийском – 35–50) под общим командованием полковника Ломако, которая, собрав все наличное горючее, выступила в поход 19 сентября, сразу после полуночи. Вслед за ней несколько позднее двинулась моторизованная группа в составе 700 посаженных на автомобили кавалеристов. Тем временем отряд Ломако в 02.30 достиг Подбродзе, где разоружил 40 польских солдат, спавших на вокзале, а в 03.30 у Неменчина захватил мост через реку Вилию, арестовав 15 полицейских. В 04.30 группа достигла северной окраины Вильно.

Остальные части 3-й армии к вечеру 18 сентября достигли следующих рубежей: 25-я танковая бригада находилась в районе Годуцишек, Омская стрелковая дивизия вышла в район озер Мядель и Нарочь, 50-я стрелковая дивизия находилась между Поставами и Мядель, а 24-я кавдивизия сосредоточилась у Свенцяна.

Южнее на фронте от Бегомля до Ивенец развернулись войска 11-й армии (16-й стрелковый и 3-й кавалерийский корпуса – 90 000 человек, 520 орудий и минометов, 265 танков). Ось наступления армии пролегла по маршруту: Ошмяны – Ивье – Лида – Гродно.

Перейдя границу, 6-я танковая бригада (248 танков БТ) к полудню заняла Воложин, соединения 16-го стрелкового корпуса (2-я и 100-я стрелковые дивизии) вошли в Красное, а к 19 часам достигли Молодечно, Бензовец. Части 3-го кавалерийского корпуса (7-я и 36-я кавалерийские дивизии) под командованием Я.Т. Черевиченко к 15 часам вышли в район Рачинеты, Порыче, Маршалки, а с утра 18 сентября двинулись в сторону Лиды. В это время кавалерийскому корпусу и 6-й танковой бригаде поступила задача повернуть на северо-запад и наступать на Вильно, 19 сентября занять город.

В 14 часов 36-я кавдивизия имени Сталина вошла в Ошмяны. К исходу дня конники Черевиченко заняли район Ошмяны – Курмеляны – Гальшаны. Командир корпуса вынужден был дать отдых лошадям, а из 7-го и 8-го танковых полков своих дивизий создал сводную танковую бригаду под командованием полковника Мирошникова, которая продолжила движение к Вильно.

Польские силы в Вильно насчитывали около 16 батальонов пехоты – примерно 7 тысяч солдат и 14 тысяч частично вооруженных ополченцев. Из артиллерийского вооружения имелись 14 легких орудий, в том числе 8 противотанковых, с боезапасом по 20 снарядов на ствол. Кроме того, от Волковыска на Вильно, с твердым намерением принять участие в защите города, следовала группа под командованием генерала бригады Вацлава Пшездзецкого в составе четырех полков Резервной кавалерийской бригады, нескольких зенитных расчетов и остатков

танкового дивизиона Подляской кавалерийской бригады. Однако планы обороны Вильно существовали недолго.

Утром 18 сентября командующий гарнизоном полковник Ярослав Окулич-Козарин отдал приказ: «Мы не находимся в состоянии войны с большевиками, польские части по дополнительному распоряжению оставляют Вильно и перейдут литовскую границу; небоевые подразделения могут начать оставление города, боевые – остаются на позициях, но не должны открывать огонь без приказа». Это вызвало возмущение у населения, особенно польской молодежи, и части офицерства, воспринявших приказ как измену. Они обратились к командиру оборонительного района подполковнику Подвысоцкому, выразив готовность принять участие в защите Вильно. Однако получили ответ, что, согласно директиве Верховного командования, войска и желающие присоединиться к ним добровольцы, не принимая боя, должны эвакуироваться в Литву, где будут разоружены и интернированы. Население пришло в отчаяние, несколько офицеров застрелились, сотни охотников требовали выдать им оружие. Еще больше обстановку накалила передача местного радио о начавшейся революции в Германии, объявлении ей войны Румынией и Венгрией и отступлении советских войск к восточной границе. Командующий решил отложить ретираду до 20 часов.

За час до установленного срока командир 2-го батальона, развернутого на южной и юго-западной окраинах города, подполковник С. Шилейко доложил о появлении советских танков и запросил, может ли он открыть огонь. Пока Окулич-Казарин отдал приказ об открытии огня, пока он был передан войскам, 8 танков уже миновали первую линию обороны, и для борьбы с ними были направлены резервные части. Около 20 часов польский командующий отдал приказ на отход своих войск, выслал подполковника Подвысоцкого к советскому командованию с целью уведомить его, что польская сторона не будет сражаться, а сам убыл из Вильно.

В это время в городе уже шли бои.

«Пропаганда Рыдз-Смиглы в Войске Польском «трубила» о том, что советские танки Т-26 фанерные, – рассказывал бывший красноармеец Самарской дивизии И.С. Гриб. – Вот почему под Вильно польские уланы налетели на танк Т-26 с саблями и стали его рубить, однако после этого у них в руках остались только ручки от клинков – танк оказался бронированным». Впрочем, история эта больше похожа солдатскую байку. Основную роль в обороне играли не уланы и вообще не армия, а отдельные импровизированные группы офицеров вроде «Офицерской лиги» под командованием майора Оссовского и виленская польская молодежь. Так, преподаватель физической и начальной военной подготовки гимназии имени Мицкевича Обиньский организовал из учащихся добровольческие команды, занявшие позиции на возвышенностях. Мальчишки постарше стреляли в советских солдат, младшие «кибальчиши» подносили боеприпасы и медикаменты, вели наблюдение, передавали донесения. Один из очевидцев прямо писал: «Не капитулировала только польская молодежь». Со своим подразделением покидал Вильно офицер саперного батальона 6-го пехотного полка Завадский: «В центре гремели взрывы. Местами клубился тяжелый, черный, плотный дым. Советские танки входили в город. Наши малочисленные подразделения и молодежь оказывали такое безнадежное и трагическое сопротивление! Сражение шло в районе железнодорожного виадука на шоссе на Нововилейку и на Зеленом мосту. Мы, армия, более или менее организованная сила, оставили город без боя».

К 20.30 8-й танковый полк ворвался в южную часть города. 7-й полк, натолкнувшись на упорную оборону, безуспешно пытался пробиться в юго-западную часть Вильно. Тем временем, форсировав Березину, южной окраины достигла 6-я танковая бригада, установившая связь с подразделениями 8-го танкового полка. Польская молодежь, используя орудия, расположенные на горе Трех Крестов, встретила наступающие танки артиллерийским огнем. Для поражения боевых машин на улицах города широко использовались бутылки со смесью бензина и нефти.

Около 22.30, выяснив, что значительная часть регулярных войск и штабов уже покинула город, подполковник Подвысоцкий вынужден был принять решение об оставлении Вильно и отходе к литовской границе. Ночью поляки стали отходить за реку Виляя.

В 5 часов 19 сентября от Свенцяи вышла к Зеленому мосту разведывательная группа старшего лейтенанта Акулова из группы Ломако. Вскоре туда же подоспели машины 8-го танкового полка. В течение двух часов кипел бой возле Зеленого моста, завершившийся его захватом. В ходе боя было уничтожено 3 противотанковых орудия и 5 станковых пулеметов. Стремясь уничтожить мост, поляки поставили на нем машину с бочкой бензина и подожгли ее. Но советский танк столкнул машину в реку, пожар удалось предотвратить, и советские войска переправились в северную часть города. Полковник Ломако тем временем решил основными силами обойти город с севера и отрезать его от литовской границы. К 8 часам 19 сентября подошли части 3-го кавалерийского корпуса. 102-й кавполк повел наступление на юго-восточную окраину, а 42-й кавполк двинулся в обход города с востока и сосредоточился на северо-восточной окраине. 7-я Самарская кавалерийская дивизия Ф.С. Комкова обходила город с запада. В 10 часов удалось взять товарную станцию, где находились три эшелона с боеприпасами и военным снаряжением. К полудню прибыла моторизованная группа Ахлюстина. В 13 часов были захвачены здание жандармского управления и железнодорожный вокзал. В 16 часов вновь возникла перестрелка у Зеленого моста, в ходе которой были подбиты одна бронемашина и танк. К 18 часам сопротивление было сломлено, хотя отдельные перестрелки продолжались и в ночь на 20 сентября. Комендантом «освобожденного» Красной Армией города стал полковник Ломако.

В боях за Вильно части 11-й армии потеряли 13 человек убитыми и 24 человека ранеными, было подбито 5 танков и 4 бронемшины. 20–23 сентября советские войска подтягивались к Вильно, занимаясь очисткой города и прилегающих районов от польских частей. Всего было взято в плен около 10 тысяч человек, трофеями стали 97 паровозов, 473 пассажирских и 960 товарных вагонов.

Генерал Пшезьдзецкий, узнав, что польский гарнизон оборонять Вильно не собирается, повернул свой отряд на Гродно.

19 сентября 3-я армия получила приказ организовать охрану латвийской и литовской границ. Однако до подхода стрелковых частей для этой цели могли быть использованы лишь разъезды и подвижные группы из состава 36-й и 24-й кавалерийских дивизий и танковых бригад. Вечером 21 сентября 144-й кавполк 36-й кавдивизии, вышедший к литовской границе в районе Мейшагола, рассеял мелкие группы поляков. При приближении советских разъездов литовские пограничники выбросили белый флаг и заявили: «Мы с вами воевать не хотим, мы держим нейтралитет». Лишь 23–25 сентября подошедшие стрелковые части смогли реально организовать охрану границ.

Пока шли бои в районе Вильно, войска 16-го стрелкового корпуса 11-й армии были повернуты на северо-запад и двинулись к Лиде. В 18 часов 18 сентября передовые части 100-й стрелковой дивизии заняли Крево. С утра следующего дня из танковых батальонов 100-й и 2-й стрелковых дивизий и бронероты разведбатальона 2-й дивизии была сформирована моторизованная группа под командованием комбрига Розанова. В районе фольварка Бердовка группа взяла в плен около 300 польских солдат, а поздно вечером вступила в Лиду. В 7 часов 20 сентября ей была поставлена задача наступать на Гродно. Тем временем главные силы корпуса продвигались на запад и к исходу 22 сентября достигли линии Радунь – Лида.

На фронте Фаниполь до Несвижа 17 сентября перешли в наступление части конно-механизированной группы Болдина (5-й стрелковый, 6-й кавалерийский, 15-й танковый корпуса – 65 595 человек, 1234 орудий и минометов, 864 танка). На левом фланге рвался на запад 15-й танковый корпус (461 танк БТ, 122 бронеавтомобиля). К вечеру его 27-я танковая бри-

гада форсировала реку Сервечь, 2-я танковая бригада – реку Уша. Около 16 часов следующих суток 2-я бригада уже заняла Слоним. Отступивший польский гарнизон сжег один из двух мостов через реку Щара. Утром 19 сентября командир корпуса М.Л. Петров получил приказ совместно с моторизованными отрядами 13-й и 4-й стрелковых дивизий к исходу дня занять Гродно и Сокулку, однако скорость советского продвижения замедлилась из-за отставания тылов. Лишь около 16 часов передовой отряд 2-й танковой бригады вступил в уже занятый казаками Волковыск. 27-я танковая бригада вошла во Дворец. Туда же подтягивалась и 21-я тяжелая танковая бригада (105 танков Т-28 и 29 танков БТ). Высосав из баков последние капли топлива, бронированная армада в 600 боевых машин замерла. В течение всего дня основные силы 15-го танкового корпуса простояли, растянувшись по дороге от Слонима до Волковыска, представляя идеальную цель для авиации, если бы она у противника имелась. С востока к Слониму подходила 20-я мотобригада, что еще больше загромождало дороги и задерживало подход тыловых колонн.

Неудачные действия 15-го танкового корпуса в Белоруссии привели к тому, что уже в ноябре 1939 года, по настоянию Б.М. Шапошникова и начальника Автобронетанкового управления Д.Г. Павлова, было признано необходимым расформировать эти громоздкие соединения (в Красной Армии было четыре танковых корпуса) и иметь в составе бронетанковых войск только отдельные бригады со штатной численностью 258 танков. В 1940 году, после сенсационных побед германских танковых групп во Франции, «ошибку» решили исправить и приступили к созданию двадцати девяти механизированных 1000-танковых неуправляемых монстров, печальная судьба которых только подтвердила правильность прогнозов Шапошникова.

Во всех городах и местечках, занятых Красной Армией, на основании приказа командующего фронтом от 19 сентября вводилось Временное управление, в состав которого входили представители РККА и местного населения. Приказ требовал, чтобы все учреждения и предприятия продолжали «нормально работать», граждане соблюдали и охраняли революционный порядок, всемерно содействовали советским войскам и новым органам власти, а также пресекали «враждебные народу действия и выступления представителей и агентов помещичье-капиталистических кругов бывшего Польского государства». Лицам, нарушающим порядок, посягающим на народное добро, не сдавшим в 24 часа оружие, грозила «строжайшая ответственность». Устанавливалось хождение советских денежных знаков наравне со злотым по курсу: один рубль равен одному злотому (довольно быстро рынок подкорректирует обменный курс, он станет 1 к 12, а советские функционеры для приобретения «заграничного» ширпотреба начнут копить злотые).

Временные управления первым делом набирали и вооружали отряды Рабочей гвардии, по штату примерно 400 человек в каждом, выражаясь современным языком, райцентре (при этом хозяева предприятий обязаны были платить им зарплату), и приступали к революционным преобразованиям: арестам и нередко уничтожению польских офицеров, полицейских, лесников, прочего чуждого элемента, брали под охрану мосты, узлы связи, железнодорожные станции, банковские хранилища, помещичьи усадьбы, боролись со «спекулянтами» и организовывали «красные обозы» с продовольствием для городов (как бывало всегда и везде, с приходом большевиков исчезали продукты), производили конфискации недвижимости, а также любой собственности, необходимой для функционирования новой власти, например типографий. Вместе с войсками следовали призванные на службу, одетые в форму, редакторы и журналисты с уже задуманными газетами, которые начинали выходить и распространяться буквально на третий-четвертый день. Специалисты НКВД охотились на архивы спецслужб, «шпионов органов иностранной разведки» и лиц, «стоящих на оперативном учете». На заводах и фабриках создавались Рабочие, на селе – Крестьянские комитеты (если в комитетах «окапывались кулацкие и буржуазные элементы», их распускали и «избирали» заново): «Таким образом,

Временные управления и Рабочая гвардия выполняли функции диктатуры пролетариата. Они подавляли сопротивление эксплуататоров, осуществляли социалистические преобразования в экономике, оказывали революционное воздействие на рабочих и крестьян».

6-й казачий корпус (по составу – 4, 6, 11-я кавдивизии – это легендарная Первая Конная, и командир корпуса А.И. Еременко – из «буденновцев»), «несмотря на трудные условия местности и бесцельное сопротивление отдельных польских частей», к исходу 17 сентября форсировал реку Ушу. Отсутствие серьезного противодействия со стороны противника позволяло ускорить продвижение, чему, однако, не способствовало сразу ставшее хроническим отставание тылов. Однако Еременко, полный решимости с опережением графика «освободить» центр Новогрудского воеводства и «родину великого польского поэта Адама Мицкевича», приказал организовать подвижную группу в составе 31-го танкового полка 11-й кавалерийской дивизии, мотострелкового батальона и зенитно-пулеметного эскадрона. Под водительством командира корпуса группа, совершив от границы в общей сложности 100-километровый марш, к 20 часам заняла Новогрудок.

Население города, напуганное «рассказами польских националистов», попряталось по домам. Однако, увидев, какие замечательные ребята эти «красные», повалило на улицу. «Когда осторожные жители убедились, что наши танки и пулеметы не стреляют по домам, а наши солдаты приветливо улыбаются, – писал Андрей Иванович, – несмотря на поздний час, возникла импровизированная демонстрация. Появились и цветы, которые женщины и девушки преподносили нашим воинам. Сначала редко, а затем все чаще стали раздаваться приветственные возгласы. Мы проходили по городу, а со всех сторон на польском, белорусском и русском языках несло: «Да здравствует Красная Армия!», «Да здравствует Советский Союз!» Здравицы в честь товарища Сталина если и звучали, то Еременко о них не вспомнил: к моменту выхода мемуаров «культ» почившего вождя уже «развенчали», а тело вынесли из Мавзолея.

Прибывавшие в Новогрудок в последующие дни секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко, командующий конно-механизированной группой И.В. Болдин, начальник артиллерии Красной Армии Н.Н. Воронов, маршал С.М. Буденный – все наблюдали сплошное ликование, слезы радости и благодарности «за освобождение от панского гнета и фашистской неволи»: «Девушки украшают цветами боевые машины и коней красноармейцев и командиров. Деревни пестрят красными флагами». Тем не менее по ночам, после митингов с цветами, в «освободителей» летели ручные гранаты и звучала стрельба, стоившая жизни нескольким красноармейцам и командирам, занимавшимся «вылавливанием бандитов».

Надо сказать, что большинство населения, особенно «единокровные братья», особенно в восточных районах Польши и сельской местности, действительно радовалось приходу Красной Армии. Сыграли свою роль и национальные противоречия, и классовые, и доверие к советской пропаганде, и желание «отобрать и поделить», и страх перед немецкой оккупацией. И были митинги, и цветы, и приветствия великому товарищу Сталину: «... в день освобождения нас от кровавого панского ярма шлем тебе, дорогой вождь трудящихся всего мира, пламенные слова благодарности за помощь нам в борьбе с польским фашизмом». Только, хоть убей, не верится, что эту цидулю в самом деле сочинили крестьяне «вёски Драздоу».

Активно сотрудничала с новой властью еврейская молодежь: «Ведь мы в то время уже знали, что евреи в Советском Союзе занимали высокие государственные посты, что русские женятся на еврейках – это было модным».

Замечательно, что, согласно многочисленным свидетельствам аборигенов, красноармейцы (как и их боевые скакуны) не производили впечатления людей хорошо питающихся и были несколько изумлены наличием здорового румянца на щеках угнетенных белорусов: «Солдаты Красной Армии хорошо относились к местному населению, говорили, что уже навсегда освободили наш край от поляков, обещали, что будем жить свободно и мирно. В то же

время много спрашивали, интересовались «жизнью под польским гнетом». Были удивлены, так как ожидали увидеть худшего... Ведь им внушали, что в Западной Белоруссии голод, мы все нищенствуем, гнем спины на панов, а их взору предстало нечто иное: ухоженные дома, скот на подворьях, засеянные поля, люди одеты и обуты».

Из воспоминаний жителя Бреста С.Н. Синкевича, представителя русского «угнетенного» меньшинства, окончившего, кстати, русскую гимназию: «На Шоссейной улице показались первые советские танки. С чувством величайшего любопытства и совершенно ошеломленный, я побежал посмотреть. Ведь это наши, русские! На небольших грузовых машинах типа ГАЗ сидели солдаты в странных остроконечных шлемах. Поперек грузовиков были положены сосновые доски, служащие сиденьем для бойцов, как тогда называли солдат. Лица у них были серые, небритые, шинели и короткие ватные куртки как будто с чужого плеча, голенища сапог были сделаны из материала вроде брезента. Я подошел к одной из машин и попробовал поговорить с солдатами. Однако все находящиеся там молчали и смотрели в сторону. Наконец один из них в форменной фуражке со звездой на рукаве заявил, что партия и правительство по просьбе местного населения прислали Красную Армию, чтобы освободить нас от гнета польских панов и капиталистов. Я был очень удивлен убогим видом и какой-то странной необщительностью моих соплеменников... Однажды к нам в дом постучал капитан по фамилии Буйневич, простой и довольно милый человек, который был очень поражен, увидев у нас швейную машину, электрический утюг и пр.».

18 сентября корпус Еременко получил задачу овладеть Волковыском, затем городами Гродно и Белосток, однако весь день простоял на месте ввиду нехватки горючего: тылы пропали неизвестно где, а на подступах к Новогрудку, забитых непрерывно прибывающими с востока советскими войсками, образовалась грандиозная пробка. Виной тому, по утверждению Воронова, явилась непрекращающаяся фиеста в городе: «Улицы... были забиты войсками. В этом и была причина столпотворения. Здесь шло настоящее народное празднество. Город ликовал, народ заполнил улицы. Регулировщики оказались бессильны». В итоге было принято решение для захвата Волковыска объединить танковые полки двух дивизий кавалерийского корпуса в одну подвижную группу, а треть машин, перелив с них топливо, оставить в Новогрудке дожидаться бензовозов.

В это время 6-я Чонгарская Кубано-Терская кавалерийская дивизия вторые сутки продиралась через Налибокскую пушу к Лиде, накапливая опыт «преодоления лесисто-болотистой местности» – маневр был предпринят по настоянию Еременко, как более «отвечающий замыслу операции». Будущий маршал вообще любил экспериментировать, например, в тридцатиградусные морозы поместить дивизию суток на трое-четверо в шалаши из ельника с целью выработки привычки к «суровым условиям».

К утру 19 сентября мотоотряд под командованием командира корпуса, не встречая сопротивления, вошел в Волковыск. Местные жители пели песни и лезли целоваться к запыленным танкистам, пролетариат немедленно «приступил к установлению своей народной власти».

Примерно в это же время 152-й кавалерийский полк Чонгарской дивизии под командованием «товарища Селюкова» после короткого боя занял Лиду, где, если верить отечественным авторам, наши воины взяли в плен 2500 человек, захватили 300 винтовок, 100 тысяч патронов, 23 самолета. Польские исследователи называют эти сведения «вельким кламством», то есть попросту брехней, так как неуязвимым и самым достоверным источником информации для наших историков по-прежнему остается газета «Правда» (в данном случае от 5 октября 1939 года), вещавшая в унисон с «Фёлькишер Беобахтер». Участники событий утверждают, что на лидском аэродроме к 19 сентября 1939 года вообще не было ни одного самолета: 5-й авиаполк «карасей» убыл на запад еще в августе, оставшиеся учебные машины уничтожили

германские бомбовозы, а тыловые подразделения полка ушли в Гродно. Гарнизон Лиды к моменту советского вторжения не превышал 350 солдат, которым еще вечером 17 сентября выдали жалованье за три месяца, гражданскую одежду и приказали расходиться по домам.

Для рейда на Гродно Еременко 20 сентября выделил 4-ю кавалерийскую дивизию. Но боевым скакунам требовался отдых, поэтому вперед снова был брошен моторизованный отряд. Во главе колонны на трофейном легковом автомобиле мчался сам Андрей Иванович.

Соединения 5-го стрелкового корпуса (4-я и 14-я стрелковые дивизии) перешли границу, сломив слабое сопротивление польских пограничников, взяли в плен 29 человек, сами потеряв 6 человек убитыми и 2 ранеными. К 17 часам части корпуса вышли на железнодорожную линию Столбцы – Барановичи, а к 23 часам достигли реки Уша. В течение дня из состава корпуса были выделены подвижные отряды, продвинувшиеся до реки Сервечь. Мотогруппа 4-й стрелковой дивизии в 8 часов 19 сентября вошла в Слоним, приняв у танковых частей более 6000 пленных. В 4 часа 20 сентября мотогруппа 119-го стрелкового полка вошла в Волковыск, где была подчинена 15-му танковому корпусу. В трех километрах западнее города она столкнулась с двумя эскадронами поляков и, потеряв одного бойца убитым, взяла в плен 150 человек. 21 сентября основные силы 5-го стрелкового корпуса находились у Зельвы, а 119-й и 101-й полки были направлены к Гродно.

Еще в 1922 году территория Польши была разделена на десять корпусных округов. В городе Гродно с населением в 58 тысяч человек располагался штаб округа корпуса III, гарнизон состоял из двух полков пехоты, 29-го полка легкой артиллерии, 7-го танкового батальона и дивизиона противотанковых орудий. В сентябре 1939 года все эти соединения находились на германском фронте, и польские силы в Гродно насчитывали два импровизированных батальона и роту запасного центра 29-й пехотной дивизии, 31-й караульный батальон, пять взводов позиционной артиллерии (5 орудий), две зенитно-пулеметные роты, батальон национальной обороны «Подставы», отряды жандармерии и полиции. В первой половине сентября усилиями начальника укрепленного района «Гродно» полковника Богдана Хулевича был проведен ряд мероприятий по подготовке к уличным боям с германскими частями. В частности, были созданы большие запасы бутылок, заполненных смесью нефти и бензина, многие солдаты и учащаяся молодежь прошли практический курс по использованию этого «противотанкового оружия». Однако на второй день после советского вторжения командующий округом 39-летний генерал Юзеф Олышина-Вильчинский объявил о демобилизации армии, наборе добровольцев на «французский фронт» и перебрался из Гродно в Сопоткин, поближе к литовской границе. За ним следом потянулась гражданская администрация.

В Гродно остался вице-президент Роман Савицкий, который под сильным влиянием патриотической польской общественности, в первую очередь педагогической, призвал всех к обороне родного города. Под его руководством жители начали рыть окопы и рвы, возводить на улицах баррикады и устанавливать противотанковые заграждения. На основании разрешений, выписанных городским советом, добровольцам раздавалось из казарм оружие и патроны. Для борьбы с бронетехникой предполагалось использовать 40-мм зенитки и бутылки с зажигательной смесью. Преподавательницы и ученицы женских гимназий организовывали санитарные пункты.

Руководство обороной доверили полковнику Седлецкому; капитан Петр Корзон и майор Венедикт Серафин встали во главе 1-го и 2-го батальонов. Комендант гарнизона полковник Бронислав Адамович на руководство не претендовал, склоняясь, в соответствии с приказом сверху, к эвакуации в Литву. Однако, когда 18 сентября пришло известие о том, что в близлежащем местечке Скидель «белорусские и жидовские» коммунисты захватили власть, первым делом арестовав и немного постреляв «пилсудчиков», полковник деятельно приступил к орга-

низации карательной экспедиции. Ранним утром 19 сентября сотня солдат и полицейских на грузовиках выехала в Скидель. Прибыв на место, поляки быстро ликвидировали новоявленный ревком, освободили арестованных и приступили к экзекуциям. Беспорядки, организованные местными «красными» активистами, приступившими к формированию Красной гвардии, имели место и в Гродно, но были жестоко подавлены военными. Польские мемуаристы, говоря о действиях «пятой колонны», неизменно указывают на евреев и белорусов, не скрывая глупо укоренившегося к ним недоверия со стороны «титულიной нации». В связи с этим характерный эпизод приводит гродненская учительница: «Кто-то сказал мне, что евреи, которые до сей поры держались в стороне, растаскивают оружие из казарм. Взволнованная, побежала к казармам и прибыла как раз в тот момент, когда подъехала телега, полная еврейской молодежи. Все евреи имели на рукавах бело-красные ленточки, а зачарованный этим какой-то наивный капитан раздает им винтовки и патроны. Закричала на него: «Мало нам немцев и москалей, а пан еще жидов на нас вооружает!» Через минуту по телефону он получил приказ Савицкого: оружие можно выдавать только предъявившим свидетельство городского совета». Следом последовал приказ: не имеющим разрешения оружие сдать под угрозой смертной казни. В подозрительных домах были произведены обыски.

И впрямь, неладно что-то было в польском «королевстве».

После полудня 19 сентября стало известно, что советские танки находятся недалеко от Гродно. Правда, атаку ожидали с востока, со стороны Вильно и Лиды, но русские, применив военную «хитрость», подступили к городу с юга. Что было только на руку обороняющейся стороне, поскольку наступающим предстояло форсировать Неман и высаживаться на крутой правый берег.

Соединения 15-го танкового корпуса выдвигались к цели волнами, по мере заправки горючим. Первыми утром 20 сентября к Гродно вышли 50 «бэтушек» 27-й танковой бригады. Танкисты с ходу атаковали противника и, прорвав слабую оборону на южных предместьях, вышли к Неману. Нескольким боевым машинам под командованием майора Ф.И. Квитко удалось по мосту прорваться в самый центр, к площади Свободы. «Красные флажки трепетали над ними, – вспоминал очевидец. – На головном танке был букет цветов – где-то его приветствовали цветами, но только не в Гродно».

Очнувшись от оцепенения, вызванного внезапным появлением прямо под окнами советских боевых машин, народ повалил на улицы, но, опять же, не для участия в праздничном митинге. Танки, не имевшие поддержки пехоты, со всех сторон подверглись нападению солдат, полицейских и молодежи, использовавших малокалиберные орудия, которые можно было сосчитать по пальцам, и бутылочные «гранаты», которые имелись чуть ли не у каждого гимназиста. Несмотря на непрерывный огонь из всех огневых точек, танки вспыхивали один за другим. Командирский БТ взорвался вместе с экипажем.

«Мы бросали гранаты и стреляли из винтовок, чтобы отвлечь огонь на себя, – вспоминал участник боя сержант Алоизий Таудул. – Летчики (*из наземных служб 5-го авиаполка*), воспользовавшись моментом, бегом приблизились к танку. Сержант с бутылкой бензина взобрался на башню, которая все время нервно вращалась. На призыв: «Вылезай, товарищ, не бойся, а то сожгу», – ответа не последовало, а башня снова повернулась и выстрелила. Сержант открыл бутылку, полил бензином щели и на крышу башни, соскочил, зажег спичку и бросил на танк. Вспыхнуло пламя, башня перестала вращаться, но взрыва боеприпасов, которого мы все ожидали, не было... Позднее я видел трупы трех советских танкистов, лежавших рядом с танком, уничтоженным летчиком. До сих пор не могу понять, почему они не были обгорелыми. Вероятно, они задохнулись от нехватки кислорода».

В итоге шесть боевых машин были сожжены, остальные отошли обратно за Неман, члены экипажей частью погибли, частью попали в плен. Среди последних гродненцы признали земляков, сбежавших в Советский Союз еще до начала войны. Бывший полицейский рассказывал:

«Мы выбежали на угол улиц Наполеона и Гувера, где пылал второй танк. Там увидели такую сцену: на земле лежал один убитый большевик, а другой – раненый. Какой-то гражданский замахнулся карабином и хотел добить раненого прикладом, но постовой Москалюк помешал ему, чем вызвал неудовольствие собравшейся толпы. Между тем раненый кричал: «Не убивайте, я пришел вас освободить!» – что еще больше разозлило толпу. При убитом Москалюк обнаружил водительское удостоверение, в котором мы прочли: «Техник второго ранга Александрович (имени не помню), место рождения г. Гродно». Выяснилось, что полиции хорошо известна эта еврейская семья, а именно этот преследовался за коммунистическую деятельность и сбежал в Россию, а теперь, хорошо зная город, приехал, чтобы нас «освободить».

По польским данным, еще 12 советских танков удалось подбить в районе моста через реку, куда были переброшены зенитные «бофорсы» на механизированной тяге. Солдаты и добровольцы заняли окопы на правом берегу и вели огонь из пулеметов. Перестрелка на линии Немана продолжалась весь день. Женщины и школьники оказывали помощь раненым, приносили бойцам еду и боеприпасы.

Вечером 20 сентября, при поддержке подроспевшего 119-го стрелкового полка 13-й стрелковой дивизии, 27-я танковая бригада занималась зачисткой южной части Гродно, а подтянувшаяся артиллерия приступила к обстрелу занеманской части города.

Ночью группа младшего лейтенанта Шайхудинова с помощью местных проводников на лодках переправилась на правый берег реки в двух километрах восточнее города, но ее продвижение было остановлено огнем пулеметных точек, оборудованных в районе кладбища. В ходе ночного боя 119-му полку удалось закрепиться на правом берегу и выйти на подступы к восточным окраинам. Поляки, в свою очередь, совершали вылазки на советские позиции.

На станцию Гродно с наступлением темноты прибыли два эшелона с эвакуировавшимися польскими войсками. Часть из них влилась в ряды защитников города, например, отряд из двух батальонов запасного центра 19-й пехотной дивизии под командованием полковника Блюмского. Своим ходом добрались до цели и решили задержаться 101-й и 102-й уланские полки резервной кавалерийской бригады во главе с генералом Пшезьдзецким, принявшим на себя руководство обороной. «Гродно словно вымер, – вспоминал командир эскадрона улан подпоручик Януш Вильхорский, – ворота закрыты и заперты на засовы, окна закрыты ставнями. На улицах встретили только раз полицейский патруль. То в одном, то в другом месте стояли корпуса сожженных советских танков. В памяти остался разрушенный артиллерийскими снарядами кинематограф, с вывалившимся на улицу аппаратом и обгоревшими лентами фильма, валяющимися на проезжей части; на разбитой стене нелепо смотрелись фрагменты красочных плакатов с американскими кинозвездами».

Самые благоразумные покидали обреченный на «освобождение» город. Так, утром 21 сентября большая группа военных, полицейских, служащих общим числом около тысячи человек под руководством полковника Адамовского на реквизированных машинах, автобусах, телегах, велосипедах и пешком, невзирая на протесты жителей, эвакуировалась из Гродно в направлении литовской границы. Раненых защитников жители предусмотрительно укрывали в своих домах, оставив в госпитале только пострадавших от обстрелов обывателей и пленных красноармейцев.

Тем временем к городу подошел советский 101-й полк 4-й стрелковой дивизии, который также переправился на правый берег и развернулся севернее 119-го полка. В 6 часов полки, усиленные четырьмя орудиями и двумя танками, перешли в наступление и, несмотря на контратаки поляков, к 12 часам вышли на линию железной дороги, а к 14 часам достигли центра Гродно. Советские стрелковые подразделения были поддержаны огнем и гусеницами подроспевшей моторизованной группы 16-го стрелкового корпуса, подавившей огневые точки на восточной окраине. Однако, попав под фланговый огонь пулеметов, пехота вновь отошла на окраину, а танки снова вынуждены были вести уличные бои в одиночку. Так, бутылками с горючей

смесью поляки сожгли вместе с экипажем танк командира взвода младшего лейтенанта Александра и механика-водителя Комарова. К вечеру боевые машины тоже были выведены из города.

До самых сумерек кипел бой в районе Королевского Замка, казарм 81-го пехотного полка и расположенного рядом с казармами здания школы.

«Остатки польской армии, главным образом офицерские части и банды фашистских молодчиков, – кипела негодованием газета «Советская Белоруссия», – бессильные в открытом бою приостановить сокрушительный натиск Красной Армии, укрепились в Гродно, трусливо спрятавшись за спины мирного населения.

– Стреляйте, товарищи, так, чтобы каждый снаряд попадал в цель, и только в цель, – говорил старший политрук тов. Швейкин бойцам, устанавливавшим орудия на огневой позиции. – Ни один снаряд не должен попасть в дома мирных граждан.

Вслед за командой командира батареи капитана Кудрявцева последовал выстрел.

– Взводом огонь!

Куски отбитого кирпича, жести полетели вниз. Следующие снаряды разрывались внутри крепостной башни, разрушали окопы перед крепостью. Ни один снаряд не лег мимо цели. Это была подлинно снайперская стрельба. А в это время стрелковые батальоны ворвались в юго-восточную часть города и начали закрепляться там».

Особое удовольствие советским «снайперам» доставляла стрельба по башням костелов.

Вообще, советские средства массовой информации в этот период, да и сорок лет спустя, культивировали патологическую ненависть к «панам». Польские защитники своей страны характеризовались не иначе как «бандиты» и «спесивые шляхтичи», «сволочи» и даже «подлый враг, который осмелился поднять на нас руку». Решиться на отпор родной всем угнетенным Красной Армии могли только «фашисты» и недобитое «офицерье». Зато оборона Варшавы и сражение с немцами в районе Томашув-Любельский, согласно нашей истории, «показали силу и решимость польского рабочего класса, трудового крестьянства и патристически настроенной интеллигенции сражаться с ненавистным врагом».

Упорное сопротивление «спесивых шляхтичей» в Гродно разом выдуло из голов красноармейцев все инструкции о «лояльном отношении» и сусальном образе «воина-освободителя». На войне как на войне. Вот еще картинка из воспоминаний гродненской учительницы: «...танк остановился прямо передо мной. На лобовой броне распят ребенок, мальчик. Кровь из его ран стекает струйками по металлу. Начинаем с Данкой освобождать привязанного кусками ремней парня, не осознавая, что творится вокруг. Из танка выскакивает черный танкист, в руке браунинг – грозит нам; из соседнего дома с поднятыми вверх кулаками выбегает молодой еврей, кричит хриплым голосом – в чем-то обвиняет нас и мальчика. Для меня они не существуют. Вижу только глаза ребенка, полные страха и муки. Я вижу, как, освобожденный от узлов, он тянется к нам с безграничным доверием. Рослая Данка одним движением снимает ребенка с танка и кладет на носилки. Я уже нахожусь у изголовья, и, оставив онемевших от нашей дерзости палачей, – убегаем. У мальчика пять пулевых ранений (знаю – это польские пули секли по вражеским танкам) и большая потеря крови, однако он в сознании. Его зовут Тадеуш Ясинский, ему 13 лет, единственный сын Софии Ясинской, служащей, отца нет. Он пошел в бой, бросил бутылку с бензином в танк, но не зажег ее... не умел... Выскочили, били, хотели застрелить, а потом распяли на лобовой броне».

С юга в этот день непрерывно атаковала подошедшая к 9 часам утра 20-я моторизованная бригада 15-го танкового корпуса. Прибывший во второй половине дня со своим мотоотрядом Еременко решил лично возглавить операцию по захвату моста. Сев в танк, комкор двинулся во главе атакующих, но вражеский снаряд заклинил башню. Пересев в другую машину, Еременко вновь возглавил атаку и прорвался на мост, но тут от перегрева заглох мотор. В ходе дуэли с огневыми точками противника вновь оказалась поврежденной башня. Наконец меха-

нику-водителю удалось завести двигатель, и танк тронулся по склону моста назад, чтобы через сотню метров снова заглохнуть. Еременко пересел в третий БТ и вновь ворвался на мост, но уперся в бетонные блоки, оказавшиеся непреодолимым препятствием. В течение двух с половиной часов танк вел огонь по противоположному берегу с места, что только подтверждает отсутствие у поляков каких-либо приличных противотанковых средств.

Как вспоминал Еременко: «Поляки оказали нам сильное, но совершенно бессмысленное сопротивление... Мне довелось впервые принять личное участие в танковых атаках и познаться с боевыми качествами наших танков, понять сущность некоторых тактических приемов при действиях танков в наступлении на пересеченной местности и в населенном пункте. Это был, в общем, не очень веселый опыт: в бою на подступах к Гродно я и все танкисты из экипажа танка, служившего мне подвижным КП, были ранены, а все три танка, на которых я последовательно руководил боем, выведены из строя...»

20-я мотобригада в ходе боев 21 сентября смогла занять юго-западную окраину города, но переправиться через Неман не сумела ввиду сильного ружейно-пулеметного огня с противоположного берега. Вечером подошла 4-я кавалерийская дивизия. Новый штурм был назначен на утро. Однако командовавший обороной города генерал Пшезджецкий уже принял решение оставить Гродно и отдал своим войскам приказ отходить на север. В ночь на 22 сентября, под прикрытием темноты, защитники покинули город (в их числе Роман Савицкий, он еще вернется и будет расстрелян немцами в 1942 году). Утром Гродно был занят частями Красной Армии. На поле боя было захоронено 644 трупа, взято в плен 1543 военнослужащих противника, трофеями стали 514 винтовок, 50 револьверов, 146 пулеметов, 1 зенитное орудие, 1 миномет. Советские потери составили 57 человек убитыми, 159 ранеными, было подбито 19 танков и 4 бронемашины. Польские источники утверждают, что в боях за Гродно было убито и ранено 800 командиров и красноармейцев.

В последующие дни победители, оскорбленные в лучших чувствах, чинили расправу. У Собачьей Горки расстреляли два десятка взятых в плен «фашиствующих молодчиков» – школьников в возрасте от десяти до восемнадцати лет. На улицах производили обыски, в первую очередь молодежи, и, если находился хотя бы перочинный ножик, убивали на месте. Тела горами сваливали перед костелом. Некий младший лейтенант-связист из 101-го полка по фамилии Дубовик, которому 22 сентября поручили отконвоировать из Гродно группу пленных, устроил по пути дознание и расстрелял 29 человек, ну явных врагов, «замаскировавшихся офицеров». За два дня было убито около 300 защитников и жителей города.

Тем временем командование 2-й танковой бригады, получившее задачу захватить Сокулку, но так и не дождавшееся горячего, было вынуждено создать отряд под командованием капитана Новикова в составе 43 танков, мотострелковой роты и взвода противотанковой артиллерии, которому было передано все наличное топливо. Выступив из Волковыска в 7 часов 20 сентября, отряд занял Сокулку в 14 часов. 11-я кавдивизия и 5-й стрелковый корпус продвигались на запад и юго-запад от Волковыска.

19 сентября границу перешли закончившие сосредоточение войска 10-й армии (6, 33 и 121-я стрелковые дивизии – 42 135 человек, 330 орудий и минометов, 28 танков), которые к исходу дня достигли рек Неман и Уша. Продолжая медленное продвижение во втором эшелоне Белорусского фронта, войска армии к 20 сентября вышли на рубеж Новогрудок – Городище. Приказом командующего Белорусским фронтом армии был подчинен 5-й стрелковый корпус.

На фронте 4-й армии (40 365 человек, всего 184 орудия и миномета и 508 танков) к исходу первого дня наступления 29-я танковая бригада (240 танков Т-26) заняла город Барановичи в 50 километрах от границы и расположенный здесь же укрепленный район, который не был занят польскими войсками по причине их отсутствия. Гарнизон состоял из хозяйственных

подразделений убывшей на войну с германцем 20-й пехотной дивизии, полицейских, необученных новобранцев и управления фортификационных работ. «Соппротивление противника, – рапортовал начальник бронетанковых войск фронта комбриг Д.К. Мостовенко, – состоялось в районе укреплений Барановичи, упреждено смелыми действиями командира 29-й танковой бригады, который приказал перелить топливо из танков 3-го батальона в машины 1-го и 2-го батальонов». Первым в город вошел танковый батальон под командованием будущего генерала армии майора И.Д. Черняховского. В районе Барановичей, по советским данным, было взято в плен до 5000 польских солдат, захвачены 4 противотанковых орудия и два эшелона с продовольствием. 8-я стрелковая дивизия за это время едва дотопала до Несвижа, а 143-я стрелковая дивизия полковника Орлова заняла Клецк.

К исходу 18 сентября 29-я и 32-я (220 танков Т-26) танковые бригады, продвигаясь по шоссе Барановичи – Кобрин, вышли на реку Щара южнее Слонима, снова значительно оторвавшись от стрелковых подразделений. 8-я дивизия миновала Барановичи, а 143-я продвинулась до Синявки. 19 сентября танковые бригады достигли Березы-Картузской, где разделились: 29-я с приданным ей стрелковым батальоном 8-й дивизии повернула на Пружаны, 32-я бригада с батальоном 143-й дивизии продолжала катиться по шоссе на Кобрин, 8-я дивизия достигла реки Щара, а 143-я стрелковая обходила Барановичи с юга.

20 сентября, заняв позиции на окраине Пружан, 29-я танковая бригада С.М. Кривошеина вела разведку в сторону Бреста. У Видомли 20 сентября был установлен контакт с германскими частями. К комбригу доставили группу из нескольких немецких офицеров и солдат, сообщивших, что Брест уже ими занят. Кривошеин доложил о встрече Чуйкову, затем под марши в исполнении бригадного оркестра потчевал гостей русским борщом и шашлыком, сфотографировался с ними на фоне ленинской палатки и на прощанье попросил передать горячие поздравления генералу Гудериану.

21 сентября 8-я стрелковая дивизия вошла в Пружаны, 143-я дивизия – Березу-Картузскую. Вечером комдив Чуйков поставил 29-й танковой бригаде задачу во взаимодействии со 151-м стрелковым полком не позднее 14 часов следующего дня занять Брест, который, согласно протоколу о демаркационной линии, отходил к СССР, и удерживать его, если будет необходимость, до подхода основных сил. 32-й танковой бригаде и 143-й стрелковой дивизии следовало занять Кобрин, оттуда следовать на Черняны и Малориту. В ночь на 22 сентября танковая рота 32-й бригады с приданными ей пехотинцами после боя с польским отрядом ворвалась в Городец на Королевском канале. Потери составили 6 человек убитыми, 2 ранеными и 2 танка. В плен было взято 30 польских офицеров и 300 солдат. Одну боевую машину отправили на разведку в сторону Антополя, но поляки сожгли ее вместе с экипажем.

До начала войны в городе, на советских и немецких картах обозначенном как Брест-Литовск, а поляками переименованном в Брест-над-Бугом, размещался штаб округа корпуса IX под руководством генерала Клебэрга, в состав которого входили части Белостокского, Новогрудского, северная часть Люблинского и большая часть Полесского воеводств. На территории округа дислоцировались 9, 20, 30-я пехотные дивизии, 9-я кавалерийская бригада, 4-й бронетанковый батальон с частями усиления и обеспечения. С началом мобилизации все эти части были выведены к германской границе, их место занимали резервные и запасные подразделения, а менее чем через две недели после начала боевых действий фронт внезапно оказался рядом с Брестом. С севера к городу стремительно приближался XIX корпус «быстроходного Гейнца» в составе 3-й и 10-й танковых, 2-й и 20-й моторизованных дивизий.

9 сентября генерал Клебэрг был назначен командующим формируемой оперативной группой «Полесье», которая должна была организовать оборону на линии Брест – Пинск. Из отдельных частей и мобилизуемых запасников на базе запасного центра 30-й пехотной дивизи-

зии формировалась дивизия «Кобрин». В ночь на 12 сентября командующий и его штаб переместились в район Пинска.

Руководить обороной Бреста был оставлен 49-летний отставной генерал Константин Плисовский. Организованный им небольшой штаб наполовину состоял из офицеров запаса, по состоянию здоровья непригодных к строевой службе. Начальником штаба стал подполковник Алёнзы Хорак, командующим пехотой – подполковник Юлиан Сосабовский, его заместителем – подполковник Константин Солтан, начальником связи – капитан Ежи Ежевский, полевой артиллерией командовал майор Станислав Комарницкий, зенитной батареей – капитан Станислав Малецкий.

Группировка «Брест» состояла из маршевых батальонов 34, 35 и 82-го пехотных полков, 1-й роты маршевого батальона 33-го полка, 81-го и 82-го караульных, 56-го саперного батальонов, 112-й и 113-й отдельных танковых рот, имевших на вооружении по 15 стареньких «Рено» FT-12, а также взвода танкеток TKS, 9-го автомобильного дивизиона, 49-го дивизиона полевой артиллерии, 3-й зенитной батареи, караульной роты, роты связи, отдельных групп офицеров и солдат различных родов войск и медико-санитарной службы. Польские силы в общей сложности насчитывали около 4000 солдат и офицеров, 18 полевых орудий, 8 зениток, 36 танков и танкеток. Генерал Плисовский, не имея сил организовать оборону по линии внешних фортов Брестской крепости, принял решение дать бой в Цитадели, а также в прикрывавших северные и западные подступы Кобринском и Тереспольском укреплениях. Пехота заняла позиции на валах, где были оборудованы пулеметные гнезда и отрыты окопы полного профиля. Вся артиллерия и частично вкопанные в землю танки были сконцентрированы на северном направлении. Саперы произвели минирование подъездов к крепости, мостов, ведущих на Центральный остров, и подступов к Цитадели. На железнодорожной станции стояли в готовности два бронепоезда.

Передовые немецкие подразделения вышли в район Бреста 13 сентября и вступили в огневой контакт с польскими отрядами. В тот же день генерал Плисовский уведомил генерала Клебэрга о том, что часть немецких танковых и моторизованных соединений обходит Брест с северо-востока, устремляясь к позициям польской дивизии «Кобрин». Чтобы сковать маневр противника, Плисовский выслал в восточном направлении бронепоезд № 55 «Бартош Гловацкий» (вооружение: четыре 100-мм гаубицы, два 75-мм зенитных орудия, два 40-мм «бофорса», 8 пулеметов «максим») под командованием капитана Анджея Подгурского. В районе Жабинки, в 20 километрах восточнее Бреста, с бронепоезда выгрузили взвод танкеток, переоборудованных в бронедрезины, которые вели разведку в сторону моста через речку Мухавец. Здесь они столкнулись с разведывательными бронеемобилиями 3-й танковой дивизии немцев. В ходе боя три польские машины были подожжены, а две отступили. Дальнейшее продвижение немцев было временно приостановлено огнем бронепоезда. Однако, опасаясь быть отрезанным от Бреста, капитан Подгурский принял решение вернуться в город. В это же время бронепоезд № 53 «Смелый» под командованием капитана Мечислава Малиновского провел разведку в сторону Высокого, в северном направлении, где столкнулся с танками 10-й германской дивизии. Бронепоезд произвел огневой налет, а затем отступил. Предвидя, что противник вскоре захватит брестский железнодорожный узел, генерал Плисовский отправил оба бронепоезда в сторону Ковеля.

Утром 14 сентября 3-я танковая дивизия генерала Гейера фон Швеппенбурга захватила Жабинку, перехватив железные дороги на Кобрин и Барановичи. В полдень 10-я танковая дивизия, которой командовал генерал Штумпф, заняла Брест и железнодорожный вокзал. 20-я мотодивизия генерала Викторина двигалась от Волчина, вдоль правого берега Буга к крепости. Передовые подразделения 3-й танковой дивизии обходили город с востока и выдвигались к Бугу.

Разведывательный батальон и 8-й танковый полк 10-й дивизии, поддержанные артиллерией и авиацией, с ходу атаковали линию польской обороны в Кобринском укреплении. Этот натиск был отбит огнем противотанковых ружей, артиллерии и 112-й танковой роты. Непреодолимой преградой оказались польские танки, заблокировавшие Северные ворота своими корпусами и пушечно-пулеметным огнем. Для подстраховки, на случай прорыва «панцеров» противника, в 150 метрах позади ворот находилась позиция батареи зенитных орудий подпоручика Анджея Блешинского. Несколько немецких машин подорвалось на минах, пехота расстреливалась в упор с хорошо замаскированных стрелковых позиций. Во второй половине дня немцы возобновили атаки. В ожесточенной схватке растаяли обе польские танковые роты, но оборона снова устояла.

После перегруппировки сил генерал Гудериан организовал массированный штурм по всем правилам: 10-я танковая дивизия должна была наступать вдоль шоссе Чернавчицы – Брест, 20-я моторизованная – вдоль правого берега Буга, 3-я танковая дивизия – с восточной и южной сторон, завершив окружение крепости. Германские дивизии обладали значительным перевесом в силах и средствах, что гарантировало им успех. При этом поляки ничего не могли противопоставить мощному огню немецкой артиллерии и бомбардировкам с воздуха, кроме старых валов и казематов. Против 154 немецких танков было полтора десятка противотанковых ружей, против 260 орудий и минометов – 18 полевых пушек и 8 зениток. Всю ночь немецкие орудия вели обстрел крепости.

Утром 15 сентября, после массированной артиллерийской и авиационной подготовки, подразделения 10-й танковой и 20-й моторизованной дивизий пошли на штурм. Защитники крепости оказали упорное сопротивление. Бой, во многих местах переходивший в рукопашные схватки, продолжался весь день. Во время огневых налетов и воздушных бомбардировок защитники укреплений, оставив наблюдателей, уходили в казематы, когда наступала тишина – занимали окопы. Наступление немцев захлебнулось на гребне крепостных валов. Генерал Гудериан вновь перешел к систематическим авиационным и артиллерийским ударам, которые наносили невосполнимый урон защитникам крепости. Раненых польских солдат по мосту через Буг относили в госпиталь на Южном острове, часть из них эвакуировали в Тересполь.

Около 10 часов утра 16 сентября штурмовые отряды 10-й танковой и 20-й мотодивизии силами двух пехотных батальонов при поддержке танков и артиллерии начали решительное наступление на линию польской обороны. Германская пехота поднялась на гребень валов, но атака вновь захлебнулась, так как солдаты не выполнили приказа наступать непосредственно за огненным валом. Особенно ожесточенное сражение развернулось в районе Северных ворот, где защищался маршевый батальон 82-го пехотного полка капитана Вацлава Радзишевского при поддержке нескольких орудий 49-го дивизиона. Обеспокоенный Гудериан прибыл к месту событий, но и в его присутствии пехота не добилась успеха и отступила с тяжелыми потерями. Выстрелом польского снайпера был смертельно ранен адъютант командующего корпусом подполковник Браубах. В ожесточенном двухдневном сражении только 69-й полк 20-й мотодивизии потерял 127 человек убитыми, 7 утонувшими и 237 ранеными.

Однако положение защитников становилось безнадежным. Группировка «Брест» была на грани уничтожения, потери убитыми и ранеными составляли 40 процентов, заканчивались снаряды и гранаты, помощи не было. Горели казармы, многие укрепления были превращены в руины. На отдельных участках немцам удалось зацепиться за крепостные валы и вынудить польские подразделения отступить в Цитадель. Генерал Плисовский, получивший осколочное ранение, к этому времени утратил связь с командованием в Пинске и не имел никакой информации о положении на фронте и ситуации в стране. Между тем Варшава уже была полностью блокирована. Группа армий «Юг» соединилась в районе Влодавы с группой армий «Север», замкнув кольцо окружения вокруг основных сил польской армии. Общее руководство военными действиями практически отсутствовало. Всего этого в крепости не знали. Было лишь

известно, что в направлении Бялой Подляски частей противника еще не было, а между Бугом и Вислой отходит на юг 33-я польская пехотная дивизия. Около 17 часов 16 сентября генерал Плисовский созвал совещание командиров участков обороны, на котором было принято решение: «Не видя возможности дальнейшего удержания крепости и оценивая, что уход из нее не нанесет вреда всей операции», покинуть Цитадель через свободный путь на Тересполь – Кодень.

Поздним вечером, когда огонь немецкой артиллерии стал менее интенсивным, из крепости через Тереспольские ворота вышли командование и штаб обороны, маршевые батальоны 34-го и 35-го полков, караульные батальоны, артиллеристы, обоз и машины с ранеными. С наступлением ночи дорога на Тересполь была запружена отступающими польскими частями. Прикрывать отход остались солдаты 82-го маршевого батальона и 2-я рота саперов. Саперы должны были оставить позиции последними, уничтожив за собой мосты и заминировав дорогу.

Немцы в ночь с 16 на 17 сентября перебросили на левый берег Буга 76-й пехотный полк 20-й мотодивизии под командованием полковника Голлника, планируя наступление с западного направления. В темноте на тереспольском шоссе произошло несколько стычек польского арьергарда с передовыми немецкими патрулями.

Саперы 2-й роты продолжали ожидать в Цитадели подразделения 82-го маршевого батальона. В Кобринском укреплении гремел бой. Связные, посланные к капитану Радзишевскому с приказом отходить, не вернулись. Позднее выяснилось, что командир заявил подчиненным, что разрешает им отступить, но сам будет сражаться до конца. Солдаты решили остаться вместе с ним. Около полуночи саперы при свете ракет увидели танки и пехоту, которые двигались с севера к Цитадели. Одновременно пришло известие, что дорога на Тересполь захвачена противником. Так и не выполнив задание, небольшой отряд саперов через Холмские ворота просочился на Южный остров, а затем благополучно вышел в окрестности Страдичей.

В первой половине дня 17 сентября через Западный остров в Цитадель по неразрушенному мосту у Тереспольских ворот ворвался 76-й пехотный полк немцев. Со стороны города в крепость вошли подразделения 20-й моторизованной дивизии. Потери обеих сторон в этом сражении неизвестны. В плен в районе Брестской крепости попали 988 польских солдат и офицеров, в основном раненые. Много тяжелораненых и контуженых пришлось оставить в госпитале. С ними до конца были врачи-офицеры, санитары и медсестры под руководством капитана Феликса Драгана. Часть защитников заблудилась во время марша на Тересполь и, наткнувшись на противника, была взята в плен. Однако большинство польских подразделений прибыли в назначенное место сбора в район Коденя. Около 2000 польских солдат и офицеров группировки «Брест» под командованием подполковника Хорака продолжали борьбу на Люблинщине до 1 октября.

В Полесье были развернуты войска 23-го стрелкового корпуса (52-я стрелковая дивизия и корабли Днепровской флотилии) комдива С.Д. Акимова, которым было запрещено переходить границу до особого распоряжения. Корпус присоединился к Освободительному походу лишь вечером 18 сентября, нанося удар во фланг и тыл оперативной группе «Полесье» генерала Клебэрга (впрочем, о ее наличии советское командование не имело понятия). В состав группы входили пехотная дивизия «Кобрин» (семь батальонов пехоты, два гаубичных дивизиона), Подлясская кавалерийская бригада и Пинская речная флотилия, насчитывавшая 102 боевые и вспомогательные единицы. Главной ударной силой флотилии были четыре монитора типа «Варшава» и два монитора типа «Краков».

Возле самой советской границы, в Давид-Городке, с 15 сентября размещалась эвакуированная из Варшавы штаб-квартира Корпуса пограничной охраны под руководством генерала Вильгельма Орлика-Рюкеманна, которому номинально подчинялись все польские погранич-

ные части. Однако реально генерал имел связь только с бригадой КОР «Полесье», батальоном КОР «Клецк» и полком КОР «Сарны».

17 сентября около 5 часов утра командование КОР получило сообщение, что советские войска перешли границу и напали на пограничные заставы. «Не только с момента объявления всеобщей мобилизации, но и до конца войны руководство КОР не получило ни одной директивы или приказа, что нам делать – на случай войны с Германией либо войны на два фронта», – указывал в донесении Рюкеманн. Все это время Корпус погранстражи играл лишь роль резерва живой силы для формирования армейских соединений.

Тем не менее на запросы командиров генерал без колебаний отдал приказ об организации обороны и оказании сопротивления противнику, хотя он отлично понимал, что пограничная стража слишком слаба, чтобы сдерживать натиск Красной Армии. Командующий рассчитывал дать хоть какое-то время для подготовки к боевым действиям с новым врагом частям Войска Польского, размещавшимся в Полесье. Однако связаться с генералом Клебэргом ему не удалось. Между тем в штаб оперативной группы «Полесье» весть о советском вторжении пришла от командира бригады КОР подполковника Ружицкого-Колодейчика. Генерал Клебэрг, также осознавая слабость и малочисленность пограничных частей, отдал приказ сопротивляться как можно дольше, а в случае неудачи отходить на запад. Из-за отсутствия связи между двумя довольно многочисленными польскими группировками – КОР, насчитывавшей почти 7000 человек, и группой «Полесье» – они действовали независимо друг от друга.

Польские пограничники, несмотря на подавляющее превосходство в силах частей Красной Армии, оказали им упорное сопротивление. Так, батальон «Людвиково» под командованием капитана Анджея Шумлинского численностью в 700 бойцов и командиров, из которых 100 вообще не имели оружия, вел бой до 15 часов и своих позиций не сдал, пока не получил приказ на отступление к Луницу. Его потери составили 8 человек убитыми, 9 ранеными, 7 попавшими в плен. К Луницу, на соединение с бригадой «Полесье», лесами отходил и батальон «Клецк». Части КОР были оттеснены в южном направлении, но не потеряли боеспособности и сдаваться не собирались.

Генерал Клебэрг решил обороняться вверенными ему силами до конца, развернув их на север и используя многочисленные естественные преграды. В ночь с 17 на 18 сентября он отдал общий приказ об обороне Полесья на линии Кобрин – Пинск – Лунинец.

Весь день 18 сентября левое крыло дивизии «Кобрин» под командованием полковника Адама Эплера, заняв позиции по берегу канала и реки Мухавец и взорвав мост, билось за родной город с частями 2-й моторизованной дивизии генерала Бадера.

Вечером последовал фланговый удар 23-го стрелкового корпуса Акимова, наступавшего с запада на восток по обоим берегам Припяти. Под натиском советской пехоты, поддержанной танками, батальон КОР «Сенкевичи» начал отход на Лунинец, а батальон «Давид-Городок» – на Столин. Штаб КОР переместился в Столин. Исходя из изменившейся оперативной обстановки, генерал Рюкеманн назначил район сосредоточения частей погранстражи: территорию между реками Припять и Стырь, возле деревни Морочно. Генерал Клебэрг отдал приказ командующему Пинской флотилией командору Витольду Зайончковскому приготовить к подрыву суда, заминировать мосты в Городище, Мостах, Волынске, Пинске, переправы на Королевском канале, а также приступить к эвакуации экипажей, военного снаряжения, средств связи, запасов продовольствия и горючего. Штаб оперативной группы «Полесье» перебрался в деревню Любейшов. Дивизия полковника Эплера, потеряв убитыми 127 человек, в 22 часа оставила Кобрин и отступила на юг.

Утром 19 сентября генерал Рюкеманн перенес свою штаб-квартиру из Столина в деревню Морочно и вместе со своим начальником штаба майором Гавроньским на автомобиле выехал в Любейшов, чтобы установить личный контакт с генералом Клебэргом и скоординировать действия обеих группировок. Только к этому времени штаб группы «Полесье» через Ковель

получил «общую директиву» маршала Рыдз-Смиглы, согласно которой, избегая боев с Красной Армией, следовало пробиваться в юго-западном направлении, в Румынию или Венгрию. На взлетном поле возле Пинска базировались три бомбардировщика типа «Лось». Командир эскадрильи предложил доставить Клебэрга и его штаб в Румынию. Получив отказ, авиаторы откланялись и улетели. Командующий принял решение сконцентрировать свою оперативную группу южнее Припяти, в районе Камень-Каширского, и отходить через Ковель и Луцк. Генерал Рюкеманн предложил выждать один-два дня, пока к Любейшову подтянутся части КОР, и объединить силы. Клебэрг ждать отказался и назначил местом встречи Ковель. На следующий день ОГ «Полесье» начала марш на юг.

В 11 часов 19 сентября части 52-й стрелковой дивизии полковника И.Н. Руссиянова заняли Лахву. Продвигаясь дальше, советские войска в Кожан-Городке были обстреляны отрядом погранстражи. Развернувшись, красноармейцы вступили в бой и вскоре оттеснили поляков в лес. В ходе стычки советские части потеряли 3 человека убитыми и 4 ранеными. В плен были взяты 85 польских военнослужащих. Около 17 часов 205-й стрелковый полк с 1-м дивизионом 158-го арtpолка занял Давид-Городок. В 19.30 советские части вошли в Лунинец. После этого дивизия получила новую задачу: продвигаясь вдоль течения Ясельды в направлении Пинска, захватить переправы через реку, а затем и сам город. Уже имея информацию о том, что польские части отходят на юг, Руссиянов сформировал моторизованный отряд под командованием начальника штаба дивизии полковника Кузьмина в составе одной стрелковой роты, двух батарей и дивизиона гаубичного арtpолка. Корабли Днепровской флотилии под командованием капитана 1 ранга Г. Чубунова дошли до устья реки Горынь и вынуждены были остановиться из-за чрезвычайно низкого уровня воды.

Утром 20 сентября, двигаясь по течению Ясельды, отряд Кузьмина в районе деревни Дубовичи наткнулся на следовавшую в сторону Пинска группу польских пограничников численностью 130 человек, которая была окружена и разоружена. Около 16 часов, предотвратив взрыв железнодорожного моста через Ясельду, отряд вышел к Пинску (причем одни источники повествуют о неких героических бойцах, перебравшихся на другой берег и «перерезавших провода»; местные краеведы – о повстанческом отряде М.Г. Пискуна, заблаговременно захватившем мост и обезоружившем охрану). Вперед был выслан кавалерийский эскадрон, неприятеля в городе не обнаруживший. Президент городского магистрата Алявинский сначала велел гордо вывесить национальные флаги, но в последний момент одумался и приказал заменить их одним – белым. Около 18 часов советские танки и пехота вступили в город. Когда красноармейцы оказались на главной площади, из окон костела и соседних домов по ним был открыт пулеметный огонь. В ответ прямой наводкой шарахнула советская артиллерия.

Лишь подход основных сил 52-й стрелковой дивизии позволил утром 21 сентября прочесать Пинск и очистить его от противника, взяв в плен 6 офицеров и 145 рядовых. Добровольно пришли из окрестностей города и сложили оружие еще около тысячи солдат польской армии. Советские потери составили 4 человека убитыми, 5 ранеными, 2 красноармейца попали в плен.

В эти же дни польские экипажи уничтожали суда Пинской флотилии. «Скоро начали раздаваться взрывы, – по горячим следам обличала новорожденная «Полесская правда», – один... другой... третий... Поляки уничтожали речной флот, построенный потом и кровью трудящихся масс».

На реке Горынь, в 8 километрах от ее впадения в Припять, был затоплен «Генерал Шерпинэк». На 73-м километре Припяти взорвали корабли «Генерал Сикорский», «Генерал Сосиновский», «Нептун», «Килиньский», «Гетман Ходкевич», мониторы «Торунь», «Пинск», «Городище», «Варшава». «Генерала Шептыцкого» сожгли западнее деревни Козляковцы, на реке Струмень затопили канонерские лодки «Быструю» и «Дерзкую». Последними погибли монитор «Краков» и канлодка «Яростная». Они вошли в Королевский канал и добрались до

железнодорожного моста на Иваново. Мост оказался обрушен, и командиры затопили свои корабли. По железнодорожной насыпи моряки двинулись на Камень-Каширский, часть экипажей повернула на запад. Всего из состава бывшей флотилии в группу «Полесье» влились два батальона «речной пехоты» (впоследствии польские мониторы были подняты советскими водолазами и, после ремонта, включены в состав Днепровской военной флотилии под новыми именами – «Бобруйск», «Винница», «Витебск», «Житомир», «Смоленск»; в летней кампании 1941 года все они вновь попадут в аналогичную ситуацию и вновь будут уничтожены собственными экипажами).

С 21 сентября 23-й стрелковый корпус был подчинен 4-й армии. В 14 часов 22 сентября советские войска заняли Иваново (Янув).

Украина дорогая

Войска Украинского фронта 17 сентября тоже перешли государственную границу и стали продвигаться в глубь Польши. На территории Западной Украины польская армия почти не оказала сопротивления, имея на то уважительные причины – приказ маршала Рыдза-Смиглы и возможность уйти в Румынию.

На северном фланге от Олевска до Ямполья развернулась 5-я армия (15-й и 8-й стрелковые корпуса – 80 844 человека, 635 орудий и минометов, 522 танка), которой была поставлена задача «нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам, решительно и быстро наступать в направлении Ровно». В районе Олевска сосредоточилась 60-я стрелковая дивизия, нацеленная на Сарны. Две другие дивизии 15-го стрелкового корпуса (87-я и 45-я) развернулись в районе Городница – Корец, имея ближайшую задачу выйти к реке Горынь, а к исходу дня занять Ровно. 8-й стрелковый корпус (81-я и 44-я стрелковые дивизии, 36-я танковая бригада), занявший исходный рубеж в районе Острог – Славута, должен был к концу дня занять Дубно. 18 сентября обоим корпусам следовало быть в Луцке и двинуться в сторону Владимира-Волынского.

Армия комдива Советникова на своем участке перешла границу почти беспрепятственно. Лишь в районе Устья гарнизон стражницы № 11 попытался дать отпор 16-му стрелковому полку 87-й дивизии. Основная масса советских войск продвигалась на запад походным порядком.

К вечеру 17 сентября передовой отряд 45-й стрелковой дивизии занял Ровно, где разоружил мелкие польские части. Наступавшая севернее 87-я стрелковая дивизия 19 сентября в районе Костополя вступила в бой с противником силой до двух пехотных полков с артиллерией. В ходе стычки польский отряд был разбит и до 1500 солдат попали в плен, 25 орудий стали советскими трофеями. Соединения 15-го корпуса продолжали марш на запад, продвигаясь вслед за отходившими группами польских солдат и пограничников.

Наступавшая в первом эшелоне 8-го стрелкового корпуса 36-я танковая бригада (301 танк Т-26), «улыбаясь и размахивая шлемами» – это о них доносил начальник луцкого гарнизона, двинулась в сторону Дубно, но в первый день наступления танкисты старались не отрываться от стрелковых частей, испытывая трудности с подвозом горючего. В местечке Мирогоща две бронемашины под командованием старшего лейтенанта Аксенова остановили четыре эшелона с польскими войсками. Пока одна бронемашинка держала под прицелом головной паровоз, Аксенов вступил в переговоры с польским начальником эшелонов и заявил ему, что в случае попытки увести эшелоны на запад он вызовет авиацию и скрывающиеся в засаде танки. Этот блеф заставил поляков отказаться от отправки эшелонов. К утру 18 сентября к Аксенову подошли пять танков, поляки сдались.

Между тем 36-я бригада заняла Дубно, где были разоружены тыловые части 18-й и 26-й польских пехотных дивизий. Всего в плен попало 6000 военнослужащих, трофеями советских

войск стали 12 орудий, 70 пулеметов, 3000 винтовок, 50 автомашин и 6 эшелонов с вооружением. Как видно, в Дубно были сконцентрированы значительные польские силы, одних офицеров насчитывалось около 500 человек. Однако никто и не подумал сопротивляться. Командовавший дубненской боевой группой полковник Ян Скоробогатый-Якубовский, не дожидаясь «общей директивы», да и не имея возможности ее принять, сам дезорганизовал свое воинство, объявив: «Советские войска большими силами перешли границу Польши на всем протяжении. Подробности нет. Я только что получил приказ, чтобы мы не оказывали абсолютно никакого сопротивления в случае встречи с отрядами Красной Армии, которая вступила в край, чтобы вместе с нами сражаться против немецкого нашествия... Есть слухи, что в нескольких приграничных пунктах имело место братание. Имею надежду, что это станет повсеместным явлением». Некоторые авторы предполагают, что полковник был просто советским агентом. Офицерский состав, не пожелавший брататься, на грузовиках выехал на юг и, преодолев 120 километров, к ночи добрался в Бережаны.

В 11 часов 18 сентября советские войска после небольшого боя заняли Рогачув, где было взято в плен 200 польских военнослужащих и захвачено четыре эшелона с вооружением и боеприпасами. К 17 часам танковая бригада и разведывательный батальон 45-й стрелковой дивизии без боя вступили в Луцк. В этом районе польские тыловые части под руководством генерала Петра Скуратовича занимались созданием линии обороны по реке Стырь, естественно, фронтом на запад. 18 сентября генерал получил приказ распустить свою группу и прибыть в Станислав. В районе Луцка было разоружено и взято в плен до 9000 польских военнослужащих, захвачено 7000 винтовок, 40 пулеметов, 1 танк и 4 эшелона военного имущества. Угодил в плен и впоследствии был расстрелян генерал Скуратович.

Утром следующего дня 36-я танковая бригада двинулась к Торчину, из которого выступила на Владимир-Волынский и в 22.30, после небольшого боя в районе казарм школы хорунжих и 27-го артполка, вступила в город. 20 сентября командир бригады комбриг Богомолов вел переговоры с начальником польского гарнизона генералом Мечиславом Сморовинским об условиях сдачи города. Договорились «честно» о том, что гарнизон может свободно покинуть Владимир-Волынский и уйти за Буг, но личное оружие будет оставлено только офицерам. Но едва польская колонна с генералом во главе начала движение в сторону Устилуга, как оказалась окружена танками, с которых сообщили, что «в связи с изменениями в международной обстановке» все поляки отныне являются военнопленными. Офицеров разоружили, колонна развернулась на 180 градусов и под конвоем замаршировала на Луцк. Останки генерала Сморовинского найдут в Катыни.

60-я стрелковая дивизия к утру 19 сентября достигла Сарненского укрепленного района и приступила к его штурму. Советским частям, поддержанным танками, пришлось вести борьбу с долговременными огневыми точками на правом берегу реки Случь. Оборону на этом рубеже держали хорошо оснащенные подразделения полка КОР «Сарны» (батальоны «Сарны», «Рокитно», «Березно») под командованием подполковника Никодема Сулика. Им оказывал огневую поддержку занявший позицию в районе станции Немовичи бронепоезд № 51 «Первый маршал». После двухдневных боев советские войска прорвали укрепрайон и 21 сентября вошли в Сарны. Польские пограничники отступили в Полесье на соединение с группой генерала Рюкеманна, бронепоезд был отправлен в сторону Ковеля.

В ночь с 20 на 21 сентября разведывательный батальон 45-й стрелковой дивизии вступил в Ковель. Находившиеся в городе части польских войск, численностью около 2000 человек, организованного сопротивления не оказали и заблаговременно отступили на запад, стремясь перебраться на левый берег Буга. Разведбат их не преследовал «из-за отсутствия достаточных сил» и занялся отловом стрелявших с чердаков полицейских. Однако польская колонна, двигаясь по шоссе на Владимир-Волынский, не подозревала о том, что от Владимира на Ковель идут советские танки и пехота 8-го корпуса. Встреча состоялась в полдень у деревни Верба.

Танкисты категорически отказались пропустить поляков за Буг и предложили капитулировать без затей. Разоруженная колонна под охраной побрела в Луцк.

По свидетельству очевидца, «Советы организовали в Луцке «полевой суд», лепивший обвинения «в подготовке в тылу Красной Армии нападения на Советский Союз». Под этот суд попали комендант города полковник Хаберлег, его заместитель, полицейские, чиновники, украинские националисты. На заседаниях первую скрипку играл некий Эттингер, студент права, сын местного зажиточного торговца, еще до войны занимавшийся коммунистической деятельностью. Теперь он являлся командиром «Рабочей Гвардии местечка Луцк» и исполнял роль «консультанта». Достаточно было утверждения Эттингера: «Это националистическая сволочь» – и уже без всяких расспросов проводивший заседание политрук делал не вызывавший сомнений знак ожидающим «стрелкам».

Впрочем, даже до такого «суда» дело не всегда доходило. Переполненные классовой ненавистью, бойцы и командиры нередко расправлялись с «панами», в первую очередь с офицерами, выражаясь нашим канцелярским языком, «в порядке самочинства»: «...так, в районе Ковеля советский отряд напал на группу около пятидесяти польских солдат. Двое из них были застрелены во сне. Из десяти офицеров, находившихся в этой группе, одному, подпоручику 53-го пехотного полка, советский командир выстрелил из нагана между глаз, остальных приказал привязать к деревьям их собственными поясами и расстрелять. Успели убить четверых, когда подъехал старший начальник и приказал прекратить экзекуцию. Привязанные тела убитых приказал оставить «для устрашения». Это польский источник. Есть и российские, их просто долго прятали: «27 сентября в 146-м стрелковом полку после перестрелки с группой польских солдат и захвата их в плен 15 солдат по приказу старшего лейтенанта Булгакова и старшего политрука Кольдюрина были расстреляны из пушки» (всплывает из школьного детства картинка в учебнике новой истории: «Расстрел восставших сипаев английскими колонизаторами»).

Много лет спустя житель деревни Радын Малоритского района П.Д. Гаврилюк на вопрос: «Были ли случаи убийства польских полицейских и других представителей польских властей?» – ответил просто: «Если советские солдаты встречали кого-то в польской форме (польских офицеров, полицейских), то их убивали на месте... Сельские жители тоже хотели побыстрее избавиться от поляков, устроить свою мирную жизнь».

Как любой поход любого освободительного воинства в чужую землю, этот сопровождался грабежами, насилием и мародерством. Как в любой армии мира, советское командование старалось с этими явлениями бороться. Хотя, если местными членами «рабочих отрядов» и «красной гвардии» совершались убийства на почве классовой ненависти, на это смотрели сквозь пальцы, давая выплеснуться «народному гневу».

87-я стрелковая дивизия на рубеже деревень Боровичи – Навуз натолкнулась на части 3-го польского пехотного полка (до войны – полк КОР «Глубокое») под командованием полковника Зайончковского. За неделю до этих событий полк был погружен в эшелон и направлен в Львов. Однако до места назначения он не добрался и 16 сентября был вынужден «спешиться» в районе Костополя: железнодорожный путь оказался разрушен немецкими бомбардировщиками. Затем пришла весть о советском нападении. Вечером 18 сентября командир полка созвал совещание офицеров, на котором сообщил о принятом им решении, избегая столкновений с войсками Красной Армии, двигаться на соединение с оперативной группой генерала Клебэрга. Марш на запад начался в 6 утра 20 сентября. Полк был неплохо вооружен и, кроме всего прочего, имел 12 противотанковых орудий. За военной колонной тянулась длинная вереница беженцев со скарбом, пожелавших уйти за Буг. Около 14 часов следующий головным 3-й батальон приблизился в местечко Колки, где был обстрелян из пулеметов. Батальон развернулся в боевой порядок. Затем последовала дивная для поляков сцена:

«В решающий момент из местечка Колки выехал черный легковой автомобиль, он на минуту задержался возле головных отрядов пехоты и двинулся дальше в нашем направлении.

Подъехав на опушку леса, он остановился, из него вышли четыре подозрительного вида типа в гражданском и спросили: «Где командир?» – «Я командир», – ответил полковник Зайончковский. Один из прибывших, дюжий верзила, одетый, правда, наиболее прилично, предложил командиру полка сложить оружие, иначе через мост на реке Стырь они нас не пропустят. «Кто вы такие?» – прорычал полковник Зайончковский. «Сельсовет», – ответил верзила. Казалось, полковника хватит удар. Он был взбешен. Некоторое время он размышлял, то и дело повторяя громко: «Сельсовет!» – а затем отдал приказ арестовать господ вместе с их автомобилем».

Вскоре Колки были взяты штурмом. Выяснилось, что новая власть уже успела перестрелять не успевших бежать местных полицейских. Над четырьмя сельсоветчиками немедленно учинили военно-полевой суд и тоже пустили их в расход. Вечером того же дня 3-й полк по мосту перешел через реку Стырь.

21 сентября возле деревни Навуз 1-й батальон схлестнулся с передовыми подразделениями 87-й стрелковой дивизии. При входе в деревню советский разведбатальон и танковая рота были внезапно обстреляны ружейно-пулеметным огнем и огнем противотанковых орудий. Пришлось отступить, потеряв три танка и три грузовика. Тогда в бой были брошены подразделения 16-го стрелкового полка, 43-го разведбатальона, 212-го гаубичного артполка и 71-го противотанкового дивизиона. 22 сентября обе стороны наращивали силы. Целью польской атаки был прорыв к деревне Янувка, возле которой находился мост через реку Стоход. Однако, ввиду явного превосходства противника, под ураганным огнем советской артиллерии и ударами с воздуха сделать этого не удалось. В результате поляки потеряли 260 человек убитыми и ранеными и 120 пленными. Потери советских войск составили 99 человек убитыми, 137 ранеными.

Ночью из батальонов дезертировали почти все солдаты – не поляки. Остатки полка были окружены в районе деревни Радосин. В полдень 23 сентября полковник Зайончковский, считая положение безнадежным, выслал в советское расположение знающего украинский и русский языки командира 3-го батальона подполковника Яна Лаховича с двумя офицерами, чтобы оговорить условия капитуляции. Принявший их «политический комиссар» на все требования «панов» о гарантиях и соблюдении правил обращения с военнопленными глубокомысленно кивал, а затем без возражений подписал джентльменский протокол. В 17 часов 3-й пехотный полк разоружился и сдался. Полковник Зайончковский, не дожидаясь возвращения парламентаров, бежал, переодевшись в партикулярное платье.

К исходу 22 сентября войска 5-й армии вышли на рубеж Ковель – Рожице – Владимир-Волынский – Иваничи. 60-я стрелковая дивизия очищала Сарненский УР от вооружения и боеприпасов. Восточнее Ковеля, на станции Поворск, советская авиация настигла оказавшегося в ловушке «Первого маршала». В результате бомбардировки бронепоезд получил повреждения, понес потери в людях. В ночь на 23 сентября командир приказал вывести из строя вооружение и распустил экипаж, сам с отрядом из 50 человек присоединился к группе Рюкеманна. Позднее бронированный трофей достался чекистскому ведомству и после ремонта был включен в состав 10-й дивизии НКВД под наименованием бронепоезд № 77 (интересно, что до начала 1920 года он уже состоял на вооружении Красной Армии, был захвачен поляками и под именем «Стрелец Кресовы» успел повоевать за Речь Посполитую; после нового призыва под красные знамена и недолгой службы по охране железных дорог в Западной Украине снова был взорван и брошен экипажем в июле 1941-го; немцы бронепоезд реанимировали, и он стал называться Panzer Zug № 10, под конец войны «ветеран» трех армий был окончательно добит советскими штурмовиками).

В полосе 6-й армии (17-й стрелковый и 2-й кавалерийский корпуса – 80 834 человека, 630 орудий и минометов, 675 танков) штурмовая группа пограничников и красноармейцев в 4 часа утра 17 сентября захватила Волочиский мост. Через полчаса артиллерия 17-го стрелко-

вого корпуса нанесла удар по вражеским объектам на противоположном берегу реки Збручъ, и войска приступили к форсированию, используя захваченный мост и наведенные переправы. Проведя учения по преодолению водной преграды, части 17-го корпуса (96-я и 97-я стрелковые дивизии, 38-я и 10-я танковые бригады) свернулись в походные колонны и двинулись в сторону Тарнополя. Подвижные соединения быстро обогнали пехоту, и уже к вечеру 10-я танковая бригада (98 танков Т-28 и 40 танков БТ, 19 броневых автомобилей) вступила в город. Наступавшая севернее 24-я танковая бригада (305 танков БТ, 8 танков Т-26, 28 броневых автомобилей) полковника П.С. Фотченкова совместно со 136-м стрелковым полком 97-й дивизии прошла Доброводы и, обойдя Тарнополь с северо-запада, около 22 часов вышла на его западную окраину и приступила к ее очистке от польских частей. С севера в город вошли 11 танков 5-й кавалерийской дивизии 2-го кавкорпуса.

Хотя организованного сопротивления оказано не было, без стрельбы не обошлось. Так, несколько польских солдат с двумя офицерами установили пулеметы на башне костела в центре Тарнополя и открыли огонь по советским войскам. «Неожиданно с костела полоснул по улице плотный пулеметный огонь, – вспоминал С.М. Штеменко. – Заржали кони, забегали люди. Поднялась ответная стрельба. Прекратить ее нельзя было до самого рассвета. Время от времени она вспыхивала то в одном, то в другом конце города. В костеле мы обнаружили утром груды пустых гильз, но того, кто вел огонь по улице, задержать не удалось. Говорили, это – ксендз, успевший улизнуть потайным ходом». Жители города историю с ночными пулеметчиками тоже запомнили надолго, только в их описании концовка была несколько другая, чем у нашего генерала армии. Утром казачки согнали к костелу 100 человек местных и объявили их заложниками. После чего польские офицеры застрелились, солдаты капитулировали. День 18 сентября пришлось посвятить зачистке города от «бандитов». В ходе перестрелок Красная Армия потеряла 3 человека убитыми и 37 ранеными. Одновременно в Тарнополь вступили войска 17-го стрелкового корпуса. В плен было взято 600 польских военнослужащих.

Наступавшие севернее соединения 2-го кавалерийского корпуса, преодолев реку Серет, получили приказ Тимошенко форсированным маршем двигаться к Львову и овладеть городом. Так как конский состав нуждался в отдыхе, командир корпуса создал сводный моторизованный отряд под командованием комбрига Я.С. Шарабурко из 600 кавалеристов, посаженных на танки 5-й кавдивизии, и батальона 24-й танковой бригады. Отряд двинулся к Львову, по пути «собрав» до 6000 пленных. Остальные войска 6-й армии по мере возможности также стягивались к главной цели – Львову. У Сасува 14-я кавалерийская дивизия сломала сопротивление местного гарнизона и полиции, взяв в плен 1155 человек и захватив 200 винтовок. В ночь на 19 сентября от Бродов к городу подошла колонна польских войск, которая также была разоружена. В плен было взято еще 12 096 человек, трофеи составили 12 тысяч винтовок, 26 орудий, 275 пулеметов, 32 автомашины и 1200 лошадей.

К утру 19 сентября 2-й кавкорпус занял Злочув, а к вечеру 20 сентября 14-я кавдивизия достигла Ярычева, Барщевеце, 3-я кавдивизия – Калиновки, Бялки Шляхецкой в 8 километрах от Львова.

Не одержав впечатляющих военных побед, армия комкора Голикова особо отличилась на другом фронте – расстрельном. Запевалой в этом деле был сам Филипп Иванович. Так, 21 сентября в Злочуве, вспомнив свою юность в рядах карательной бригады, командарм не глядя подмахнул бумажку, разрешавшую начальнику особого отдела 2-го кавалерийского корпуса Кобернюку расстрелять любых десять человек по его выбору. Оный Кобернюк выехал в город, арестовал начальника тюрьмы, его заместителя, прокурора, несколько чиновников полиции и администрации и «всех этих лиц, в счет установленного Военным советом 6-й армии лимита», расстрелял. Чуть позже, дабы не стеснять похвальную инициативу подчиненных «лимитами», Голиков и член Военного совета бригадный комиссар Захарычев дали осо-

бистам добро «быстро арестованных» врагов народа убивать «упрощенным порядком». Эта «установка» была доведена также до командиров соединений и частей. Без суда расправлялись над пленными польскими военнослужащими, полицейскими и «мирными жителями кулацкого происхождения». Эхо этой стрельбы докатилось аж до товарища Сталина в виде жалобы прокурора армии, не сумевшего унять командарма и просившего центр «навести в нашей 6-й армии большевистский порядок».

Доказано, что рейхсфюрер Гиммлер был военным преступником, он преступные приказы отдавал. А вот маршал Голиков – полководец и освободитель Украины. Правда, «за вынесение поспешных постановлений» Филиппа Ивановича все же наказали – приказом наркома обороны объявили ему выговор. Нижестоящим «борцам с угнетателями», учитывая, что в их поступках «не было преднамеренной и злой воли, что все это происходило в обстановке боевых действий и острой национальной и классовой борьбы», вынесли символические дисциплинарные взыскания.

Между тем 1-я горно-пехотная дивизия Вермахта вышла к Львову еще 12 сентября и завязала бои в предместье, однако гарнизон успешно отбил все атаки. Благодаря энергии и распорядительности командующего округом корпуса VI генерала Владислава Лянглера и главы городской администрации Станислава Островского, массовому вступлению в армию городской молодежи, подходу резервов силы защитников Львова насчитывали 24 батальона пехоты, 3 кавалерийских эскадрона, роту саперов, входивших в состав 35-й пехотной дивизии, 33-го артиллерийского полка, не считая различных отрядов. На вооружении состояло 78 полевых и 16 зенитных орудий. Не хватало противотанковых орудий, зато было 6000 пулеметов. 18 сентября в город прибыли бронепоезда «Смелый» и «Маршал Гловацкий», три эшелона с вооружением и боеприпасами. На складах имелось по четырнадцать боекомплектов, запасов продовольствия было накоплено почти на три месяца, топлива – на полгода. Были созданы все предпосылки для длительной обороны. Кроме того, с северо-запада, через Яновские леса и немецкие заслоны, к городу прорывались остатки армии «Малопольска» генерала Казимира Соснковского. Гражданское население страдало от воздушных бомбардировок и ежедневно гибло сотнями, но германское командование напрасно ожидало капитуляции Львова.

К этому времени цель, с которой Красная Армия пересекла советско-польскую границу, уже не вызывала сомнений. Немцы забросали город листовками, в которых, в частности, говорилось: «Русские пересекли границу как союзники Германии и протянули руку немецким войскам... Всякое сопротивление бессмысленно», – и предлагали высылать парламентаров. На совещании руководства корпуса генерал Лянглер заявил: «Большевики приближаются к Львову. Трудно установить точно, где они. Я имею приказ не сражаться с ними, но в город их не пустим». На улицах появились отряды добровольцев, вроде роты «Львовских бензинеров», вооруженных бутылками с горючей смесью для борьбы с танками.

Около 2 часов ночи 19 сентября к Львову вышел сводный отряд комбрига Шарабурко – кавалерийский полк и 35 танков. При их приближении польская артиллерия открыла огонь. Преодолевая уличные баррикады, головной разведывательный батальон в составе шести танков прорвался к центру города, но был встречен огнем 5-й батареи 33-го артполка, стоявшей у костела. В завязавшейся перестрелке головной танк был подбит, поляки потеряли одно орудие.

В 6 утра советский отряд отступил к селению Винники в трех километрах восточнее Львова и занялся разоружением стекавшихся к Львову польских частей. Однако буквально через пару часов он внезапно натолкнулся на немцев, обходивших город с юго-востока. Каждый из «союзников» считал, что никого, кроме поляков, здесь быть не может, и, вместо того чтобы пожать друг другу руки, открыл огонь. Как докладывал Тимошенко: «Посланные две наши бронемашины из Львова по другой дороге навстречу нашим войскам внезапно подверглись артиллерийскому обстрелу. Наши подумали, что это польские войска, и огнем 45-мм

пушек и пулеметов подбили две противотанковые пушки... Наши две бронемашины с их славными экипажами дрались до последнего момента и сгорели». Первый контакт грозил обернуться настоящим сражением. Командир бригады выслал в немецкое расположение бронемашину с парламентерским знаком – куском нижней рубахи на палке. Танки и бронемашинны выбрасывали красные и белые флажки, но огонь не прекращался. Обе стороны понесли потери: у немцев было подбито 3 противотанковых орудия, погибли 3 офицера и получили ранения 9 солдат. Бригада лишилась двух бронемашин и одного танка, было убито 3 и ранено 4 человека. Разобравшись в обстановке, стороны решили обсудить ситуацию и начали переговоры, в ходе которых разгорелся спор по вопросу, кому брать Львов.

На бронемашине приехал командир 137-го горно-пехотного полка полковник фон Шляммер. С советской стороны в подкрепление комбригу Шарабурко прибыл командующий артиллерией Украинского фронта комбриг Н.Д. Яковлев. Обе стороны требовали друг от друга отвести войска от города. Немцы доказывали, что не могут отойти, «пока не уничтожены польские войска», советских представителей волновало признание факта, что Львов находится «на нашей стороне». Неоднократные переговоры велись в течение 19 и 20 сентября. Берлин даже предложил взять город совместным штурмом, а затем торжественно передать его Красной Армии, но Москву такой вариант не устроил.

Во Львов также послали советского парламентаря, но Лянглери пока было не до переговоров. 19 сентября группа генерала Соснковского предприняла последнюю отчаянную попытку прорваться к городу. К этому моменту армия «Младопольска» насчитывала 7 батальонов пехоты и 6 артиллерийских батарей – всего около 3000 человек и 20 орудий. Им навстречу львовский гарнизон силами пяти батальонов организовал сильную контратаку. Однако вылазка цели не достигла. Хотя были отбиты два населенных пункта и на пике сражения польские группировки разделяло всего полтора километра, пробить оборону противника не удалось. Немцы перебросили на помощь 1-й горно-пехотной дивизии части 2-й горно-пехотной и 7-й пехотной дивизий. Атаки генерала Соснковского успеха не имели. Его артиллерия быстро израсходовала остатки боекомплекта и не смогла в решающий момент поддержать пехоту. Лишь отдельным солдатам и офицерам удалось просочиться сквозь немецкие боевые порядки во Львов, остальные погибли либо попали в плен. Генерал Соснковский сумел пересечь венгерскую границу и далее добраться до Парижа.

Утром 20 сентября наступило затишье. Ни немцы, ни русские, занятые урегулированием взаимных претензий, войти во Львов не пытались. Но в небе над городом барражировали уже краснозвездные самолеты. Наконец, около полудня германский военный атташе в Москве генерал-лейтенант Эрнст Кёстринг сообщил Ворошилову о том, что Гитлер отдал личный приказ «о немедленном отводе немецких войск на 10 километров западнее Львова и передаче Львова русским».

В ночь на 21 сентября германские войска начали отход. Их позиции занимали советские части, готовясь к атаке города, назначенной на 9 часов утра. 2-му кавалерийскому корпусу были подчинены 38-я, 10-я танковые бригады и сводный отряд 97-й и 96-й стрелковых дивизий.

План штурма сводился к следующему: 14-я кавдивизия должна была атаковать город с севера и северо-востока, сводный отряд 17-го стрелкового корпуса с 38-й танковой бригадой – с востока; 5-я кавдивизия вместе с 10-й танковой бригадой – с юго-востока, а 3-я кавдивизия – с юга и юго-запада. Примечательно, что даже в боевом приказе польский гарнизон именовался некой «фашистской организацией».

Советские войска заняли назначенные позиции, но утром польское командование объявило о готовности вести переговоры. Генерал Лянглер дрогнул. Тем более «общая директива» приказывала с Советами не воевать. Правда, генерал ничего не предпринял для выполнения

второго пункта директивы – прорыва в Венгрию, хотя отход немецких войск создавал для этого реальные предпосылки.

В 17 часов возле дрожжевого завода на восточной окраине города генерал В. Лянглер, подполковник К. Рыжински, майор Я. Явич, капитан К. Чихирин встретились с комбригом П.А. Курочкиным и Н.Д. Яковлевым, бригадным комиссаром К.В. Крайнюковым, полковником Фотченковым, полковым комиссаром Макаровым и И.А. Серовым. В ходе переговоров выяснилось, что польский гарнизон готов капитулировать. Вернувшись в город, Лянглер собрал совещание командования обороны, на котором объявил о решении сдать город Советам. «Генерал ездил к советскому командованию, – вспоминал заместитель командира 38-й пехотной дивизии подполковник Ян Соколовский. – Он изложил ситуацию. Советские отряды окружили Львов. От Львова до Злочува в поле стоят бесконечные ряды советских танков. Большевики пришли не с миром. Они действуют в сговоре с Гитлером. Генерал указал на безнадежность ситуации. Правительство, президент страны и Верховный главнокомандующий находятся за границей. Дальнейшее сопротивление не имеет смысла и может закончиться полным уничтожением города. Переговоры уже ведутся». Большинство офицеров высказались за окончание «бесцельных» боев и обсуждение приемлемых условий капитуляции.

Утром 22 сентября генерал Лянглер и полковник Раковский с составленными накануне предложениями для переговоров прибыли в штаб 24-й танковой бригады в Винники. В 11.00 было подписано соглашение о «передаче города Львова войскам Советского Союза». При этом офицерам польских войск гарантировались «личная свобода и неприкосновенность их личного имущества. Выезд их на территорию других государств будет регламентироваться гражданскими властями в дипломатическом порядке». Всех их найдут в расстрельных рвах под Старобельском, кроме генерала Лянглера. Он каким-то чудом сумеет избежать ареста, уйти в Румынию, оттуда перебраться во Францию, а затем на Британские острова.

В 14.00 польские войска стали складывать оружие, час спустя соединения 2-го кавалерийского корпуса в пешем строю совместно с танками 24, 38 и 10-й танковых бригад вступили в город. Для европеизированных обывателей Львова Красная Армия, несмотря на обилие бронированной техники, выглядела ордой нищелюбов: «Бросается в глаза слабая обученность; марширующие войска отличаются низкой дисциплиной, неухоженностью и грязью. Заметно, что солдаты плохо накормлены, оружие неухоженное, обмундирование разномастное по цвету и покрою, многие в польских мундирах, обувь зачастую подвязана шнурками, чтобы не разлетелись, много дырявой. Общее впечатление – банда, а не армия».

Польский гарнизон выполнил соглашение о сдаче, лишь отдельные группы в нескольких местах открыли огонь с баррикад, но сопротивление было быстро подавлено. К вечеру 23 сентября в городе был наведен порядок, и основные силы советских войск были выведены на его окраины (среди множества трофеев оказались и два польских бронепоезда, которые после косметического ремонта были призваны на службу в чекистское ведомство. «Бартош Гловацкий» получил наименование бронепоезд № 58 и вошел в состав 3-й дивизии НКВД по охране железных дорог, «Смелый» стал бронепоездом № 75 в составе 4-й дивизии НКВД. Оба летом 1941 года были разбиты в дуэлях с немецкими танками и брошены командами).

Польские патриоты в Лондоне и Париже немало пеняли генералу Лянглеру за его «мало-душие и отсутствие широты мышления»:

«...Львов, согласно нашей оценке, мог быть удержан в польских руках еще две-три недели, возможно, до 10.10.1939. Это была бы самая продолжительная оборона последнего предела польской земли. Морально-пропагандистское и моральное значение такой обороны – на глазах всего света, внимание которого было тогда сосредоточено на Польше, – просто трудно переоценить... В целом роль Лянглера в период с 17.9.1939 следует оценивать крайне негативно».

Что ж, каков поп, таков и приход. В день, когда Лянглер обдумывал решение о капитуляции, в Румынии интернированный маршал диктовал свой последний приказ Войску Польскому:

«Солдаты!

Большевистское нападение на Польшу произошло в то время, когда наши войска совершали маневр, целью которого была концентрация сил в юго-восточной части Польши, чтобы, имея возможность получать поддержку, военные материалы и связь через Румынию с Францией и Англией, продолжать войну дальше. Нападение большевиков сделало невозможным выполнение этого плана. Все наши войска, способные сражаться, были связаны действиями против Германии. Я считал, что в сложившейся ситуации моей обязанностью было избежать бесцельного кровопролития в борьбе с большевиками и спасти то, что еще можно спасти. Выстрелы в большевиков, произведенные частями КОР, подтвердили, что мы не отдаем нашу землю добровольно. А поскольку в первые дни большевики не стреляли по нашим отрядам и не разоружали их, я решил, что имеется возможность вывести достаточно крупные силы на территорию Венгрии и Румынии. Я имел целью перевезти вас во Францию и там организовать польскую армию. Хотел, чтобы польский солдат принял участие в дальнейшей войне и чтобы при победоносном ее окончании существовала польская армия, которая представляла бы Польшу и ее интересы. Об этой важнейшей сегодня цели вы должны помнить. Хотя условия вашей жизни были наихудшими, вы должны держаться, не забывая, что являетесь солдатами, которых обязывает к тому долг и честь... Надо стиснуть зубы и держаться. Положение изменится, война продолжается. Будем еще биться за Польшу и вернемся в Польшу, принеся ей победу».

Фельдмаршал Манштейн, отдавая дань уважения храбрости польских солдат и офицеров, не смог скрыть презрения к их главнокомандующему:

«В маленьком зале, который мы избрали для столовой оперативного отдела нашего штаба, в качестве символа новой Польши висел писанный масляными красками портрет премьера Пилсудского, маршала Рыдз-Смиглы. В величественной позе, с серебряным маршальским жезлом в руке, который завершался толстым набалдашником и этим напоминал средневековые булавы, маршал стоял на фоне атакующей польской кавалерии. Самоуверенно и высокомерно он взирал сверху на нас. О чем думает этот муж в настоящее время? Судьба возглавляемой им армии уже решена. Государство, кормчим которого он был, находилось накануне катастрофы! Он сам, однако, как это вскоре выяснилось, не был Героем. Он оставил свою армию на произвол судьбы и бежал в Румынию, не забыв предварительно переправить туда же свою движимость».

В ноябре 1939 года премьер-министр Владислав Сикорский официально снял Рыдза-Смиглы с поста главнокомандующего. В конце 1940-го маршал бежал из-под стражи, нелегально перешел румынскую границу с Венгрией и осел в Будапеште. Новому польскому правительству он оказался абсолютно не нужен, даже в качестве командира полка. Польское Сопротивление и вооруженные силы за границей возглавил генерал брони Соснковский. В октябре 1941 года Рыдз-Смиглы, решив установить связь с подпольем, пробрался в Варшаву, где через полтора месяца скоропостижно скончался от банального сердечного приступа.

На южном фланге Украинского фронта войска 12-й армии (13-й стрелковый, 4-й и 5-й кавалерийские, 25-й танковый корпуса – 77 300 человек, 527 орудий и минометов, 1100 танков) в пять утра 17 сентября приступили к форсированию реки Збруч. К вечеру советские части вышли на реку Стрыпа. 23-я танковая бригада (217 танков) двинулась через Борщев на Городенку и Коломыю. К 16.00 танкисты форсировали вброд Днестр и захватили около Городенки 6 польских самолетов. 18 сентября бригада вступила в Коломыю, где было разоружено до 10 тысяч польских военнослужащих из состава 24-й и остатков 2-й и 5-й пехотных дивизий.

Ночью 19 сентября 23-я танковая бригада получила приказ занять Станислав и двинулась к нему, преодолевая завалы на дороге. В 14 часов танки достигли города и сразу рванулись к Галичу, к которому подошли к вечеру следующего дня. Выступив на следующий день через Калуш, Долину и Болехов, бригада 21 сентября достигла Стрия.

Наступавший на правом крыле 4-й кавалерийский корпус под командованием комдива Д.М. Рябышева (32-я и 34-я кавдивизии, 26-я танковая бригада) в ночь на 17 сентября выслал на польскую территорию передовые разведгруппы с целью нарушить связь и захватить языков. Однако группы себя обнаружили и понесли потери в стычках с польскими пограничниками, не выполнив задачи. В результате при форсировании Збруча 4-й кавкорпус встретил организованное сопротивление польской погранстражи и в течение двух часов был вынужден вести бой на границе. Преодолев зону пограничных заграждений, корпус получил возможность развивать наступление на Подгайцы и к вечеру вышел на реку Стрыпа в районе Соколува. Тем временем 13-й стрелковый корпус (72-я и 99-я стрелковые дивизии) вышел к Днестру, а 5-й кавкорпус (9-я, 16-я кавдивизии, 23-я танковая бригада) достиг Трибуховицы, Дулицы. 25-й танковый корпус (4-я, 5-я танковые, 1-я механизированная бригады – 462 танка, 74 броневых автомобиля) в 19.30 после непродолжительного боя занял Чортков, пленив там 200 польских солдат 41-го пехотного полка и захватив 4 самолета.

На следующий день соединения 4-го кавалерийского и 13-го стрелкового корпусов окружили и после недолгого боя пленили до 10 тысяч польских военнослужащих из остатков Позненской, 6-й и 22-й пехотных дивизий. 25-й танковый корпус своей 1-й механизированной бригадой в 16 часов занял Монастырку, где было взято в плен около 3600 польских военнослужащих. К вечеру 1-я механизированная и 4-я танковая бригады подошли к Подгайцам, а 5-я танковая бригада у Домброва вела бой с польским артполком, в ходе которого было взято в плен 2500 польских солдат, и вышла на окраину Галича. 19 сентября части 25-го танкового корпуса заняли Галич, захватив мосты через Днестр. 4-й кавалерийский вышел в район Рогатин, Бурштын, где получил дневку. 26-я танковая бригада вышла в район Галич, Большовцы. Передовые части 13-го стрелкового корпуса продвигались к Станиславу. В тот же день корпус был подчинен командующему пограничными войсками НКВД Киевского округа комдиву Осокину, получившему приказ Военного совета Украинского фронта «немедленно закрыть границу», чтобы «не допустить ни в коем случае ухода польских солдат и офицеров в Румынию». С 21 сентября войска 13-го стрелкового корпуса были развернуты вдоль границы с Румынией и Венгрией от Коломыи до Бескид.

25-й танковый корпус комдива С.М. Честохвалова и 5-й кавалерийский корпус комдива И.Г. Рубина в районе Галича вели бои с остатками 26-й и 28-й польских дивизий и взяли в плен до 20 тысяч поляков. 13-й стрелковый корпус занял Станислав и Калуш, пленив 11-тысячную сводную группировку, следовавшую из Бережан к румынской границе. В ее состав входили, в частности, полк тяжелых орудий, два дивизиона полевой артиллерии, два батальона саперов, несколько кавалерийских эскадронов. Не хватало самой малости – нормальных командиров, четких приказов и желания сражаться. «Нам обещали, – писал прошедший Старобельский лагерь Юзеф Чарский, – что рядовые будут отпущены, офицеры должны быть вывезены во Львов и там отпущены на волю. Сегодня кажется дикой слепотой то, насколько мы не были осведомлены во всем, что касалось советских войск. Однако тот удар ножом в спину для большинства был полной неожиданностью, люди были утомлены непрерывными битвами или – еще хуже – отступлениями без боя, полностью нарушенной связью, приказами, не соответствующими обстановке, пугающими известиями о разрушенной бомбардировками Варшаве, об оставлении страны президентом, правительством и высшим командованием. Люди хватались за соломинку со слабой надеждой: может быть, в самом деле Советы, в интересы которых не входит победа гитлеровской Германии, дадут нам возможность перебраться через границу

и принять участие в дальнейшей борьбе, уже не в Польше, здесь битва была проиграна, а во Франции?»

В 13 часов 20 сентября 25-й танковый корпус получил задачу к вечеру выйти в район Лисятыче, Стрый, а передовым отрядом занять Дрогобыч. Но на подступах к Стрию стало известно, что город занят германскими войсками, поэтому танковый корпус расположился на отдых. В 15 часов ему была поставлена новая задача – сосредоточиться у Журавно, где готовить переправы через Днестр для поддержки 4-го кавкорпуса против львовской группировки противника. Однако помощь действовавшим под Львовом войскам не потребовалась, и 25-й танковый корпус, сосредоточившийся в районе Луковец, Любша, Мазурувка, 22 сентября получил приказ двигаться на Подгорцы и далее на Комарно. Выйдя в ночь на 23 сентября в указанный район, части корпуса встретились там с подразделениями 2-й горно-пехотной дивизии Вермахта и были остановлены.

20 сентября войска 12-й армии продвигались на линию Николаев – Стрый. В районе Стрия был установлен контакт с немецкими войсками, которые 22 сентября передали город Красной Армии. 23 сентября туда же подошла 26-я танковая бригада. После переговоров советские войска были остановлены на достигнутой линии.

Пир победителей

Сразу же после вступления Красной Армии в Польшу с целью избежать «неожиданностей и случайностей» между Рейхом и СССР начался новый тур дипломатических переговоров. Вечером 18 сентября в беседе с Шуленбургом Сталин «как-то неожиданно» заявил, что у советской стороны есть сомнения относительно того, ответит ли германское командование войска «на линию, которая была определена в Москве», согласятся ли генералы возвращать захваченные территории. Посол заверил, что Германия «твердо намерена выполнять условия московского соглашения», а присутствовавший при разговоре генерал Кёстринг отчеканил: «Германские вооруженные силы будут делать только то, что приказывает фюрер».

На следующий день в «Правде» было опубликовано советско-германское коммюнике: «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования».

Вот так Польша как-то вдруг, непонятно распалась, взвалив на плечи Гитлера и Сталина тяжкий долг по восстановлению порядка и спокойствия. Заодно «Правда» поведала о том, как германское население единодушно приветствует решения советского правительства, радуется за белорусов и украинцев и «оживленно обсуждает успешные операции Красной Армии», отмечая флажками на картах ее продвижение.

Вечером 19 сентября Молотов вызвал Шуленбурга и заявил ему, что момент «созрел» – пора конкретно делить польские территории и окончательно определиться с поставленным в тайном протоколе вопросом: «Желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства?» Что касается советского правительства, то если раньше оно предполагало допустить существование каких-то остатков Польши, то теперь это намерение уступило желанию Польшу по-братски поделить по линии четырех рек. Откладывать не стоит, переговоры следует начать немедленно и проводить их в Москве, так как «лица, наделенные высшей властью», покинуть Советский Союз не могут.

Берлин согласился – в самом деле, пора «определить окончательную структуру польских территорий». К вам едет Риббентроп.

Командование поддерживало контакты через военных атташе. 20 сентября начались переговоры наркома К.Е. Ворошилова и начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова с представителями германского командования в лице генерал-лейтенанта Э. Кёстринга, полковника Г. Ашенбреннера и подполковника Г. Кребса об организации отвода германских войск и продвижения советских войск на демаркационную линию. Конфликт под Львовом подтвердил актуальность проблемы. Результатом ночных бдений стал совместный протокол от 21 сентября, который устанавливал следующий порядок:

1. Части Красной Армии останавливаются на линии, достигнутой к 20 часам 20 сентября, и вновь начинают движение на запад с рассветом 23 сентября.

2. Части Вермахта начинают отход 22 сентября и, совершая переходы примерно по 20 километров в сутки, оказываются на демаркационной линии в период с 26 сентября по 3 октября.

3. В ходе движения немецкие отходящие колонны и советские авангарды должны соблюдать между собой 25-километровую дистанцию. При этом части Красной Армии занимают линию рек на сутки позже германских подразделений.

4. Спорные вопросы при передаче населенных пунктов разрешаются на месте специально выделенными делегатами. При этом германское командование обязано принять меры, чтобы не было нанесено ущерба военным и хозяйственным объектам до их передачи представителям Красной Армии.

5. Советское командование, в свою очередь, обязано по заявке немцев оказывать им помощь в уничтожении «польских частей или банд», мешающих продвижению германских частей.

6. Авиация обеих сторон также должна соблюдать 25-километровую разделительную полосу.

Однако в тот же день германские представители посетили Отдел внешних сношений НКО и сообщили, что, ввиду продолжающихся боев под Варшавой и западнее Львова, генерал Браухич просит все утвержденные сроки отвода войск отодвинуть на сутки, а на пултусском направлении – до вечера 4 октября. Дополнительное время понадобилось для вывоза пленных и раненых. Советская сторона к просьбе отнеслась с пониманием, тем более Браухич обещал передать все «важнейшие» объекты в целости и сохранности. Соответствующие изменения внесли в пункт второй протокола.

23 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике: «Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков».

Ранним утром 21 сентября в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступила директива наркома обороны № 16693, требовавшая остановить войска, подтянуть отставшие части и тылы, наладить устойчивую связь, быть бдительными и ждать дальнейших распоряжений. В 22 часа поступил приказ Ворошилова № 156, в котором излагалось содержание советско-германского протокола и разрешалось возобновить движение на запад с рассветом 23 сентября. Маршал также предупредил, что за Бугом, вполне возможно, придется и повоевать, что «...поляки будут рассыпавшиеся части собирать в отряды и банды, которые совместно с польскими войсками, действующими под Варшавой, могут оказать нам упорное сопротивление и местами наносить контрудары».

В Сувалкском выступе активные действия продолжались без перерывов. Занявшая Сокулку 2-я танковая бригада для преследования отступавших из Гродно польских войск и занятия района Августов – Сувалки выделила 21 сентября отряд под командованием майора Ф.П. Чувакина, в котором насчитывалось 470 человек, 252 винтовки, 74 пулемета, 46 орудий, 34 танка БТ, 6 броневых автомобилей и 34 автомашины. Двинувшись на север, отряд ночью догнал неприятельский арьергард у деревни в семи километрах западнее Сопоткина. Это оказался сохранивший боеспособность и решимость драться 101-й уланский полк майора Станислава Жуковского. Уланы первыми обнаружили противника и организовали оборону. В завязавшемся бою, продолжавшемся десять часов, по советским данным, было убито 11 и ранено 14 красноармейцев, подбито 4 танка и 5 автомашин. На одной из автомашин взорвались боеприпасы. Поляки имели всего одно противотанковое ружье, но широко применяли бутылки с зажигательной смесью. Было взято в плен 60 польских военнослужащих, остальные ушли в леса.

Польская сторона оценила результаты схватки, как пусть небольшую, но несомненную свою победу. Описание боя оставил ротмистр Сарна-Лопиновский: «Двенадцать раз неприятель атаковал деревню. Каждая из этих атак была отбита с потерями для противника. При этом бутылками с бензином было подбито одиннадцать танков в предполье и в глубине обороны группы. Сражение закончилось для нас успешно. Правда, потери понесли большие. Второй эскадрон, принявший на себя главный удар, утратил половину людей и семьдесят процентов конского состава убитыми либо пропавшими без вести. Солдаты сражались как герои. Никогда не забуду фамилий капрала Хорошука и улана Полотчанина, которые взобрались на танки и ударами прикладов своих карабинов по выступавшим стволам повредили на них пулеметы. В той битве погиб командир полка, два командира эскадронов, один командир взвода. Потери большевиков, согласно советским источникам, составили 12 танков и 800 человек... Успешное завершение этой схватки открыло дорогу и позволило продвигаться в избранном направлении подразделениям оперативной группы «Волковыск» под командованием генерала Вацлава Пшезджецкого».

Группа уходила на запад через леса Августовской пуши.

А вот задержавшийся в Сопоткине командующий Гродненским округом генерал Ольшина-Вильчинский до Литвы не доехал. Его автомобиль был перехвачен отрядом Чувакина. По приказу комиссара Григоренко генерала и его адъютанта расстреляли. Жене генерала, оставив ей машину и шофера, разрешили следовать далее.

Выступив из Сопоткина, советский отряд в ночь на 23 сентября достиг Августовского канала. Моторизованный отряд 16-го стрелкового корпуса вечером 23 сентября без боя занял Августов, а на следующий день вступил в Сувалки. Отряд 27-й танковой бригады из 20 танков БТ и 1 бронемашин под командованием майора Богданова, прочесывавший линию границы с Литвой, к полуночи 24 сентября также прибыл в Сувалки.

В 8 часов 23 сентября из Гродно выступил батальон 101-го стрелкового полка на автомашинах, который к 13 часам достиг Августовского канала и начал его форсирование. Вслед за ним продвигались части 4-й кавдивизии, 77-й кавполк которой был на реке Шлямица у Колет атакован противником, но, получив поддержку от батальона 101-го стрелкового полка, контратаковал и стал преследовать отходивших на север поляков. В итоге противник потерял до 150 человек убитыми и много вооружения, был рассеян по лесу. Около 500 человек было взято в плен. Советские части потеряли 1 человека убитым и 5 ранеными. В это же время 109-й кавполк в лесах юго-восточнее Августова взял в плен около 200 польских военнослужащих и много вооружения. К вечеру советские части вступили в Сейны. В 7 часов 25 сентября 109-й кавполк вошел в Сувалки. Тем временем 20-я мотобригада 23 сентября заняла Домброво, а 24 сентября, после небольшого боя, – Гонёндз.

Отряд генерала Пшезджецкого – остатки 101-го и 102-го уланских и 103-го кавалерийского полков, всего около 1200 человек – пересек границу Литвы в ночь с 23 на 24 сентября. Перед последним маршем командир Резервной кавалерийской бригады полковник Эдмунд Тарнашевич зачитал приказ: «Солдаты. Мы слишком слабы, чтобы сражаться на два фронта. Бригада понесла тяжелые потери убитыми и ранеными. Мы решили бригадой перейти литовскую границу. Во Франции создается Польская армия. Быть может, мы доберемся туда. Смирно! Сдать оружие!»

(Некоторым польским офицерам, в их числе полковнику Тарнашевичу, действительно удалось довольно быстро перебраться во Францию. Другие, как генерал Пшезджецкий, принявший на себя руководство всеми интернированными польскими солдатами в Литве, попали в советский плен в июле 1940 года. Им повезло хотя бы уже в том, что их миновала Катень и, в конце концов, в составе армии Андерса, через Иран и Ближний Восток, они попали-таки на Запад.)

Войска 3-й армии Кузнецова продолжали нести охрану латвийской и литовской границ от Дриссы до Друскенинка. 11-я армия начала передислокацию вдоль литовской границы к Гродно. К 24 сентября севернее и северо-западнее города развернулись дивизии 16-го стрелкового корпуса. Переданная в подчинение комдива Медведева 22-я танковая бригада достигла Щучина. 4-я кавдивизия, продвигаясь вдоль границы с Восточной Пруссией, 29 сентября заняла Стависки и Ломжу. 3-й кавалерийский корпус выступил из Вильно на Гродно, имея задачу прочесать территорию вдоль литовской границы. 25 сентября в районе Салтанишки части корпуса столкнулись с отрядом капитана Домбровского численностью в 150 всадников. В ходе боя отряд, потеряв 20 человек убитыми, 10 ранеными и 7 пленными, был рассеян. Советские части потеряли 5 человек убитыми и 3 ранеными.

В 22 часа 26 сентября 3-й кавкорпус прибыл в Гродно. Мототряды, созданные в 7-й (150 всадников и танковый полк под командованием полковника Кудюрова) и 36-й (200 всадников, танковый и саперный взводы под командованием майора Чаленко) кавдивизиях, выступили соответственно на Сувалки и Августов. К 30 сентября соединения 3-го кавкорпуса сосредоточились в Сувалкском выступе и организовали охрану границ с Германией и Литвой. Тем временем к Гродно подошла переданная в состав 11-й армии 6-я танковая бригада, которая 26 сентября заняла Кнышин.

К 26–28 сентября войска 3-й и 11-й армий закрепились на границе с Литвой и Восточной Пруссией от Друскенинка до Щучина.

В Волковыске прошли переговоры с немецкими представителями по процедуре отвода германских войск из Белостока и передачи его частям 6-го кавалерийского корпуса. С утра 22 сентября туда был направлен передовой отряд 6-й кавдивизии под командованием полковника И.А. Плиева, достигший Белостока к 13 часам. Уже через три часа Плиев «город принял», и немецкий арьергард убыл. Маршал-поэт А.И. Еременко не удержался, чтобы не пофантазировать:

«Дело шло к тому, что вскоре должны были где-то встретиться две армии: освободительная Красная Армия и разбойничий немецко-фашистский вермахт. Это произошло в Белостоке. К этому времени гитлеровцы уже вошли в город. Мы же (?) предложили им оставить его. Они согласились (??), но поставили условие, чтобы в Белосток первоначально прибыла команда советских войск в составе не более 120 человек, остальные наши части вступили бы туда лишь после ухода немецких войск.

Мы сначала терялись в догадках: зачем немцы поставили такое условие? А потом поняли, что они опасались того, что гитлеровские солдаты увидят теплую и дружественную встречу нашей армии, в то время как к ним жители Белостока относились с нескрываемым презрением... Когда наши казаки прибыли в город, получилось то, чего гитлеровцы больше всего боялись и пытались избежать. Слух о вступлении советских войск быстро облетел город.

Только что казавшиеся безлюдными и мертвыми улицы сразу наполнились народом, его потоки направлялись к центру. наших товарищей окружили тысячи горожан. Они горячо приветствовали их, обнимали как родных и дарили цветы. Немецкое командование наблюдало эту картину с нескрываемым раздражением. Контраст встречи вермахта и нашей армии с населением не только Белостока, но и других городов и сел свидетельствовал о бездонной пропасти, которая разделяла две армии, представлявшие два различных государства, два мира.

По плану немецкие части должны были покинуть Белосток вечером. Но они вечера не дождались и убрались раньше. Я прибыл в Белосток в 16.00 и уже не имел возможности встретиться с кем-либо из германского командования хотя бы с целью «поблагодарить» немцев за то, что за несколько дней они успели изрядно ограбить город».

Если отбросить лирику, обе стороны строго соблюдали подписанные договоренности. Хотя немецких генералов, естественно, раздражали маневры политиков и сдача кровью завоеванных территорий. «Таким образом, – писал Манштейн, – все бои по ту сторону Сана и Вислы для группы армий были бесполезными и вели только к выгоде для Советов!» Генералу Гудериану очень не хотелось отдавать русским Брестскую крепость: «Такое решение министерства мы считали невыгодным... По-видимому, к переговорам о демаркационной линии и о прекращении военных действий вообще не был привлечен ни один военный». Франц Гальдер возмущался по поводу сдачи русским Львова: «День позора немецкого политического руководства». В военной среде было немало людей, считавших сближение с СССР ошибкой. Так, генерал-полковник фон Бек в записке от 20 ноября 1939 года указывал, что успех в войне против Польши обесценен выдвижением СССР на запад. Советский Союз, отмечал он, не идет на поводу у Германии, а преследует собственные цели.

Само собой, с прибытием Еременко в Белостоке начался праздник, поляки (уж тут-то угнетенных белорусов практически не было), «одетые в лучшее платье», два дня кряду пели, танцевали и заваливали казаков цветами. К вечеру в город вошла 6-я кавдивизия, 11-я кавдивизия достигла района Крынки-Бялостоцкие, Городок.

Севернее действовала 20-я мотострелковая бригада, переданная в состав 10-й армии, которая 25 сентября в 15 часов приняла у немцев Осовец, 26 сентября, двигаясь по берегу реки Бебжа, вошла в Соколы, а к вечеру 29 сентября достигла Замбрува.

Во втором эшелоне за войсками 6-го кавкорпуса двигались дивизии 5-го стрелкового корпуса, переданного в состав 10-й армии. С рассветом 24 сентября соединения корпуса двинулись на линию Свислочь – Порозово, а передовые отряды в 13 часов 25 сентября заняли Бельск-Подляски и Браньск. На следующий день в районе станции Гайновичи было взято в плен 120 польских солдат и обнаружен склад, в котором хранилось 30 тысяч снарядов, 10 миллионов патронов и 2 орудия. В тот же день в районе Чижева немецкий арьергардный отряд был обстрелян поляками и, потеряв 1 человека убитым и 4 ранеными, вернулся в Цехновец, в расположение советских частей, оказавших немцам медицинскую помощь. 27 сентября передовые отряды 5-го стрелкового корпуса заняли Нур и Чижев, в районе Гайнавки части вновь наткнулись на склад, где советскими трофеями стало около 14 тысяч снарядов, 5 миллионов патронов, 1 танкетка, 2 бронеавтомобиля, 2 автомашины. В тот же день в районе северо-восточнее Костельные в лесу советские солдаты случайно обнаружили брошенное военное снаряжение. Выставив охрану, части начали розыски закопанного вооружения. Ночью к цепи охранения подходил польский отряд в 50 всадников, но отступил в сторону Нур, где напал на отходившие немецкие части. Понеся потери, немцы обратились за поддержкой к советским частям и под прикрытием разведбатальона 13-й стрелковой дивизии отошли на запад. В районе села Модерка этот польский отряд столкнулся с советским разведбатальоном и, понеся потери, был рассеян. Тем временем в лесу было откопано 936 снарядов, 168 тысяч патронов, 2 мотоцикла, 2 бронемашины, 1 танкетка, 4 прицепа, 2 автомашины и другое имущество. Подобные находки

делались соединениями 5-го стрелкового корпуса и в последующие дни. В 19 часов 29 сентября соединения корпуса заняли Малкина-Гурна и Косув-Ляцки. В этот момент войска 10-й армии находились на линии Щучин – Кольно – Ломжа – Малкина-Гурна – Косув.

На южном участке Белорусского фронта пришли в движение соединения 4-й армии.

Нацистский флаг со свастикой развевался над Брестской крепостью недолго. 17 сентября генерал Гудериан перенес штаб своего корпуса из Каменца в здание Полесского воеводства в Бресте, а в 13 часов 22 сентября, совершив 120-километровый марш-бросок, к городу подошла танковая бригада Семена Кривошеина. На Кобринском мосту их уже ожидала торжественная встреча с жителями окрестных деревень. «Говорили, что скоро придет Советская власть, – рассказывал местный уроженец П.Д. Гаврилюк, – и все станут равными и свободными, и не будет бедных. Конечно, кто-то верил, а кто-то и сомневался в этом. Утром все встали и побежали встречать Красную Армию. Жители деревни были довольны: кто-то плакал, кто-то смеялся от счастья. Хотелось угостить своих героев-освободителей, и поэтому приносили им хлеб и соль, картошку и яблоки». Митинг организовали местные коммунисты, члены распушенной Сталиным компартии Западной Белоруссии. (Пройдет всего три месяца, и эти же закаленные подпольщики и борцы за народное счастье скажут: «Дурные были польские суды – вместо приговора длительных тюремных сроков им надо было высылать нас на несколько недель на работу в Советы, мы бы радикально излечились».)

Советские танкисты разместились на постой на восточной окраине, а комбриг на немецкой машине прибыл в штаб Гудериана для координации последующих действий. Военачальники быстро нашли общий язык, так как оба владели французским. Стороны договорились о том, что все захваченные трофеи и польских пленных немцы передадут Красной Армии. Взаимопониманию способствовал и обед в немецком штабе, во время которого Гудериан предложил Кривошеину идею совместного парада германских и советских войск.

После разрешения всех вопросов солнечным днем 22 сентября в 16.00 по московскому времени на улице Люблинской унии состоялся парад победителей. Перед зданием воеводства были установлены импровизированные трибуны, украшенные нацистскими и советскими флагами. Мимо этих трибун, на которых в окружении штабных офицеров стояли рядом генерал Гудериан и комбриг Кривошеин, под звуки оркестра промаршировали сначала немцы, покидающие город, затем советские подразделения. Об этом параде вспоминал житель Бреста Станислав Мирецкий:

«Сначала промаршировали немцы. Военный оркестр играл незнакомый мне марш. Затем в небе появились немецкие самолеты. Красноармейцы шли вслед за немцами. Они совершенно не были на них похожи: шли тише и не печатали шаг коваными сапогами, так как были обуты в брезентовые ботинки. Ремни у них были также брезентовые, а не кожаные, как у немцев. Кони, тянувшие советские орудия, были малорослы и неприглядны, упряжь у них была лишь бы какая... За советской артиллерией ехали гусеничные тракторы, которые тянули орудия более крупного калибра, а за ними двигались танки. Танков было только три... На среднем танке развевался флаг СССР. Около бульвара Т. Костюшко один из танков внезапно затормозил, ударился о бордюр и перевернулся набок. С большим трудом, при помощи лебедок и пожарных машин, танк был поставлен на проезжую часть, и парад продолжился».

Военачальники попрощались и расстались со словами «До встречи в Берлине!» и «До встречи в Москве!». Это прозвучало почти пророчески. Правда, Гудериану в 1941 году доехать до Москвы не хватило самой малости, зато Кривошеин в 1945-м дошел до Берлина, как обещал. В крепости торжественно был спущен нацистский флаг и водружен советский. Сразу после парада немецкие войска ушли за Буг. В Брест из Ивацевичей перебазировался штаб Чуйкова, 4-я армия готовилась к дальнейшему походу в западном направлении, ведь земли между Вислой и Бугом были «сферой интересов» СССР.

В мемуарах, не имея возможности сказать правду и стесняясь этой правды, советские полководцы преподносили передачу городов от немцев к русским (и обратно) как рискованные и дерзкие операции по вытеснению гитлеровцев с «нашей земли». Вот как излагал события генерал-полковник Л.М. Сандалов: «Комдив Чуйков, армия которого выдвигалась к Бресту, приказал командиру авангардной танковой бригады С.М. Кривошеину занять Брест и заставить немецкие войска отойти за Буг. В Бресте состоялась встреча Кривошеина с Гудерианом. В ней принимал участие и сотрудник Наркоминдела. Наши представители потребовали от немецкого командования немедленно отвести все немецкие части за демаркационную линию, а подготовленное для эвакуации из Бреста в Германию военное и гражданское имущество оставить на месте. Это требование было принято, и вооруженного столкновения, которого так страстно желали враги Советского Союза, не произошло».

Как сейчас известно, вооруженного столкновения и не должно было произойти. В июне 1941-го все тот же Гудериан «требований» того же Сандалова, прикрывавшего границу на брестском направлении, нисколько не убоился.

Маршал М.В. Захаров, бывший тогда помощником начальника Генерального штаба, и вовсе уверял: «Предпринятая Советским Союзом инициатива оказалась неожиданной для Германии... Советскому Союзу удалось заставить Гитлера взять на себя обязательство уже в ходе войны с Польшей не переступать линию рек Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан». Это утверждение в советской науке стало официальной исторической версией – СССР, оказывается, чуть ли не войной Гитлеру угрожал, лишь бы защитить единокровных братьев: «Быстрые и решительные действия Красной Армии сорвали расчет гитлеровцев захватить Западную Украину и Западную Белоруссию... По решительному требованию Советского правительства фашистский вермахт вынужден был очистить ранее занятую территорию Западной Украины и Западной Белоруссии».

Коммунисты – всегда в белом, «коммунисты – душою чисты».

Вот у Хрущева – ко времени создания мемуаров с него уже сняли все «погоны» и лишили всех званий – передача происходила буднично и по-деловому: «Мы вышли на границу, определенную августовским договором. Некоторые территории, намеченные как наши, уже были заняты немцами, но Гитлер играл с большим размахом и не хотел «по мелочам» создавать с нами конфликты. Напротив, он хотел тогда расположить нас к себе и показать, что он «человек слова». Поэтому немецкие войска были частично отведены, и наши войска вышли на линию границы, обусловленную договором, подписанным Риббентропом и Молотовым».

А в Бресте вооруженное столкновение все же произошло, только не с немцами, а с защищавшими крепость солдатами маршевого батальона 82-го пехотного полка под командованием капитана Радзишевского. Ночью 17 сентября остатки батальона с одним орудием скрытно покинули позиции на Кобринском укреплении и вновь заняли оборону в форте Сикорского (по-русски – форт «Граф Берг»). В течение двух суток немцы занимались очисткой крепости и, считая, что форт пуст, не обращали на него внимания. Но 19 сентября у ворот появился мотоциклетный патруль, предложивший полякам сдаться в связи с бессмысленностью дальнейшего сопротивления. Предложение не было принято. Германские подразделения блокировали форт, установили несколько гаубиц и с утра 20 сентября начали систематический обстрел укреплений. Однако артиллерийский огонь фугасными снарядами среднего калибра не мог причинить гарнизону особых потерь, а пехота противника не атаковала. Форт находился на хорошо просматриваемой и простреливаемой с высоких валов местности, и генерал Гудериан решил передать эту «занозу» русским.

Уже вечером 22 сентября, после короткого артиллерийского налета, в форт попытались ворваться два советских броневых автомобиля. Первый из них поляки подожгли выстрелом из

пушки, второй свалился в ров. Затем в атаку трижды поднималась советская пехота и каждый раз была отбита. «Вокруг форта имелся сухой ров, со стороны противника выложенный камнями на высоту от 8 до 10 метров, – вспоминал один из защитников капрал Ян Самосюк. – Поле обстрела у нас было лучше, чем в Цитадели, так как обзор не заслоняли ни деревья, ни кустарник. В тот вечер Советы три раза ходили в глупую атаку, и если кто из них достигал рва живым, то падал в него и... труп». Следующие два дня комдив Чуйков был слишком занят приемом-передачей города и крепости.

Наконец, 26 сентября советские военачальники подошли к делу серьезно: была применена тяжелая артиллерия и предпринят массированный штурм. Защитники форта в этот день понесли тяжелые потери, но снова удержали позиции. Вечером перед фортом появились парламентареры, выразившие «недоумение» по поводу сопротивления польских солдат, ведь Красная Армия пришла, чтобы помочь полякам, они должны сложить оружие и сдаться. На это Радзишевский ответил, что если русские не являются врагами, то должны оставить в покое польский форт. Однако все ресурсы оборонявшихся были исчерпаны. Ночью капитан собрал защитников, поблагодарил за службу и посоветовал всем, способным передвигаться, пробираться домой (как утверждает польский источник, оставленных в форте раненых обозленные красноармейцы перекололи штыками). Сам Радзишевский с небольшой группой дошел до деревни Мухавец. Здесь, в доме местной жительницы, они переоделись в гражданскую одежду и разошлись в разные стороны. Радзишевский направился в Брест, а затем в Кобрин, где должна была находиться его семья. Он нашел жену и дочь, но вскоре по доносу был арестован, передан в НКВД и снова оказался в Брестской крепости, на этот раз в тюрьме «Бригидки», где сидели польские офицеры.

Уходя из Бреста, немцы передали советскому командованию всех пленных. Их, отделив солдат от офицеров, содержали в городской тюрьме и крепостных казематах, используя на работах по расчистке завалов в Цитадели. После сортировки и проверки большинство рядовых, в первую очередь жителей Западной Белоруссии и Западной Украины, были отпущены по домам. Офицеров, полицейских, жандармов и раненых, отделив медперсонал, в течение октября – ноября под конвоем доставляли на железнодорожную станцию, грузили в вагоны и вывозили на Смоленщину, в Катынский и Старобельский лагеря, где почти все они сгинули. Среди них был и герой обороны Брестской крепости Вацлав Радзишевский.

Долгое время лишь из мемуаров Гудериана можно было узнать о мужественном сопротивлении «храброго и упорного противника», каким показали себя поляки осенью 1939 года, и боях за крепость, «которая стоила нам столько крови». Советской историей эти события были преданы забвению, поскольку «лишь в боях за коммунизм рождается героизм», все остальное – несознательность и шляхетская фанаберия.

Интересные и загадочные дела творились в Кобрине. Историко-документальная хроника района, изданная в 2002 году, утверждает, что после отступления поляков вечером 18 сентября: «Жители города провели беспокойную ночь, ожидали, что фашисты вот-вот ворвутся в их дома. Но утро принесло весть, которая обнадеживала: с востока движется Красная Армия. Несколько дней в Кобрине царило безвластие... По инициативе бывших членов КПЗБ, которые взяли на себя заботу о гражданском населении, стали организовываться отряды самообороны. К ним присоединились узники концлагеря в Березе-Картузской... Так родилась Рабочая гвардия Кобрин, которая положила конец мародерству и панике в городе, организовала охрану важнейших объектов. Несколько раз отряду пришлось отбивать попытки диверсантов (?) взорвать железнодорожный мост через Мухавец». Получается, германец целый день сражался за Кобрин, поляков побил, но город занимать не стал. Натурально любовался видами с другого берега. Только непонятно, из-за чего драка вышла? Немецкие генералы, они, конечно, «фаши-

сты», но своих солдат берегли, зря под пули не подставляли. Московские переговоры о демаркационной линии еще не начались. Что же помешало 2-й мотодивизии захватить Кобрин?

Собственно, ничего. Саперы навели понтонный мост, и утром 19 сентября германские части вошли в город. Два дня они хоронили своих павших (в 1940 году специальная комиссия выкопала гробы и вывезла прах в Фатерлянд), на третий день – поляков. 22 сентября перед взорванным мостом появились танки 32-й бригады. После коротких переговоров немцы оставили Кобрин, и в 14 часов в него вошли советские подразделения.

Причина, по которой эту историю предпочли забыть, состоит в том, что с немецкой педантичностью новая власть первым делом основала в городе комендатуру и объявила набор местных жителей в полицию. Желающих оказалось достаточно, в том числе и «членов КПЗБ». По-видимому, так и «родилась Рабочая гвардия Кобрина».

23 сентября германские войска оставили Видомлю. На прощание немецкие танки обстреляли из пулеметов конный разъезд разведбатальона 8-й стрелковой дивизии: «В результате обстрела было убито 2 и ранено 2 человека и убито 3 лошади... В ответ на это из бронемашин разведбатальона был открыт огонь по германским танкам, ответным огнем был разбит один германский танк и уничтожен экипаж, после чего со стороны германских войск была выпущена красная ракета, обозначающая, что перед нами находятся части Германской армии. При выяснении причин обстрела у германского командования было дано объяснение: «Произошла ошибка, думали, поляки, приносим искреннее сожаление по поводу случившегося».

Уцелевшие польские подразделения отовсюду стекались в район между Припятью и Стырью. Сюда прибыли части батальонов КОР «Клецк», «Людвиково», «Сенкевичи», «Давид-Городок», к ним присоединялись отдельные группы солдат и полицейских. Подполковник Сулик вывел к Морочно полк КОР «Сарны». Большое количество бойцов различных подразделений и призывников скопилось в районе станции Малорита. Железнодорожная колея Ковель – Брест была буквально забита эшелонами с оружием и боеприпасами, цистернами с горючим, вагонами с ранеными. Прибывший в Малориту 22 сентября неизвестно откуда полковник артиллерии Оттокар Бжоза-Бжезина (в переводе на русский это что-то вроде Береза-Березняк) начал из всего этого «богатства» энергично формировать сводную дивизию. Через двое суток у него под командой состояло 5 батальонов пехоты при 18 гаубицах калибра 100 и 75 мм. Импровизированное соединение назвали в честь командира – дивизия «Береза». В Беловежской пушче генерал Збигнев Подгорский организовал кавалерийскую дивизию «Заза», состоявшую из двух бригад.

23 сентября в Камень-Каширском генерал Клебэрг, узнав, что передовые части Украинского фронта заняли Ковель и его группировка может оказаться в окружении, изменил «маршрут»: теперь он решил пробиваться на запад, в направлении Влодавы, а затем к Варшаве. Части КОР, двигаясь через Ровно, Шацк, Влодаву, должны были нагнать группировку «Полесье» в пути.

Войска Чуйкова тем временем очищали занятую территорию от «отрядов и банд», стремившихся просочиться за Буг и в Беловежскую пушчу. 24 сентября 143-я стрелковая дивизия и 32-я танковая бригада после короткого боя заняли Малориту, в районе которой было взято в плен около 6000 польских военнослужащих. В их числе оказались решившие уходить на запад моряки Пинской флотилии.

«Я оказался в той части, которая следовала на Брест, – вспоминал Ян Собирай, бывший боцман «Адмирала Шэрпинэка». – Шли мы по восточному берегу озера Тур в направлении ближайшего хутора, со стороны которого внезапно раздались выстрелы. Я был в авангарде и вместе с другими моряками открыл огонь, в результате которого загорелось несколько домов. Внезапно на краю леса показались танки с вывешенными белыми флагами. Это вызвало всплеск радости, послышались возгласы: «Польские танки!» Было приказано прекратить

огонь... Со стороны танков к нам направилась группа в несколько сот солдат. Когда они подошли ближе, то радость наша кончилась. Это были советские солдаты, которые окружили нас и приказали сложить оружие... Около 16.00 нас в сопровождении советского конвоя повели в направлении Мокран».

В Мокранах моряков разместили на школьном дворе, обнесенном забором, рассортировали по месту жительства и отделили офицерский состав. Затем снова построили в колонну и повели на север, уже без офицеров, которые были расстреляны там же, в Мокранах, двумя днями позже.

Однако дивизии «Береза» в Малорите уже не было. К 25 сентября она, форсировав Буг, заняла на другом берегу реки Влодаву. Полковник Бжоза, организовав оборону, разместил свой штаб в помещении школы и стал искать связь с генералом Клебэргом.

Соединения 23-го стрелкового корпуса достигли района Антополь, Городец, а 8-я стрелковая дивизия переправилась через Западный Буг у Бреста. С 25 сентября 8-я и 143-я дивизии были переподчинены управлению 23-го стрелкового корпуса, штаб которого разместился в Тересполье, а 52-я стрелковая дивизия в районе Дрогичина вела бой с 78-м польским пехотным полком Казимира Гожковского.

На следующий день 4-й армии был подчинен действовавший севернее 6-й кавалерийский корпус. К 18 часам 26 сентября его соединения вошли в Высоке-Мазовецк, оказавшийся практически полностью сожженным немцами. По свидетельству местных жителей, во время прохождения частей Вермахта через город был убит немецкий солдат. Немцы предложили выдать им виновного, но он так и не был найден. Тогда немцы из пушек зажигательными снарядами ударили по городу. Вспыхнул пожар, тушить который немцы не давали и расстреливали тех, кто пытался это делать. В итоге в городе уцелело всего 10 домов и церковь, а из 5000 жителей осталась всего 1000. К вечеру 27 сентября конники достигли берега реки Западный Буг у Нур, Цехановец, а через сутки вышли в район города Соколув. Тем временем 8-я стрелковая дивизия заняла Бялу-Подляску и Янув-Подляски, 143-я дивизия форсировала Буг у Кодень, а 52-я дивизия вступила в Малориту, где со следующего дня перешла в подчинение 15-го стрелкового корпуса 5-й армии Украинского фронта.

Командир 23-го стрелкового корпуса в полночь 27 сентября издал приказ, согласно которому требовалось выслать советских представителей городов Седльце и Лукув: «Высланные представители должны в корректной форме потребовать от представителей немецкой армии освободить 29.9 города Седльце и Лукув и предупредить, что Красная Армия эти пункты 29.9 займет, если даже они и не будут полностью освобождены частями немецкой армии. Конфликтов с немецкой армией избегать, но требовать увода немецких войск настойчиво и с полным достоинством, как подобает представителям Великой Непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

В 8 часов 29 сентября передовые отряды войск 23-го стрелкового корпуса заняли линию Соколув-Подляски – Седльце – Лукув. В Седльце вошли разведывательный, танковый и стрелковый батальоны, а в Лукув – стрелковый батальон и артиллерийский дивизион 8-й стрелковой дивизии.

К 18 часам 29 сентября войска Белорусского фронта заняли линию Щучин – Стависки – Ломжа – Замбув – Цехановец – Косув-Ляцки – Соколув-Подляски – Седльце – Лукув – Вохынь и прекратили продвижение, согласно «стоп-приказу» из Москвы – политики все никак не могли поделить Польшу «правильно».

23 сентября возобновили продвижение на запад и войска Украинского фронта. На северном фланге наступали соединения 15-го стрелкового корпуса. После полуночи 24 сентября разведбатальон 45-й стрелковой дивизии вступил в Любомль. Из опросов населения выяснилось,

что 20 сентября в городе побывали немцы, разоружившие польский гарнизон. Часть оружия немцы вывезли, а часть раздали населению для создания милиции. 21 сентября немцы покинули город, а на следующий день группа польских войск совершила налет на город, разогнала и разоружила милицию, убив 7 милиционеров, а в 11 часов 23 сентября на перегоне Любомль – Ягодин обстреляла поезд и забрала паровоз. Горючее в городе отсутствовало, а продовольствие было вывезено германскими войсками. В 14.30 25 сентября 36-я танковая бригада, форсировав Западный Буг, достигла Холма и, сконцентрировав силы, атаковала город. После ряда боевых столкновений с польским гарнизоном, часть которого ушла в сторону Красностава, в 14 часов 26 сентября город был занят. Около 8000 польских военнослужащих попали в плен, а трофеями стали 7000 винтовок, 1250 револьверов, 40 пулеметов, 10 орудий, 14 автомашин и 1500 лошадей.

26–27 сентября 36-я танковая бригада оставалась в Холме, ожидая подтягивания стрелковых частей. 28 сентября бригада выступила в направлении Люблина, но, достигнув к полудню Пяски, выяснила, что город занят немецкими войсками. Утром 29 сентября советские делегаты прибыли в Люблин для переговоров об отводе германских войск, которые должны были к вечеру оставить город. Однако выяснилось, что германское командование не собирается отводить войска, ожидая приказов из Берлина. К 29 сентября соединения 15-го стрелкового корпуса вышли на фронт Влодава – Пугачув – Пяски.

Дивизии 8-го стрелкового корпуса сломали слабо организованное сопротивление противника на Западном Буге и 24 сентября после двухчасового боя заняли Гребешув. Дальнейшее продвижение происходило достаточно спокойно – попадались лишь мелкие группы польских войск. 25 сентября был занят Замосць, и после дневки соединения корпуса 26 сентября двинулись на Билгорай и Красностав. 44-я стрелковая дивизия вошла в контакт с 8-й германской пехотной дивизией и заключила с ней соглашение о занятии Красноброда и движении на Рудки. После дневки войска 28 сентября продолжали движение на Красник. В тот же день 8-му стрелковому корпусу были переданы прибывшая в Замосць 38-я танковая бригада и достигшая Комарова 14-я кавдивизия. К 14 часам 29 сентября войска 8-го корпуса вышли на фронт Ольшанка – Кщонов – Тарновка – Закржев.

Начавшийся 22 сентября отвод германских войск на запад был использован отдельными польскими отрядами для прорыва в Венгрию в 20-километровой полосе, разделявшей Вермахт и Красную Армию.

21–23 сентября части 7-го и 8-го армейских корпусов 14-й германской армии столкнулись с группой генерала Доб-Бернацкого. В развернувшихся боях германские части вновь потеснили поляков на восток, а 23 сентября даже обратились к командованию 6-й советской армии с предложением помочь им в разгроме поляков. Однако советское командование не спешило ввязываться в чужие бои. Тем более когда войска Голикова с 25 сентября возобновили продвижение на запад и соединения 2-го кавкорпуса вместе с 24-й танковой бригадой вступили в Жолкев, а к 26 сентября продвинулись до района Рава-Русская, Немиров, Магеров, они так и не встретили никакой крупной польской группировки. 27 сентября корпус продолжал продвижение в направлении Любачув, Рудка и не имел встреч с противником. На следующий день 14-я кавдивизия была направлена на Томашув, Замосць и передана в состав 5-й армии. Остальные войска 2-го кавкорпуса вышли в район Буковина, Добча, Дзикув и выставили дозоры на реке Сан. 24-я танковая бригада 28 сентября достигла Цешанува. Тем временем 38-я танковая бригада прибыла в Сокаль и была передана в состав 5-й армии.

Войска 17-го стрелкового корпуса 25 сентября также выступили к демаркационной линии и достигли района Янов, Добростаны. 27 сентября они вступили в Яворов, а 28 сентября – в Любачув. К вечеру следующего дня дивизии 17-го стрелкового корпуса заняли район Буковина, Добча, Тарногруд и сменили части 2-го кавкорпуса на охране реки Сан. 99-я стрелковая

дивизия утром 29 сентября вступила в Перемышль и начала его прием у германского командования.

К 29 сентября войска 6-й армии вышли на среднее течение реки Сан от Билгорая до Перемышля.

В полосе 12-й армии сводные группы 13-го стрелкового корпуса 22 сентября вступили в только что оставленный германскими войсками Стрый, а 24 сентября вошли в Дрогобыч. 23 сентября 23-я танковая бригада в 20 часов вышла к Бориславу, занятому германскими войсками. 24 сентября советские войска начали продвигаться на запад, приняв у немцев Дрогобыч и Борислав. 25-й танковый корпус, находившийся у Комарно, был выведен в резерв Украинского фронта и далее не продвигался.

Дрогобыч, центр нефтедобычи, командуемый армией принимал лично. Из мемуара И.В. Тюленева можно вынести впечатление, что он отбил город у Вермахта чуть ли не силой: «Как поведут себя фашисты, встретившись с нами лицом к лицу? – думал я. – Решатся ли они на открытое столкновение, чтобы силой пробиться дальше на восток?..» Встреча с представителем немецкого командования состоялась в Дрогобыче. Подтянутый надменный офицер молча выслушал мое требование об отводе немецких частей за реку Сан. Затем он сказал, что тотчас же свяжется со своим начальством и передаст ему содержание нашего разговора... Фашисты не пошли на открытый военный конфликт. Была установлена временная демаркационная линия, определено точное время отхода немецко-фашистских войск за реку Сан. К слову сказать, отступая, они не удержались, чтобы не отомстить нам – подожгли и взорвали в Дрогобыче нефтеперегонный завод. Немало пришлось потрудиться нашим саперам, чтобы спасти город от огня. *(Вообще-то немцы, испытывавшие острую нужду в энергоносителях, рассчитывали выторговать нефтепромыслы себе. Так с чего бы им их взрывать? Чтоб Тюленеву «отомстить»? Поляки никаких диверсий также не учиняли. Может, именно «саперы» где-нибудь окурок бросили?)* Несмотря на наше решительное предупреждение, гитлеровцы под всякими предлогами оттягивали окончательный отход за демаркационную линию. Уж очень им хотелось похозяйничать на Западной Украине».

Это почти все, что сумел сочинить генерал армии о своем участии в Освободительном походе. И еще одна странность – ни слова про цветы, похоже, украинцы оказались не столь гостеприимны, как белорусы.

4-й кавалерийский корпус, пройдя через Дрогобыч, 26 сентября достиг района Сутковице, Висковице, Лановице, Вережница, где в 21 час на основании разведывательных данных получил приказ подготовиться к боям с группой под командованием бывшего офицера царской армии, немца по происхождению и польского генерала Владислава Андерса. По решению командира корпуса 32-я кавдивизия продолжала движение на Добромиль, Хырув, а 34-я кавдивизия, 26-я танковая бригада и 18-й танковый полк 32-й кавдивизии остались на месте, ожидая подхода поляков.

В лучшие времена многотысячная кавалерийская группировка Андерса, входившая в состав армии «Краков», насчитывала в своих рядах двенадцать полков Новогрудской, Волынской, Кресовой кавалерийских бригад и Сводную бригаду полковника Закржевского. Однако в период с 18 по 23 сентября при попытке прорваться на юг группа была разгромлена германскими корпусами в сражениях за Томашув-Любельский и Краснобород, в окружении почти целиком сгинули Волынская и Сводная бригады. Остатки своей «конармии» – пять неполных полков – генерал Андерс 24 сентября реорганизовал в две кавалерийские бригады и повел к польско-венгерской границе. По пути к ним присоединился небольшой отряд с раненым генералом Плисовским, руководившим обороной Брестской крепости. Еще через день случилась стычка Новогрудской бригады (25, 26, 27-й уланские полки) с отходившими на запад частями 28-й пехотной дивизии. Львовщина отходила к Советскому Союзу, поэтому, после

оживленной перестрелки, немцы, не желая нести бессмысленные потери, предложили разойтись мирно, каждому своей дорогой. Поляки продолжили движение на юг, однако по пересечении железнодорожной линии западнее Судовой Вишни рано утром 27 сентября уперлись в советские заслоны. Уж эти никого ни в какую Венгрию и Румынию пропускать не собирались. Хотя невольно хочется задать вопрос: а почему, собственно? Зачем товарищу Сталину десятки тысяч пленных? Готовить новые палаческие кадры участием в их массовых расстрелах? Пополнять трудовые резервы ГУЛАГа? Просто из принципа: от Советской власти не бегут, ее радостно приветствуют, распевая коммунистические гимны? Или по заведенной привычке предусмотрительно уничтожать всех потенциальных врагов? Как сказал генералу Андерсу один советский майор, «Советский Союз не может допустить возрождения Войска Польского за границей».

«В 6.30 27 сентября 26-й и 27-й уланские полки группы Андерса атаковали 148-й кавполк в Сутковице, однако, встреченные артогнем и контратакой, вновь отошли на опушку леса. В ходе трехчасового боя поляки потеряли 300 человек убитыми, 200 пленными, 4 орудия и 7 пулеметов», – сообщает российский историк. Несколько иную версию событий предлагает участник событий, капитан Станислав Кошутский:

«С рассветом 27 сентября передовой 26-й уланский полк миновал деревню Сутковице. Впереди обширный склон полого спускался к неширокой речке в полутора километрах от нас. Южнее ее хорошо были видны массы большевистской кавалерии, двигавшиеся в нашем направлении. По дорогам пылили танки и грузовики. На первый взгляд было их около 4 кавалерийских полков и 40 танков. Передовые отряды большевиков достигли реки и прекратили подъем. Майор Станислав Хейниц, не прекращая марша, развернул 26-й уланский полк в колонну эскадронов. Большевики у реки начали спешиваться и устанавливать пулеметы и малокалиберные орудия... В этот момент из тыла прибыл ротмистр Кушинский из штаба генерала Андерса, рядом с ним скакал улан с белым платком на пике. По пути ротмистр кричал: «Приказ генерала! Не открывать огня! Остановить движение!» Выяснилось, что генерал Андерс послал ротмистра Кушинского войти в контакт с большевиками и сообщить им, что мы нежелаем с ними драться, а хотим только спокойно проследовать на юг...

Однако Кушинскому не дали поговорить с каким-нибудь высшим командиром. Сразу после его возвращения несколько пулеметов открыли огонь по стоявшему на склоне 26-му уланскому полку. Через минуту между эскадронами начали рваться 20-мм или 30-мм гранаты (?). Огонь пулеметов был неприцельный, но разрывами гранат ранило несколько коней. Майор Хейниц дал команду возвращаться. Эскадроны выполнили поворот кругом и шагом двинулись обратно в деревню. Огонь большевистских пулеметов усилился, стал прицельным, одновременно начали рваться новые серии гранат. Майор дал команду: «Рысью». Когда новые разрывы начали поражать улан, они быстро перешли в галоп, а затем в карьер. Строй смешался, и уже в панике бешено скачущая масса коней влетела в деревню, где как раз спешивался 27-й уланский полк, а 9-й артиллерийский дивизион занимал огневые позиции. Одно противотанковое орудие стояло у дороги на выезде из деревни. Его расчет спал, когда на дороге, вслед за галопирующим в панике 26-м уланским полком, показались 6 большевистских танков. С ротмистром Туским мы разбудили расчет, который начал стрелять и подбил два танка неприятеля. Оставшиеся повернули назад...

26-й уланский полк спешил и занял позиции на окраине леса в 1 км за деревней. Закрепившийся в деревне 27-й полк отбил атаку большевиков с правого фланга, уничтожив 2 или 3 танка. В этот момент другая новая конница численностью около двух эскадронов обошла левое крыло. Ввиду наметившейся угрозы отсечения 27-го и следовавшего за ним 25-го уланского полка от остальных сил бригады, генерал приказал обоим полкам отступить к лесу и присоединиться к 26-му полку. Полки отошли в тыл в величайшем порядке. Рядом 9-й артдивизион демонстрировал пример фантастического мужества, следуя шагом под фланговым

огнем большевистских танков. Дивизион не имел уже ни одного снаряда! Коня и наездника бригады смертельно устали. Некоторые кони падали под седлом. Большевики сразу организовали наступление на лес. С фронта они атаковали медленно и вяло. Зато две их кавалерийские группы начали обходить боевые порядки бригады с двух сторон. В связи с угрозой полного окружения генерал приказал 25-му, 27-му полкам и 9-му артдивизиону уничтожить орудия и оторваться от противника, назначив местом встречи лес в районе Райтеровице. 26-й уланский полк должен был прикрывать ретираду и отступить последним. Вместе с ним отходил генерал Андерс со своим штабом.

Это был конец Новогрудской кавалерийской бригады. Связь с 25-м и 27-м полками была полностью потеряна. Группа генерала Андерса с остатками 26-го полка численностью в 200–250 человек продиралась через лесные чащи, преследуемая большевиками, натываясь по пути на все новые их отряды. Добравшись до сторожки Зеленый Гай, группа растаяла до 60–100 верховых».

Никто больше к месту сбора не вышел. Генерал распустил отряд и сформировал несколько мелких групп из добровольцев, решивших достичь заветной венгерской земли. В середине дня 28 сентября 32-я кавдивизия после небольшого боя пленила остатки 25-го уланского полка. Здесь, кстати, вторая и последняя половина воспоминаний генерала армии Тюленева: «Ослепленный ненавистью к Советскому Союзу, Андерс пытался задержать продвижение наших войск (?), но, получив сокрушительный удар, бросил своих солдат (??), решив бежать в Венгрию». Что такое элементарное уважение к противнику, наши военачальники с ампутированной честью решительно не понимали.

С вечера 28 сентября войска 4-го кавалерийского корпуса приступили к охране границы от Перемышля до Мшанец.

Действовавший южнее 5-й кавкорпус 24–25 сентября наряду с продвижением на запад начал прочесывание предгорий Карпат. В 17 часов 26 сентября 16-я кавдивизия заняла Турку, а 9-й кавполк прибыл на станцию Бескид, занятую, как оказалось, 23 сентября венгерскими войсками. Попытка контакта с венграми вызвала с их стороны обстрел из ручного оружия. Ответный артиллерийский огонь советских бронемашин привел к прекращению стрельбы и отходу венгерских солдат в железнодорожный туннель на границе. По сведениям местных жителей, туннель был минирован; ситуация на этом участке границы с Венгрией была нормализована после переговоров. 27 сентября 4-й кавалерийский корпус и 26-я танковая бригада вели бои с поляками у Журавинец. 28 сентября 5-й кавкорпус вышел к верховьям реки Сан и на границу с Венгрией. В тот же день в районе Свидника был взят в плен генерал Плисовский, а 30 сентября попал в плен и тяжело раненный генерал Андерс. Прорваться через границу удалось лишь группе из шести человек под командованием полковника Людвиг Швейзера, командира 26-го уланского полка.

К исходу 29 сентября войска Украинского фронта находились на линии Пугачув – Кржемень – Билгорай – Перемышль – верховья реки Сан. Следовало прочесать занятую территорию и ликвидировать отдельные отряды и группы польских войск, которые в основном стремились прорваться в Венгрию или Румынию.

В общей сложности в Румынию и Венгрию перешли почти 70 000 поляков. В Литву и Латвию прорвалось около 16 000 человек. До Сирии и Франции в 1939–1940 годах добралось примерно 38 000 солдат и офицеров – все, что удалось спасти от миллионного Войска Польского.

28 сентября, после двадцатидневной борьбы, исчерпав все средства к обороне, пала Варшава. Акт о почетной капитуляции 90-тысячного гарнизона подписали генерал Бласковиц и генерал Кутшеба.

Между тем советско-германская дружба крепла день ото дня. Вечером 27 сентября в Москву «для обсуждения с правительством СССР вопросов, связанных с событиями в Польше», прибыл господин фон Риббентроп. За два дня до этого Сталин и Молотов сообщили германскому послу, что у них возникли дополнительные предложения по урегулированию польского вопроса. Советское правительство предложило, как выразился Шуленбург, «добавить к немецкой порции» все Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства к западу от реки Буг, то есть провести границу по «линии Керзона». В обмен Кремль попросил себе Литву. Сталину не терпелось «немедленно взяться за решение проблемы прибалтийских государств».

После трех раундов переговоров и консультаций с Берлином была согласована «граница между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства», которая закреплялась в подписанном 28 сентября «Договоре о дружбе и границе между СССР и Германией». Гитлер согласился на все сталинские требования. Правда, вначале немцы выразили желание получить польские нефтеносные районы Борислав и Дрогобыч, но Сталин решительно им в этой малости отказал – эти территории уже обещаны украинцам. Но ничего страшного, если вам нужна нефть, мы вам ее продадим. И еще дадим кусочек Литвы. Новая граница признавалась окончательной, отвергалось вмешательство третьих держав в это решение, стороны должны были заняться государственным переустройством присоединенных территорий с целью обеспечить населявшим их народам «мирное существование, соответствующее их национальным особенностям», и рассматривали это переустройство как «надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами».

«На полях сражений в Польше возникло германо-русское военное братство, – писала по случаю «Фёлькишер Беобахтер». – Однако значение русско-германского пакта заключается не только в ликвидации и перераспределении польского наследства, но и в создании между великими державами прочного сотрудничества в значительно более широких размерах, что должно привести обе страны к разрешению всех интересующих их вопросов... Германия и Советская Россия не разрешают больше чужим народам высказываться по вопросам восточного пространства».

Кроме договора, были подписаны конфиденциальный протокол о беспрепятственном переселении лиц германского происхождения, проживающих в сфере советских интересов, в Германию, а украинцев и белорусов, проживающих в сфере германских интересов, в СССР, и два секретных дополнительных протокола. В первом стороны брали на себя обязательства не допускать «никакой польской агитации» и сотрудничать в деле ее пресечения. Второй протокол подтверждал право Советского Союза принять «специальные меры на Литовской территории для защиты своих интересов».

В результате «окончательно» состоявшегося раздела СССР получил территорию в 196 тысяч квадратных километров, что составляло 51,5 % от ушедшей в небытие Речи Посполитой, с населением около 13 миллионов человек, из которых, как озвучил Молотов, «украинцев – более 7 миллионов, белорусов – более 3 миллионов, поляков – свыше миллиона, евреев – свыше миллиона». Правда, сегодня выясняется, что украинцев было меньше не то на один миллион, не то на два, а поляки составляли не менее трети от общей численности (конкретно в Западной Белоруссии – 34,5 % от 3,6 миллиона жителей; белорусы – 54,4 %, евреи – 8,8 %). Польские историки, ссылаясь на довоенные переписи населения, дают цифру 5–6 миллионов поляков в «Крэсах Выходных».

Статистика – такая же интересная наука, как история. Всяк пишет ее по-своему. Переписи 1921 и 1931 годов можно назвать заказными, имевшими, среди прочих, задачу искусственно завысить поголовье польского населения. Во-первых, национальность отождествлялась с вероисповеданием, соответственно, католики в основной своей массе становились поляками. Во-вторых, чтобы как-то «разбавить» процент белорусов и украинцев, изобретались

некие малые народности вроде «русинов» на Украине или «местных» на Полесье. Представителей последней «нации», на вопрос корреспондента: «Кто вы, хлопцы, будете?» – ответивших: «Сами мы тутэйшые, и мова наша тутэйшая», – оказалось более 700 тысяч человек. Польские демографы считали «местных» недооформившимися поляками, советские – ополяченными белорусами. (В освобожденном Пинске редактор «Полесской правды», выпускница Коммунистического института журналистов М.М. Ваганова разорила семь частных типографий, чтобы в кратчайший срок организовать одну советскую, и 26 сентября выдала тираж первого номера на белорусском языке. Но, к немалому удивлению газетчиков, большинство собравшегося по торжественному случаю населения не смогло ознакомиться ни с программной речью товарища Молотова, ни с приказами военного командования, ни с заметками «наших корреспондентов», поскольку не знало белорусского языка.) В-третьих, «цыпленок тоже хочет жить»: при Пилсудском выгоднее быть поляком, при Сталине – назваться белорусом или украинцем. Лишь последователи «моисеевой веры» всегда и для всех властей оставались евреями, потому никакой с ними путаницы.

Немцам, понятное дело, достались остальные территории с населением около 22 миллионов человек.

Новую удачную сделку в Кремле отметили традиционным банкетом с обильными возлияниями и взаимными клятвами в верности.

29 сентября было опубликовано совместное заявление двух подружившихся режимов: «После того как Германское правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие с распадом Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов». В общем, Польши больше нет, и воевать не за что, давайте мириться. А кто не хочет – тот и «несет ответственность за продолжение войны».

Советско-германская договоренность была доведена до войск, действовавших в Польше, уже через три часа после подписания. Штабы Белорусского и Украинского фронтов получили распоряжение № 625 об остановке войск на достигнутых рубежах не позднее 18 часов 29 сентября. В приказе командования Белорусского фронта от 30 сентября давалось примерное описание границы и указывалось, что приблизительно с 5 октября намечается отход советских войск на запад. А пока командарм 2 ранга Ковалев ставил задачу «теперь же начать отвод всех обозов, транспортов и машин к востоку от границы, без ущерба для нормального питания войск», приступить к эвакуации с оставляемых территорий военного, и только военного, имущества, боеприпасов, горючего, трофеев, военнопленных, а также наметить маршруты отхода частей и организовать надежную связь с ними. Аналогичные указания были отданы Военным советом Украинского фронта.

2 октября Ворошилов и остальные знакомые нам лица обсудили детали предстоящего маневра и подписали протокол, во всем аналогичный договоренности от 21 сентября, за исключением пункта о взаимопомощи в деле уничтожения «польских банд». Красная Армия должна была начать движение вспять с утра 5 октября и выйти на линию государственной границы не позднее 11 октября. В 20 часов директива наркома обороны ушла в войска.

Теперь расстроились советские военачальники. Поздним вечером командующий Белорусским фронтом отправил в Москву телеграмму: «Установленная граница по р. Буг у г. Брест-Литовска крайне невыгодна для нас по следующим причинам: город Брест границей делится на две части – западный обвод фортов достается немцам; при близости границы невозможно использовать полностью богатейший казарменный фонд в г. Бресте; железнодорожный узел и сам город будут находиться в сфере пулеметного огня; переправы на р. Буг не будут открыты необходимой территорией. Замечательный аэродром у Милашевичи достанется немцам.

Командующий фронтом просит пересмотреть границу в районе Брест-Литовска», оставив за СССР часть территории на западном берегу реки. На следующий день пришел ответ, что «граница у Бреста установлена соглашением и менять ее невозможно». Все осталось, как есть. В дальнейшем «богатейший казарменный фонд», несмотря на близость границы и «сферу пулеметного огня», будет использован в максимально возможной степени, что в конечном итоге привело к еще одной обороне Брестской крепости.

До 5 октября советские войска занимались эвакуацией военной добычи с территории, расположенной западнее установленной линии. Только войска 5-й армии вывезли за реку Западный Буг 64 паровоза, 70 пассажирских, 1130 крытых вагонов, 534 платформы, 609 углерок, 104 цистерны и различных грузов общим объемом 2174 вагона. В полосе Белорусского фронта в СССР было вывезено 205 паровозов и 3942 отнюдь не пустых вагона.

Не всем повезло собирать цветы и трофеи. Некоторым советским частям довелось драться всерьез. Так, на Полесье чуть не полностью была разгромлена 52-я стрелковая дивизия полковника Руссиянова. Переданная в состав Украинского фронта, она следовала от Кобрина на Влодаву, имея задачу не допустить прорыва отступающих польских войск через Западный Буг. 27 сентября 411-й танковый батальон и 52-й противотанковый дивизион заняли городишко Шацк, взяв в плен 429 польских военнослужащих, но упустив ускользнувший буквально из-под носа штаб генерала Клебэрга. Зато советские подразделения ненароком преградили пути отхода на запад пограничникам генерала Рюкеманна, группа которого в этот день миновала Ратно, попутно «четко и энергично» ликвидировав «банду», установившую в городе Советскую власть и открывшую по польской колонне огонь из пулеметов. Затем поступили сведения, что впереди находятся регулярные части РККА. Предстояло прорываться. Дело облегчалось тем, что красные командиры традиционно слабо представляли себе обстановку. Главную роль в задуманной операции должен был сыграть полк КОР «Сарны».

Утром 28 сентября в Шацк явился гражданин, сообщивший «освободителям», что в лесу юго-восточнее города эскадрон поляков хочет сдаться в плен. Не проверив информацию, 411-й танковый батальон без разведки двинулся колонной в дефиле озер Люцемер и Круглое, где с хорошо укрытых позиций был обстрелян противотанковой артиллерией противника и, потеряв 8 танков и 7 человек убитыми, стал отходить. К полудню полк «Сарны» занял Шацк, открыв тем самым путь на запад и захватив штабные документы, в том числе приказ комдива, именовавший группу Рюкеманна «бандой польских офицеров».

На перешейке между Бугом и озером Пулемецкое бригада КОР «Полесье» и батальон «Клецк» организовали правильную войну с 58-м стрелковым полком и разведывательным батальоном 52-й дивизии. В результате в бою получил ранение полковник Руссиянов, а призванные по мобилизации красноармейцы стали разбегаться. Поляки захватили один танк, пять грузовиков, два орудия. В ходе сражений, продолжавшихся всю ночь, 112-му стрелковому полку удалось окружить у деревни Мельники часть бригады «Полесье» силой до полутора батальонов и принудить ее к сдаче. В то же время 411-й танковый батальон, попытавшийся выйти полякам в тыл и отбить Шацк, вновь попал в артиллерийскую засаду, среди прочих был убит командир батальона капитан Насенюк. Подразделения дивизии зачастую не имели связи друг с другом, практически никак не управлялись. Лишь к 9 утра 29 сентября командованию удалось навести порядок в частях. Все это привело к затягиванию боев и высоким потерям: 81 человек был убит и 184 ранены, подбито пять танков Т-26, два Т-38, три трактора и три противотанковых орудия. Было взято в плен 1100 польских военнослужащих, на поле боя противник оставил 524 трупа, советскими трофеями стали 500 винтовок, 34 пулемета, 60 тысяч патронов. Взятых в плен офицеров и подофицеров погранстражи – 200 человек – расстреляли в лесу.

Польская группа, оставив Шацк, к 30 сентября переправилась через Западный Буг. Численность ее уменьшилась до 3000 человек, остатки бригады КОР «Полесье» были преобразо-

ваны в батальон. В качестве следующей цели генерал Рюкеманн поставил достичь лесов южнее Парчева и соединиться там с группой Клебэрга.

Но у Вытычно части КОР снова вынуждены были дать бой, на этот раз 253-му полку 45-й стрелковой дивизии и 16-му полку 87-й стрелковой дивизии, высланным на помощь Руссиянову.

«В 4.50 1 октября танковая рота разведбатальона, двигавшаяся в составе подвижного отряда впереди 253-го стрелкового полка, достигла южной окраины Вытычно, где была встречена огнем двух противотанковых орудий, в результате чего 2 танка Т-37 были выведены из строя (один танк сгорел, на другом танке был сбит колпак; от экипажей танков осталось по 1 человеку)...

Высланный в 5.30 в разведку кавэскадрон разведбатальона, получивший задачу установить состав противника, занимающего Вытычно, достиг западной и восточной окраин Вытычно, где был встречен сильным огнем 7 станковых пулеметов противника, организовавшего оборону на северо-восточном берегу озера Вытыцке, южной окраине Вытычно, южной опушке роуи восточнее Вытычно. Станковые и ручные пулеметы были установлены и замаскированы на стогах сена, деревьях, окнах домов, а также на специально заготовленных лодках на озере Вытыцке. 18 противотанковых орудий были установлены на южной окраине Вытычно, и весь узкий перешеек между оз. Вытыцке и Вытычно находился под сильным обстрелом. Указанный район оборонялся противником силою до 2000 человек, состоявших из различных подразделений пограничников, жандармов и офицеров, оказывавших упорное сопротивление и переходящих в контратаки...

В 7.00, выполняя поставленную задачу, подразделения пошли в атаку. Кавэскадрон разведбатальона и 1-й стрелковый батальон, наступая на Вытычно, в 9.00 овладели Вытычно и захватили в плен 400 человек... 2-й стрелковый батальон, наступая по восточному берегу оз. Вытыцке в направлении Метелка, был встречен сильным пулеметным огнем. Огонь велся с лодок, плавающих по озеру. Батальон, выйдя на открытое место, понес большие потери и успеха не имел...

1-й стрелковый батальон, выполняя задачу, в 13.00 овладел Старым Майданом и продолжал наступать через лес на Метелки. По достижении 1-м стрелковым батальоном восточной опушки роуи (западнее Старого Майдана) противник силою до роты перешел в контратаку; произошла штыковая схватка, в результате которой уничтожено 170 человек противника...»

Казалось бы, зачем советскому командованию нужно было устраивать эту облаву и напрасно лить солдатскую кровь? Ведь дело происходило 1 октября в 30 километрах западнее Буга, то есть фактически в германской зоне оккупации. Но «красные» все равно побили «белых», из принципа. (Для сравнения: генерал Гальдер, передавая войскам сведения о начертании демаркационной линии, отмечал: «Фюрер хочет, чтобы впереди этой линии не погиб ни один солдат».) Потери 253-го стрелкового полка составили 31 человек убитыми, 101 ранеными, был выведен из строя один танк Т-37. Потери противника: убито 380, пленено около 1000 человек, захвачено 400 винтовок, 8 пулеметов, 4 орудия.

Остатки группы Рюкеманна отступили в леса на юг от Вытычно. С точки зрения генерала, положение стало безнадежным. Моральный дух его войска, преодолевшего за две недели 420 километров, заметно упал. Даже подполковник Сулик, командовавший наиболее боеспособным подразделением, докладывал что бойцы утомлены, боеприпасы на исходе, подразделения тают. В этих условиях Рюкеманн отдал приказ о роспуске группы, солдаты должны были уничтожить или закопать оружие, а затем разойтись в разных направлениях. Некоторые решили, что прощаться с оружием еще рано, и присоединились к группе генерала Клебэрга.

Сам Рюкеманн с группой офицеров 7 октября пробрался в Варшаву, где пытался участвовать в подпольной работе. Однако он скоро понял, что такое занятие ему не по душе, и при-

нял решение уехать во Францию и вступить в Войско Польское. В начале ноября генерал в компании с пятью офицерами выехал из Варшавы. Они счастливо миновали советско-германскую границу и через Белосток и Гродно пробрались в Литву, затем Латвию. Из Риги Рюкеманн самолетом вылетел в Стокгольм. Однако у премьера Сикорского работы для генерала не нашлось, и в Париж его не пригласили. В конце концов он перебрался в Великобританию, но никакого дела ему так и не доверили.

Отдельная оперативная группа «Полесье» в конце сентября оставалась последним крупным соединением польской армии. 28 сентября в районе Влодавы произошло объединение групп генерала Клебэрга, генерала Подгорского и полковника Бжоза. В тот же день они провели реорганизацию своей «армии», отдельные отряды и группы были влиты в полки и бригады, дивизия «Кобрин» переименована в 60-ю пехотную, дивизия «Береза» – в 50-ю. Таким образом, в состав оперативной группы «Полесье» вошли 50-я и 60-я пехотные дивизии (28 батальонов), кавалерийская дивизия «Заза», Подлясская кавалерийская бригада, три дивизиона артиллерии, рота противотанковых орудий – общей численностью около 18 000 человек.

После падения Варшавы генерал Клебэрг принял решение попытаться захватить армейские склады в Демблине, переправиться на западный берег Вислы, уйти в Карпаты и начать партизанские действия против немцев. Ближайшей точкой на проложенном маршруте была деревня Яблонь.

Утром 29 сентября головное подразделение 60-й пехотной дивизии обнаружило в деревне Пухова Гура, в 2 километрах от Яблони, разведывательный батальон 143-й стрелковой дивизии. Внезапной атакой с ходу отряд моряков выбил красноармейцев из деревни. Вслед за этим подошедший 182-й пехотный полк пошел на штурм Яблони. Советский разведбат перешел и запросил подмоги. Ему на помощь были высланы стрелковая рота, взвод противотанкового дивизиона и авиационная эскадрилья. Тем не менее к 16 часам поляки заняли Яблонь. Согласно воспоминаниям полковника Эплера, в ходе столкновения был захвачен один танк, с которого поляки демонтировали пулемет, 4–5 станковых пулеметов, несколько десятков винтовок, взят в плен один красный командир и полсотни рядовых. Причем красноармейцев по их же просьбе влили в подразделения, и они «были с нами до конца, являясь верными и преданными товарищами».

Около 18 часов, подтянув еще два батальона 637-го стрелкового полка и дивизион 287-го арtpолка, затем стрелковый батальон и арtdивизион из состава 635-го стрелкового полка, на помощь были двинуты 1-й батальон и 1-й дивизион 287-го арtpолка, советские части атаковали засевшего в Яблони противника, но польская кавалерийская бригада под командованием генерала Кмициц-Скшиньского контратакой отбросила их на исходные позиции. В 22 часа состоялся повторный штурм с применением танков, и к ночи красные полки взяли деревню.

60-я дивизия отступила и оторвалась от противника, чтобы по приказу Клебэрга стать заслоном в районе Милянова, прикрывая с севера узел дорог в Парчеве, через который проходили главные силы ОГ «Полесье».

Утром 30 сентября в наступление на Парчев перешел 487-й стрелковый полк 143-й дивизии. Он прошел беспрепятственно через Милянов, однако южнее, на опушке леса, был встречен плотным ружейно-пулеметным огнем. Поскольку командир полка в ходе наступления потерял связь с арtdивизионом, то не смог поддержать свои батальоны. Исход боя в пользу поляков решили огневой налет гаубиц, выход роты станковых пулеметов во фланг противника и штыковой удар. Красноармейцы бежали с поля боя. Согласно польским источникам, «здесь был уничтожен целый советский отряд. Почти сотня трупов осталась на поле боя, а в плен было взято почти 60 человек. Захвачено 11 станковых и 7 ручных пулеметов, одно противотанковое орудие, боеприпасы». По советским данным, потери составили 36 человек убитыми, 41 ранеными, 9 попали в плен, 3 танка, 3 автомашины, 4 пулемета и 1 орудие. Было пленено 189 польских

военнослужащих, на поле боя насчитали 20 трупов противника, а трофеями стали 14 винтовок, 4 лошади и 1 походная кухня. В довершение всех неприятностей у деревни Бояснув немецкие бронемашины обстреляли саперный батальон 143-й стрелковой дивизии. Затем немцы выбросили опознавательный флаг, извинились и сказали, что русским теперь здесь делать нечего.

В ночь на 1 октября Чуйков отдал по армии приказ прекратить шевеление и перейти к обороне на достигнутых рубежах. Польские части отошли на юго-запад.

Южнее командование 140-й дивизии 36-го стрелкового корпуса, вошедшего в состав 5-й армии, в районе юго-восточнее Янува вело переговоры о сдаче Красной Армии с группой полковника Тадеуша Зеленовского, командира 33-й резервной дивизии. Она вела бои с немцами, когда в ночь на 30 сентября в тыл ей вышли советские части. В 22 часа при переходе от Кржеменя 1-й батальон 445-го стрелкового полка был обстрелян ружейно-пулеметным огнем. Развернувшись, батальон вступил в бой, продолжавшийся до часа ночи. За это время было отбито три атаки противника, но подход 3-го батальона 637-го стрелкового полка и танкового батальона решил исход боя в пользу советских войск, которые потеряли 3 человека убитыми и 5 ранеными. В ходе боя огонь танковых пушек перемежался призывами громкоговорителей к сдаче. Около 17 часов 1 октября, ввиду безнадежности положения, полковник решил прекратить сопротивление. В плен попало свыше 12 000 польских военнослужащих, сдавших 12 229 винтовок, 728 пулеметов, 64 орудия, 5,6 миллиона патронов и большие запасы военного имущества. Часть офицеров сумела уйти в Венгрию. Полковник Зеленовский бежал из плена и уже в конце 1939 года занимался формированием 3-й пехотной дивизии во Франции.

Оторвавшись от советских войск, группа генерала Клебэрга 2 октября около Коцка столкнулась с частями 13-й моторизованной дивизии генерал-лейтенанта Пауля Отто и с ходу их атаковала. 50-я пехотная дивизия «Береза» и кавалеристы генерала Подгорского в ходе сражения уничтожили три вражеских танка и взяли 200 человек пленными. Сопротивление немцев было сломлено, и генерал Клебэрг стал развивать наступление в направлении Адамова. 3 октября весь день продолжались кровопролитные бои. Обе стороны несли большие потери. Немецкая дивизия оказалась в очень тяжелом положении, но и поляки не могли добиться решающего успеха. 4 октября польские части прекратили атаки и перешли к обороне. Генерал Клебэрг намеревался перегруппировать свои силы и попытаться снова атаковать врага. Но немцы опередили его.

В районе Адамова и Воля Гуловска разгорелись ожесточенные бои. Противнику удалось глубоко вклиниться в расположение 50-й пехотной дивизии. У поляков кончались боеприпасы. Вскоре ситуация стала угрожающей – с северо-запада к Коцку приближалась 29-я моторизованная дивизия.

5 октября Клебэрг ввел в сражение находившуюся в резерве 60-ю пехотную дивизию. Он планировал разбить сначала 13-ю мотодивизию, а затем бросить все силы против 29-й дивизии. Свежие части опрокинули противника: 184-й пехотный полк выбил немцев из Воли Гуловской, а 182-й пехотный полк занял Геленов. Поляки взяли много трофеев и около сотни пленных. 13-я моторизованная дивизия находилась на грани разгрома, и спасло ее только то, что у поляков практически не осталось боеприпасов. Против 29-й мотодивизии сражаться было нечем. В 20.00 на совещании командиров частей в Городище было принято решение прекратить сопротивление. Последний приказ Клебэрга начинался словами: «Варшава пала, прежде чем мы дошли...»

Утром 6 октября войска отдельной оперативной группы «Полесье» стали сдаваться в плен. В этот день германское военное командование опубликовало последнюю сводку о боевых действиях в Польше. Генерал Клебэрг умер в плену 5 апреля 1941 года.

С 5 по 12 октября 1939 года советские войска отходили на линию новой границы. Точно по графику оставил Сувалкский выступ 16-й стрелковый корпус, передав немцам 6 октября город Сувалки. Эвакуировалась за Буг 10-я армия, оставив Косув и Малина Гурну.

Армия Чуйкова 6 октября передала немцам Седльце и Лукув, 10 октября – Бяла-Подляску. Командир 6-го кавалерийского корпуса раздал цветы обратно и сдал немцам город Сокулув: «Пришлось вести дипломатические переговоры с представителями немецко-фашистского командования, – не скрывал отвращения «дипломат» Еременко. – Я еще не знал тогда, что менее чем через два года мне придется вести с ними разговор на другом языке, но уже тогда мне стало ясно, сколько в них спеси и наглости. Считая, что уход за Буг мы должны начать немедленно и что разговаривать о сроках нашего отхода нечего, генерал заносчиво потребовал, чтобы немецкому командованию было прежде всего разрешено открыть свою базу снабжения на ст. Сокулув. Сохраняя спокойствие, я сказал ему: «Вы забываете, господин генерал, что говорите не с представителем панской Польши, а с советским генералом»... Немецкие представители стали сговорчивее, и мы договорились, что за Буг наши войска отойдут в течение четырех суток...» Через два года товарищ Сталин полководцу Еременко приклеит кличку «брехун». С чего бы?

В полосе 5-й армии части 4-й пехотной дивизии заняли Влодаву, а 27-я пехотная дивизия 9 октября вступила в Хелм. Причем, пока в городе отсутствовала всякая власть, польское население отвело душу и сильно побило Рабочую гвардию Хелма.

К вечеру 12 октября Красная Армия отошла за демаркационную линию на всем ее протяжении. 16 октября границу приняли под охрану войска НКВД. Освободительный поход закончился. Политическим руководством он был воспринят как убедительное подтверждение боевой мощи Красной Армии – управились не хуже немцев, звонивших о своем «блицкриге». Население преисполнилось уверенности, что вооруженные силы Советской страны – самые сильные в мире. После блистательной победы над практически не оказавшим сопротивления противником никому не хотелось поднимать «провокационные» вопросы о слабой подготовке личного состава, безобразном состоянии связи и матчасти, отсутствии взаимодействия родов войск и полном развале в вопросах тылового и технического обеспечения. Так, согласно оперативному донесению начальника штаба 32-й танковой бригады майора Болотова, бригада, совершив 350-километровый марш-парад на запад (большей частью по главному шоссе Белоруссии), в боевых столкновениях безвозвратно потеряла один танк Т-26, а 69 машин, больше трети состава, бросила на дороге «из-за технических дефектов». Всего бронетанковые войска двух фронтов разбросали по дорогам почти полтысячи неисправных танков. Лишь потеряв в «зимней войне» более 300 тысяч человек убитыми и ранеными, Сталин задумался о несовершенстве созданной им военной машины. «Нам страшно повредила Польская кампания, – заявил он на закрытом совещании с высшими военачальниками. – Она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша Красная Армия непобедима, что у нее все есть, нет никаких нехваток, что наша армия непобедимая... Наша армия не сразу поняла, что война в Польше – это была военная прогулка, а не война».

Но пока гораздо интереснее было считать трофеи.

Советские войска, по официальным данным, озвученным В.М. Молотовым, захватили свыше 900 орудий, более 10 000 пулеметов, свыше 300 тысяч винтовок, более 150 миллионов патронов, около 1 миллиона снарядов и до 300 самолетов. С 17 сентября по 2 октября ими было убито 3500 «бандитов», взято в плен 452 тысячи человек, в том числе почти 19 тысяч польских офицеров: 394 тысячи разоружили войска Украинского фронта и 60 тысяч – Белорусского.

Вячеслав Михайлович первым назвал и «общее количество жертв, понесенных Красной Армией: убитых – 737, раненых – 1862, то есть в целом – 2599 человек». На сегодняшний день официальными цифрами считаются 1475 командиров и красноармейцев погибшими, умершими от ран, пропавшими без вести и 2002 ранеными, то есть «в целом» – уже 3477 человек.

Некоторые польские авторы считают эти данные заниженными как минимум вдвое и говорят о 2500–3000 убитых, а вместе с ранеными советские потери оценивают в 8000–10 000 человек.

Большая часть оказавшихся в советском плену польских военнослужащих была сразу же отпущена по домам. В лагерях НКВД оказалось 125 400 человек. Из них в 1939–1941 годах 43 054 человека передали Германии, немцы передали СССР 13 575 человек. Когда выяснилось, что пленных польских офицеров в подавляющем большинстве невозможно использовать в интересах Страны Советов, их – более 22 000 человек – расстреляли весной 1940 года.

На заседании сессии Верховного Совета, подводя итоги Польской кампании, Молотов всласть поиздевался над кичливостью и банкротством «уродливого детища Версальского договора», развалившегося в результате совместных ударов «сперва германской, а затем – Красной Армии». А также над гарантиями незадачливых польских союзников. Вспомнив о наболевшем, Председатель Совнаркома разъяснил народным избранникам, что с недавних пор «старые формулы устарели» и понятие «агрессор» наполнилось новым смыслом. Агрессорами теперь являются не Германия, оккупировавшая Польшу и всеми фибрами стремящаяся к окончанию войны, и уж никак не Советский Союз, соблюдающий строгий нейтралитет и «политически поддерживающий» стремление Рейха к миру, а поднявшие флаг борьбы с гитлеризмом Англия и Франция. Борьбы бессмысленной и ненужной рабочему классу. Во-первых, Польша все равно уже поделена, о ее восстановлении «не может быть и речи», и, кроме нас с Германией, это никого не касается. Во-вторых, «идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать», но ставить целью уничтожение гитлеризма – преступно (в этот период большевики и нацисты, действовавшие в унисон, тщательно согласовывали друг с другом каждую формулировку и даже лексикон использовали одинаковый; в данном случае Вячеслав Михайлович развил тезис Риббентропа: «Бессмысленной угрозе английских поджигателей войны – «уничтожить гитлеризм», – что означает не что иное, как уничтожение германского народа, – с таким же успехом может быть противопоставлен такой германский лозунг, как, например, «уничтожение английской демократии». Впрочем, Риббентропа ли? Не единожды имперский министр тексты своих речей и заявлений давал на редактуру Сталину!). Поэтому советские отношения с Германским государством строятся «на базе дружественных отношений», назло поджигателям войны. После таких речей главы правительства даже лагерная охрана на Колыме прекратила в качестве ругательства употреблять слово «фашист», а из библиотек начали изымать антифашистскую литературу.

«Польское государство, правители которого всегда проявляли так много заносчивости и бахвальства, при первом же серьезном военном столкновении разлетелось, как старая сгнившая телега... Стремительным натиском части Красной Армии разгромили польские войска, выполнив в короткие сроки свой долг перед Родиной... Договор о дружбе и границе между СССР и Германией как нельзя лучше отвечает интересам народов двух крупнейших государств Европы... Европейская война, в которой Англия и Франция выступают как ее усердные зачинщики и продолжатели, еще не разгорелась в бушующее пожарище, но англо-французские агрессоры, не проявляя воли к миру, все делают для усиления войны, для распространения ее на другие страны...» – вторил Молотову нарком обороны Ворошилов.

«Большевикам впору намечать свою делегацию на наш партийный съезд», – записывал в дневник Альфред Розенберг. Немцы переводили речи Молотова на французский язык и с самолетов разбрасывали над Францией.

Новое экономическое соглашение подтвердило готовность Москвы продолжать многостороннее сотрудничество в деле «установления мира». Приступив к разработке планов сокращения Франции, немцы попросили ускорить и значительно увеличить объемы поставок стратегического сырья, производимого и закупаемого для германской промышленности Советским Союзом. Причем герр Шнурре в тезисах к переговорам подчеркивал: «Независимо от договора от 19 августа 1939 г. Советский Союз должен поставить нам сырье стоимостью в X мил-

лионов марок. Германские компенсации за это сырье не последуют немедленно, но должны будут принять форму программ по поставкам и капиталовложениям, растянутым на период около пяти лет... Поставки сырья, требуемого нами, ввиду неудовлетворительной ситуации со снабжением в России, **могут быть выполнены лишь за счет собственного потребления русских... В этом смысле переговоры будут проверкой того, готов ли Сталин делать далеко идущие практические выводы из нового политического курса».**

Сталин был готов, он вообще был на многое готов, лишь бы не затухал пожар в Европе. 9 октября «Правда» сообщила, что в ходе беседы господина Шнурре с товарищем Молотовым было установлено согласие о том, что экономическая программа «будет осуществляться обеими странами ускоренным порядком и в широком масштабе. При этом, в частности, состоялось соглашение о том, что СССР незамедлительно приступит к снабжению Германии сырьем, а Германия – к выполнению поставок для СССР».

Созданное в Париже 30 сентября 1939 года польское эмигрантское правительство Рачковского – Сикорского не признало территориальных изменений, произведенных в Польше, но Сталину на их мнение было глубоко плевать. «Правда» на новость отреагировала фельетоном.

Лондон и Париж, не желая преумножать число врагов и рассматривая действия СССР как меньшее зло по сравнению с германской оккупацией всей польской территории, на действия Красной Армии отреагировали спокойно, квалифицировав их как упреждающие по отношению к Германии. В выступлении по радио 1 октября лидер оппозиции Черчилль разяснял возмущенной английской общественности: «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует, и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть». Коварным англосаксам ни к чему было объединение Германии и СССР перед лицом общего противника. Наоборот, между ними следовало вбить клин, перетянуть пока еще «нейтрального» Сталина в «демократический лагерь». О том и речь: «Учитывая соображения собственной безопасности, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Черного моря или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся интересам России».

Тем временем оба режима, не обращая внимания на провокацию сэра Уинстона, «в порядке дружественного обоюдного согласия» принялись осваивать приобретенные территории. Германия одну часть Польши объявила чисто немецкими землями, другую – генерал-губернаторством Германской империи.

Политбюро ЦК ВКП(б) 1 октября приняло программу советизации западных областей, которая стала неукоснительно осуществляться. Избранные 22 октября Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии, «выражая непреклонную волю и желания народов», 27–29 октября единогласно провозгласили на «освобожденных» территориях Советскую власть.

«Польское государство было тюрьмой народов, – говорилось в Декларации собравшегося в Белостоке Народного собрания Западной Белоруссии, – правительство проводило гнусную политику насильственного ополячивания. Белорусы, украинцы и другие народы не польской национальности были лишены права на развитие своей культуры и даже на родной язык. Национальные белорусские, украинские и еврейские школы были разгромлены. Таковы были порядки и условия жизни трудящихся Западной Белоруссии в бывшей польской державе. Народы великого Союза Советских Социалистических Республик протянули нам руку брат-

ской помощи и навсегда освободили трудящихся Западной Белоруссии из-под ярма политического, социального и национального гнета. Впервые народы Западной Белоруссии получили право распоряжаться своей судьбой...

Пример Советского Союза и опыт нашей жизни в панской Польше убеждают нас в том, что только Советская власть может избавить народы Западной Белоруссии от эксплуатации, нищеты, голода и несправедливости. Только Советская власть обеспечит нам политическое, хозяйственное и культурное процветание, обеспечит свободу национального развития всех народов Западной Белоруссии».

Учитывая конкретные обстоятельства, трудно себе представить другой результат. Численность войск в составе Белорусского и Украинского фронтов в октябре достигла более 2,4 миллиона человек, то есть на пять жителей приходился один «человек с ружьем». Командиры, политработники и бойцы-агитаторы, наряду с местными и заезжими коммунистами, принимали самое активное участие в избирательной кампании по выдвижению кандидатов в депутаты: «Они несли в массы слова правды о первом в мире социалистическом государстве, о жизни трудящихся СССР, **помогали выдвигать** в Народное собрание лучших сынов и дочерей народа». В Западной Украине одна только 6-я армия отправила в народ 3000 агитаторов. В дополнение к ним прибыл «десант» из СССР, к примеру, в Западную Белоруссию Минск прислал 4000 пропагандистов, 250 лекторов и 12 автоагитколонн. Кампания продолжалась две недели, протекала бурно и красочно – с листовками, плакатами, собраниями, музыкой, песнями и буфетами. Право выдвижения имели Временные управления, Крестьянские комитеты, собрания Рабочей Гвардии и коллективы трудящихся. Как сообщал из Львова доктор Эдмунд Парнес: «Выборные комиссии были укомплектованы самими коммунистами, предвыборными собраниями руководили коммунисты, ораторы были назначены сверху, точно так же были сверху продиктованы предложения и резолюции». Все выступающие призывали голосовать за бедняков, простых людей, упирая на ленинский тезис о кухарке, управляющей государством. Альтернативных кандидатур не было, ответственными товарищами выдвигался один кандидат – и «за него и голосовали».

Голосовали вполне добровольно и, как правило, «за». Если были допущены к избирательным урнам. Здесь следует уточнить: кто голосовал и за что голосовали, поскольку численность избирателей и общая численность населения несколько отличались друг от друга. Не попали в состав «электората» арестованные, находящиеся в бегах, лишённые права голоса политические, государственные, общественные деятели, лидеры и активисты всех прочих партий и движений, крупные чиновники, военные, полицейские, стражники, осадники, лесники, «помещики и капиталисты» и весь прочий «враждебный пролетариату класс».

Вот картинка на одном из избирательных участков Бреста: «В день выборов капитан был очень озабочен. Он сказал, что проголосовать должны все 100 %. Люди приходили, брали билетик с напечатанными именами кандидатов и, не читая, бросали в урну. Некоторые, чтобы показать свою лояльность, даже не заходили в будку, косо поглядывая на нескольких командиров, которые сидели за столом. Когда пришло время закрыть участок и подсчитать голоса, оказалось, что некоторое количество людей не приняло участия в голосовании. Тогда наш капитан схватил горсть избирательных бюллетеней и, бросив их в урну, приказал сделать пересчет. Оказалось, что билетиков было больше, чем избирателей. Капитан был доволен. В своем докладе он сообщил, что все кандидаты и все решения приняты избирателями на 99,99 %».

При таком «административном ресурсе» можно было присоединить западные территории хоть к Союзу, хоть к Рейху, хоть к Марсу. Например, к моменту выборов около полумиллиона белорусов, поляков, евреев, литовцев, проживавших в Вильно и Виленской области, узнали, что они граждане «фашистской» Литвы, и – никаких возражений. Так товарищ Сталин решил, без всяких депутатов и референдумов.

По официальным советским источникам, в выборах в Народное собрание Западной Украины участвовало 4 433 тысячи человек, или 92,83 % избирателей, за избрание кандидатов было подано 90,93 % голосов. Не явилось или голосовало «против» более 700 тысяч человек. Если соотнести эти ни к какой точке отсчета не привязанные цифры, имеющие цель лишь выпятить пресловутые 90 %, с демографическими данными, то получается, что к выборам было допущено 4 775 тысяч человек, а «за» проголосовало чуть больше 4 миллионов при общей численности населения Западной Украины 9,4 миллиона человек.

Таким образом, подавляющую массу выборщиков составляли «трудящиеся», причем, как показывает национальный состав депутатов, в основном белорусы и украинцы, из «угнетенных» попавшие в «титульные нации». Народное собрание Западной Украины было на 92,4 % «укомплектовано» украинцами, на 4,1 % евреями и на 3 % поляками; в Западной Белоруссии 67,1 % – белорусы, 13,7 % – поляки, 7,8 % – евреи, 5,7 % – украинцы. При том, что, повторяюсь, поляки – это треть населения западных областей. Впрочем, польская общественность, которую вытягивали на предвыборные собрания, безропотно голосовала за выдвижение предложенных кандидатур, отчасти из охватившей ее социальной апатии, отчасти из нежелания «раздражать большевиков», хотя в некоторые урны при голосовании «враги народа опускали контрреволюционные листовки».

С другой стороны, действия новой власти на первом этапе, казалось, подтверждали правильность сделанного выбора. «Это было время преимущественно военной администрации, – писал Парнес. – Главенствовала толерантность – административная и политическая. Органы управления функционировали согласно давней польской организации и при помощи польских чиновников, главное, чтобы руководящие посты были заняты назначенными местными или приехавшими с Киевщины коммунистами. Среди местных преобладали украинцы. Функции полиции исполняла рабочая милиция. Школы не трогали, признавая все языки равноправными (польский, украинский, еврейский и русский). Проводилась национализация банков, фабрик, магазинов, их хозяев, как правило, арестовывали. В этот период властные функции в городе осуществляли рабочие и местные коммунисты под руководством коммунистов, прибывших из СССР». А с нетерпением ожидавшийся крестьянством раздел помещичьих земель? А сам факт внезапного перехода от лишений военного времени к мирной жизни?

В короткий период Временного управления, длившийся до середины ноября 1939 года, Москва всячески заигрывала с местным населением и демонстрировала привлекательность жизни в Советской стране, где нет эксплуататоров, где фабрики – рабочим, а земля – крестьянам, где счастливое детство и бесплатное образование, где под сенью «драгоценного сталинского закона» процветают одиннадцать братских республик:

*Бледны и бессильны слова у певцов.
Пред нами одиннадцать стран-близнецов.
И счастлив и радостен каждый близнец:
Их мать – Конституция, Сталин – отец.
Их Сталин лелеет, растит и ведет,
Великое братство народов цветет.*

(Очень хотелось западникам взглянуть хоть одним глазком на этот рай, да туда до поры до времени никого не пускали, кроме тщательно отобранных товарищей.)

Поэтому депутаты Народных собраний без всяких сомнений и буржуазных проволочек, вроде плебисцита, обратились к Москве с просьбой о включении бывшей Малой Польши в состав Советского Союза и воссоединении Западной Украины и Западной Белоруссии с УССР и БССР.

1–2 ноября Верховный Совет СССР просьбы удовлетворил. В течение двух последующих лет население западных областей учили жить в «братской семье».

УКРЕПЛЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ

Независимые прибалтийские государства возникли в результате развала Российской империи, поражения Германии и бурных событий Гражданской войны.

Первые ростки как советской, так и национальной власти были задвлены кайзеровской армией, полностью оккупировавшей Прибалтику к началу весны 1918 года. Согласно сепаратному Брест-Литовскому договору, подписанному большевиками 3 марта, Россия выходила из Первой мировой войны, отдавая взамен свои территории, в частности, Литва, Латвия, Эстония отпадали от России.

В.И. Ленин угрозой своей отставки заставил партию (и народы бывшей империи) оплатить приход к власти. Главным для него в тот период были не патриотические лозунги, а шанс эту власть, при поддержке тех же немцев, удержать и выиграть время: «Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун». Пока Ильич занимался советизацией отведенной ему резервации и налаживал «красный террор», в Берлине обдумывали планы создания Балтийского герцогства. Однако, несмотря на ликвидацию Восточного фронта, большевистскую помощь солдатами и хлебом, Германская империя рухнула.

13 ноября 1918 года ВЦИК Республики Советов торжественно заявил, что условия Брестского мира «лишились силы и значения», и призвал народы «самим решить свою судьбу». Центральное бюро большевистских организаций оккупированных областей тут же выпустило воззвание: «Мы не можем допустить организацию контрреволюционных элементов и захват власти... Восстаньте все, как один! Немедленно приступайте к организации Советов рабочих депутатов!» Вслед за уходящими немецкими войсками части Рабоче-Крестьянской Красной Армии двинулись на запад. Однако, как оказалось, там уже успели образоваться собственные национальные правительства.

Еще 11 декабря 1917 года в Каунасе литовская тарйба провозгласила восстановление Литовского государства, а 11 ноября 1918 года Вольдемарас сформировал первое литовское правительство.

24 февраля 1918 года эстонский парламент манифестом объявил Эстонию независимой демократической республикой. 11 ноября того же года к власти пришло Временное правительство во главе с лидером Союза аграриев Пятсом.

17 ноября 1918 года в Латвии было провозглашено независимое Латышское государство и создано Временное правительство под началом председателя Крестьянского союза Ульманиса.

Большевиков это не смутило. Правительства были буржуазные, значит, неправильные. В середине ноября Ревельский ревком призвал народ выступить против «самозванного правительства Пятса» и попросил трудящихся РСФСР оказать эстонцам помощь войсками Красной Армии. В ответ на эту просьбу, точнее, даже раньше, советское правительство сосредоточило у эстонской границы 7-ю армию и доставленные со всех фронтов «красные» эстонские и латышские части и без промедления двинуло их в наступление. 25 ноября 1918 года латышские стрелки взяли Псков, к утру 29 ноября – Нарву. Уже в полдень того же дня в здании Нарвской ратуши местные и пришлые большевики провозгласили Советскую Социалистическую Республику – Эстляндскую трудовую коммуну во главе с товарищем Анвельтом, которую Ленин признал 7 декабря. К началу января 1919 года красные войска заняли большую часть Эстонии, не дойдя всего 30 километров до Ревеля (Таллина), и своими штыками обеспечивали развернувшиеся «социалистические преобразования». Однако 9 января «белоэсты» при поддержке немецких войск, финских и русских добровольческих формирований перешли в контрнаступление и уже через десять дней вошли в Нарву. Правительство Коммуны перебралось в Псков,

затем в Лугу. Надежды на реванш оно не теряло и 18 февраля с одобрения ЦК РКП(б) приступило к формированию Эстляндской Красной Армии. В марте – апреле последовала еще одна попытка вторгнуться в Эстонию, но и она закончилась неудачей. Москва, отвлеченная борьбой с Колчаком, помочь дополнительными силами не имела возможности. Более того, в мае перешла в наступление сформированная на территории Эстонии армия генерала Н.Н. Юденича. 25 мая она отбила Псков, к середине июня белые были под стенами Петрограда. Эстляндскую Красную Армию пришлось расформировать. Осенью добились Юденича. 31 октября 1919 года красные войска вернули Лугу, 7 ноября – Гдов. 2 февраля 1920 года Москва заключила с Таллином мирный договор, согласно которому Советская Республика «добровольно и на вечные времена» отказывалась от «всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к эстонскому народу и земле».

В Латвии процесс протекал аналогичным образом. 17 декабря 1918 года латвийские социал-демократы образовали Временное правительство в составе девяти человек, немедленно «низложившее» правительство Пятса и провозгласившее в Латвии Советскую власть. Москва выдала свое «признание» через пять дней. Красные латышские стрелки вторглись на родную землю. 3 января 1919 года пала Рига, к концу января была захвачена большая часть страны. Дальнейшее – понятно. В течение пяти месяцев длился красный террор и революционные преобразования. В начале лета «контрреволюционные силы» при содействии Антанты и немецких добровольцев отбили Ригу и вышибли «борцов за правое дело». Мир с «буржуазной» Латвией был подписан 11 августа 1920 года.

В Литве некоторое время царило двоевластие: в Ковно находилось национальное буржуазное правительство, в Вильнюсе заседали Временное рабоче-крестьянское правительство Мичкявичуса – Капсукаса, провозглашенное 16 декабря 1918 года. В феврале 1919 года Советская Литва по совету Москвы была объединена с Советской Белоруссией в единое государство Литбел. Гражданской войны не получилось, поскольку у двух литовских государств имелся общий противник – возрождающаяся Польша с ее стремлением раскинуть крылья белого орла «от можа до можа». В течение весны и лета 1919 года легионы Пилсудского захватили Вильно, Минск, Слуцк, Борисов. Гибрид Литвы и Белоруссии был ликвидирован. 12 июля 1920 года в Москве был подписан мирный договор между Советской Россией и Литвой. В ходе наступления войск Тухачевского Красная Армия отбила Вильно и 8 августа передала его Литве. Через неделю последовал польский контрудар под Варшавой, советский Западный фронт развалился. Понеся огромные потери, Красная Армия оставила территорию Польши и Западную Беларусь. Несмотря на вердикт, вынесенный западными державами об оставлении Вильно в составе Литвы, в ноябре поляки захватили город и включили его в состав Речи Посполитой. 18 марта 1921 года РСФСР и Польша подписали Рижский мирный договор, отсекавший Литву от России.

В течение межвоенного двадцатилетия Эстония, Латвия и Литва, играя роль буферных государств между «цивилизованной» Европой и «Совдепией», являлись объектами борьбы великих держав за влияние в регионе. Влияние почивавших на лаврах победителей Англии и Франции со временем утрачивалось, германское – росло. В силу стратегической важности региона, советское руководство также стремилось усилить свое влияние в Прибалтике, используя дипломатические средства, коммунистическую пропаганду и подрывные методы. Так, в ноябре 1924 года была предпринята попытка организовать «пролетарскую революцию» в соседней Эстонии. Тогда боевые группы, сформированные из местных коммунистов и прибывших нелегально агентов Коминтерна и советской разведки, захватили в Таллине несколько правительственных и военных объектов. Целью восстания провозглашалось свержение «кровоавого фашистского режима» и прихода к власти «правительства рабочих и крестьян». Однако выступление было подавлено через шесть часов после начала, рабочий класс коммунистов не

поддержал. События, конечно, не улучшили отношения Запада к СССР. На антисоветской волне к 1934 году в Эстонии, Латвии и Литве были установлены авторитарные режимы.

К концу 30-х годов основными соперниками в борьбе за влияние в Прибалтике стали Германия и Советский Союз, с которыми «лимитрофы» оказались связаны системой экономических соглашений и договоров о ненападении.

Советский Союз рассматривал Эстонию и Латвию как сферу своих национальных интересов, о чем было недвусмысленно заявлено в нотах от 28 марта 1939 года: «О нетерпимости СССР к любым попыткам поставить политику Латвии (Эстонии) под контроль третьей державы». Эту же позицию советские представители отстаивали на московских переговорах с Англией и Францией весной – летом 1939 года. В ходе обсуждения вопросов о гарантиях прибалтийским странам советское руководство убедилось: западные демократии не пойдут на удовлетворение советских требований в отношении Прибалтики. В том числе и поэтому Москва вступила в переговоры с Берлином, признавшим советские интересы в Латвии, Эстонии и Финляндии.

Пакт Молотова – Риббентропа предопределил судьбу стран Прибалтики и положил конец их недолгой независимости.

Прибалтика под дулом пистолета

Несмотря на то что советская и германская стороны обязались хранить «в строгом секрете» статьи дополнительного протокола к пакту о ненападении, слухи о состоявшемся в Москве разделе Восточной Европы возникли почти сразу, вызвав понятное беспокойство у руководства прибалтийских стран. Все они обратились за разъяснениями в представительства Германии и СССР. Сталинские и гитлеровские дипломаты дружно отрицали наличие каких-либо тайных договоренностей «на счет Прибалтийских республик».

В частности, германский посланник в Эстонии Х. Фровейн в беседе с министром иностранных дел Карлом Сельтером, состоявшейся 28 августа, сообщил: «Слухи о том, что будто бы при заключении пакта о ненападении между правительствами Германии и Советской России велись в какой-либо форме переговоры или заключались сделки в ущерб или за счет Эстонии и других государств Балтийского моря, не имеют никакой основы. Договор Германии и Советской России никоим образом не затрагивает и не наносит ущерба интересам Эстонии». Более того, именно пакт Молотова – Риббентропа «способствует устранению возможностей конфликта между прибалтийскими странами и их соседями», превращая Балтийское море в «регион мира». Красные полпреды, в свою очередь, ссылались «на выступления руководства и печати Советского Союза, на мирные традиции нашей внешней политики, на постоянное стремление Советского Союза помочь малым странам сохранить свое самостоятельное и независимое существование». Через два дня после немца Сельтера, с целью его правильной «ориентации», посетил советский полпред К.Н. Никитин, с возмущением заявивший, что «утверждения эстонских газет о красном империализме СССР и о том, что СССР желает оккупировать Эстонию, оказались вздорной, ничем не оправдываемой клеветой на СССР», и посоветовал министру приструнить ретивых газетчиков, «в ложном духе ориентирующих народные массы» и порочащих «мирное значение пакта и мирные намерения» Советского Союза.

Оценивая сложившуюся ситуацию, политические деятели сходились во мнении, что в силу непримиримости противоречий между большевистским и национал-социалистским режимами «закрытые друзья» скорее всего не заинтересованы в создании общей границы, а значит, странам Прибалтики предстоит играть роль некоего буфера между Германией и СССР. Как сообщал 5 сентября госсекретарю временный поверенный в делах США У. Леонард, «Министерство иностранных дел и начальник Генерального штаба Эстонии считают необоснованными слухи о секретном германо-советском соглашении, предусматривающем оккупа-

цию Эстонии; они не верят, что нынешние перемещения советских войск на западной границе указывают на это». В обществе наблюдались самые противоречивые настроения: часть правящих и состоятельных кругов ориентировалась на сближение с Германией и даже на союз с ней, часть – симпатизировала Англии и Франции. Существовали группы, настроенные в пользу тесного сотрудничества с СССР. Но также несомненно, что основная масса населения, не возражая против того, чтобы заручиться поддержкой сильного союзника, желала бы сохранить и нейтралитет, и независимость собственной страны.

Начало войны в Европе усилило опасения прибалтов быть втянутыми в события и побудило ввести в действие законы о нейтралитете. Одновременно эти страны стали рассматривать возможность экономического сближения с СССР, предложив переговоры о расширении товарооборота и возможности транзита грузов через Беломоро-Балтийский канал и северные советские порты, ввиду вероятности превращения Балтийского моря в театр военных действий. 13 сентября в Москву для консультаций по этим вопросам выехал директор эстонского Департамента внешней торговли Мери.

17 сентября 1939 года Красная Армия перешла польско-советскую границу. В тот же день государствам, состоявшим в дипломатических отношениях с Советским Союзом, в том числе и прибалтийским, была вручена нота, в которой подчеркивалось, что «в отношениях с ними СССР будет проводить политику нейтралитета». Разгром и раздел Польши, продвижение советских границ на запад, явно продемонстрировавшие советско-германское взаимопонимание, поколебали уверенность эстонцев в прочности своего положения. Встревоженный Сельтер снова встретился с германским посланником, чтобы поделиться своими сомнениями. «Учитывая непредсказуемость поведения русских, – доносил Фровейн в Берлин, – невозможно предвидеть, не будет ли экспансия этого государства в Европе направлена также против прибалтийских государств. Возникает важный вопрос, захочет ли и сможет ли Германия в этих условиях оказать им помощь. Затем министр прочитал выдержку из турецкой газеты, в которой приводилось сообщение из Москвы, что будто бы Германия признала необходимость присоединения прибалтийских государств и их портов к Советской России. Я немедленно заявил, что это сообщение исходит от английских агентов и имеет ярко выраженный провокационный характер».

Между тем в Кремле Сталин и Молотов уже тщательно прорабатывали сценарий «территориально-политического переустройства» Эстонии и Латвии: им планировалось сделать предложения, от которых они просто не смогли бы отказаться. «Железо было горячо», и Вождь «ковал», куда там Гитлеру. Первой на очереди была «маленькая миролюбивая Эстония».

Формальной причиной для оказания на нее политического давления стал инцидент с польской подводной лодкой «Орел».

С началом боевых действий все пять субмарин ВМС Польши вышли на боевое патрулирование в выделенные им сектора Данцигской бухты с задачей воспрепятствовать высадке германских морских десантов в районе Хеля. Подводникам, поставленным собственным командованием в самые неблагоприятные условия, пришлось действовать на ограничивающем возможности маневрирования мелководье при полном господстве сил противника на море и в воздухе. При этом полученные командирами инструкции запрещали им торпедировать не имеющие вооружения немецкие транспорты без предварительного уведомления. В итоге, подвергнувшись неоднократным атакам и получившие повреждения, никаких боевых успехов польские лодки не добились, а 14 сентября им было приказано по исчерпанию ресурсов прорываться в Англию или идти к берегам Швеции.

Ночью 15 сентября в Таллинскую гавань под предлогом неисправности механизмов вошла подводная лодка «Орел». На самом деле причиной тому послужили признаки тифа, выявленные у командира лодки капитана 3 ранга Х. Ключковского. Однако, согласно междуна-

родным правилам, только авария либо бедствие могли служить достаточным основанием для захода боевого корабля одной из воюющих сторон в порт нейтрального государства, позволяя при этом избежать интернирования. Клочковского немедленно поместили в госпиталь. На следующий день, несмотря на протест польской дипломатической миссии, эстонские власти, стремясь к неукоснительному соблюдению своего нейтралитета, объявили, что лодка будет интернирована. На борт поднялись жандармы и военные моряки, приступившие к разоружению судна. Были изъяты замки орудий, артиллерийские снаряды, часть торпедного боезапаса, навигационные приборы, карты и книги; выставлены эстонские часовые. Экипаж с этим решением не смирился и под руководством старшего помощника Яна Грудзинского и минера Анджея Пясецкого разработал план побега. В ночь с 17 на 18 сентября «Орел» вырвался из плена и скрылся в неизвестном направлении, имея на борту шесть торпед, которые эстонцы не успели выгрузить.

Скандал разразился грандиозный. В Таллине началось громкое расследование с поисками виновных. Берлинские газеты писали о замученных и утопленных коварными поляками эстонских часовых. Но больше всех за свое судоходство «перепугался» Советский Союз. Москва обвинила власти Эстонии в попустительстве бегству «Орла», а также объявила, что, по данным достоверных источников, в гаванях Балтийских стран, пользуясь тайной поддержкой правительственных кругов, скрываются не только польские, но и подводные лодки «других известных государств».

19 сентября Молотов заявил эстонскому посланнику Аугусту Рею, что СССР возлагает ответственность за происшествие на Эстонию и Красный Балтийский флот будет искать эту лодку по всему Финскому заливу. Тем самым была установлена морская блокада Эстонской республики, в ходе которой в ее территориальные воды неоднократно вторгались советские эсминцы, увлеченные охотой за подводными лодками и, видимо, с той же целью обстреливавшие побережье. Советская авиация в поисках укрывшихся субмарин совершала обширные полеты над территорией Эстонии. Эстонские военные получили приказ огонь по нарушителям ни в коем случае не открывать, а политики всячески демонстрировали лояльность и выражали удовлетворение действиями ни с кем вроде бы не воюющего Советского Союза «во ограждение безопасности своего судоходства».

«Здесь опасаются, – телеграфировал 21 сентября из Таллина итальянский посланник, – что под предлогом этого факта советские корабли больше не (именно не) покинут эстонские воды и установят строгую блокаду берега, что может стать подготовкой последующей оккупации страны. Демонстрация флота и осуществляемая концентрация пограничных войск служат цели окончательно убедить эстонское правительство в бессмысленности любого противодействия. Эстонский министр иностранных дел сказал мне, что оценивает положение как серьезное, но не думает, что существует опасность советской оккупации».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.